ОТ АВТОРА «НЭКО-КАФЕ. ПРАВИЛА ЖИЗНИ КОШЕК»!

Анна Шойом

18+

ПЕС, КОТОРЫЙ ШЕЛ ПО ЗВЕЗДАМ

ЛЮБОВЬ ВСЕГДА НАЙДЕТ ДОРОГУ

Пес, который шел по звездам
Анна Шойом

Аннотация
Анна Шойом. Пес, который шел по звездам
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
Эпилог
Чему учит Роши
Благодарности

Аннотация

72-летняя Ингрид, тяжело переживающая смерть мужа, через полстраны уезжает к родственникам со своим золотистым ретривером Роши. Но в гостях с ней случается новая беда: Роши сбегает и, напуганный фейерверками и стаей бродячих псов, безнадежно теряется. В одиночестве Ингрид возвращается домой, где теперь оплакивает и мужа, и собаку.

Однако для преданности расстояния не помеха:

Роши полон решимости отыскать Ингрид и не сдастся, пока не вернется к своему самому важному другу. Почти год Роши проводит в дороге, то и дело встречая людей, которые ему помогают. Это очень разные люди – благополучные и побитые жизнью, готовые к переменам и махнувшие на себя рукой. И им всем есть чему поучиться у целеустремленного и жизнелюбивого пса, которого не зря зовут Роши, «старый учитель» в дзенбуддизме: порой он понимает их лучше, чем они сами, и никогда не отказывает в помощи тем, кому она нужна.

Анна Шойом живет в Барселоне, где практикует психосоматическую терапию. Ее первый роман «Нэкокафе. Правила жизни кошек» переведен на двадцать языков. Второй роман, «Пес, который шел по звездам», уже издающийся в четырнадцати странах, – вдохновленная реальными событиями история о верности, мудрости, доброте и возможности счастья.

Впервые на русском!

Анна Шойом
Пес, который шел по звездам

Anna Sólyom
EL PERRO QUE SEGUÍA LAS ESTRELLAS
Copyright © Anna Sólyom, 2024
Translation rights arranged by Sandra Bruna Agencia Literaria, SL
All rights reserved
© В. Л. Капустина, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Всем друзьям, двуногим и четвероногим, которые помогают нам жить и наслаждаться жизнью. Спасибо, что напоминаете: любовь всегда найдет дорогу.

Ацтеки верили, что после смерти души отправляются в долгое странствие. Чтобы попасть на небо, им нужно пройти через Миктлан — девять кругов загробного мира. Это нелегкое путешествие, и не все способны его выдержать. Множество напастей подстерегает душу на пути к бессмертию.

В первом круге есть большая река, она протекает между мертвыми и теми, кто стремится к вечной жизни. Река эта так полноводна и широка, что ни одна душа не в силах переплыть ее и не утонуть, если только ей не поможет собака.

Вообще-то, там, у реки, множество собак, и они знают, кого перевозить на ту сторону, на берег вечности, а кого нет.

Как в жизни человек выбирает собаку, которая будет ему товарищем, так собака выбирает человека, который и после смерти достоин жить. Многие мужчины и женщины, не заслужившие доверия животных, не станут избранными, и для них путешествие закончится на дне реки, где и пребывать им вечно.

На переправу через реку и последующие круги дается не более сорока дней, и собак часто пытаются задобрить ласковыми словами, но те не дадут себя обмануть. Они умеют распознать, чья душа чиста, а чья нет. Если при жизни ты был добр и сострадателен к собакам, тем более если ты приютил собаку, оставшуюся без крова, одна из них выберет тебя и спасет твою душу.

Ацтеки с почтением относились к четвероногим, ибо знали, что это лучшие друзья людей и при жизни, и после смерти.

Эта история — о вечной дружбе человека и собаки. Она также о долгом путешествии по миру живых и о том, как собака, отыскивая путь домой, спасла много душ, оставив свой след в этом мире.

1

На жизненном пути случаются у нас попутчики, которые меняют нашу жизнь, друзья, которые навсегда остаются с нами… Для Ингрид это золотистый ретривер, и сейчас он смотрит на нее с беспокойством.

Захлопывается дверь в цокольном этаже, по телу женщины, разменявшей восьмой десяток, пробегает легкая дрожь. Она не любит расставаться с другом, даже на один вечер.

Они вместе уже три года и ни разу не оказывались порознь в чужом городе. Вообще-то, они раньше и не уезжали так далеко от дома.

Поднявшись по ступенькам и выйдя из дома, Ингрид направляется к машине брата.

Она не любит фейерверков, но праздничная атмосфера всегда поднимала ей настроение. Раньше, когда в воскресные и праздничные дни ей порой бывало одиноко, она любила смотреть, как веселится и танцует молодежь. Ей всегда казалось, что китайский Новый год наступает как раз вовремя: радость и свет Рождества уже померкли и как хорошо бывает увидеть на уны-

лом склоне января танцующего дракона!

Однако все это было до того, как в ее жизни появился Роши.

Ингрид бросает последний взгляд на дом брата и со вздохом захлопывает дверцу. Машина трогается с места.

В ночь на Четвертое июля повсюду суета и толпы народа. Река людей петляет между киосками, торгующими едой и напитками. Над главным шатром развевается огромный флаг Соединенных Штатов. Над лужайкой, где люди сидя или стоя ждут начала шоу, развешаны цветные лампочки. По яркости и великолепию ни один праздник не сравнится с Днем независимости.

За киосками и баннерами — тьма кромешная, но время от времени из темноты вырастают пальмы фейерверков. Потом официальная пиротехника сменяется отдельными любительскими хлопками: похоже, дети и подростки нарочно бросают петарды под ноги гуляющим.

Стреляют так близко, что Ингрид непроизвольно ищет глазами Роши. И тут же с облегчением вспоминает, что Роши с ней нет. Она оставила его в цокольном этаже, в доме брата, которого не навещала до этого целую вечность. Ингрид в очередной раз посещает неуютная мысль: а хорошо

ли золотистому ретриверу в незнакомом доме?

Брат трогает ее за плечо, будто пробуждая ото сна:

— Пойду куплю что-нибудь попить. Тебе принести?

Она мотает головой.

Маленькая горячая ладошка находит ладонь Ингрид.

— Тетя, тебе нравится?

Внизу, у ее ног — Ева, крошечная внучка ее брата, в огромном сомбреро, которое постоянно съезжает ей на глаза. Девочка поднимается на цыпочки, чтобы привлечь внимание тети Ингрид, о которой она так много слышала, но которую до недавнего времени не знала.

— Конечно, милая! — отвечает Ингрид, сжимая маленькую ручку. — У меня болит спина, так что я не могу тебя поднять, как дедушка или папа, но, может, мы найдем стул, ты встанешь на него и тебе будет лучше видно.

— Папа обещал мне хот-дог. Почему он так долго не идет? И мама ушла в туалет уже давно… А вдруг с ней что-нибудь случилось?

— Там просто очередь, солнышко. Нужно набраться терпения и подождать.

«Вряд ли с Евой труднее договориться, чем с Ро-

ши», — думает Ингрид.

— Я устала! — кричит снизу девочка.

— Можем присесть прямо здесь. Хочешь?

Ингрид отпускает руку Евы и достает из рюкзака старую, пахнущую дымком подстилку в зеленую клетку, которую на пикниках всегда расстилали на траве.

Не обращая внимания на взрывающиеся вокруг петарды, Ева радостно топчется босиком по подстилке. Выйдя на середину, она кланяется, как балерина, стараясь при этом удержать свое худенькое тельце в равновесии.

— Тетя, а ты не хочешь хот-дог? Роши наверняка захотел бы… А почему его не взяли?

— Он остался дома. Пришлось его запереть, чтобы он не волновался. Знаешь… фейерверки — это не для собак.

Внезапная вспышка на небе привлекает внимание девочки.

— Тетя, смотри! Видишь?!

Прямо у них над головой величественно взрывается огромное сердце из красных звездочек, и все это сопровождается свистом и хлопками петард.

В доме пахнет пылью и сыростью. Мое обоняние снимает слой за слоем: свежие запахи, запахи постарше. От иных остались лишь обрывки, некоторые такие сильные, что я чихаю — вот сейчас, например, когда сунул морду в шкаф и учуял что-то давно разложившееся.

Кроме запахов, в доме ничего и никого нет. Я знаю точно, потому что, когда скулю или лаю, в ответ слышу только тишину.

Когда Ингрид оставила меня здесь одного и ушла, когда взревел автомобиль, я просто волком взвыл, но это не помогло.

Я сажусь и чешу правое ухо. Потом с упорством ищейки исследую все углы подвала. Много времени уходит на то, чтобы выяснить, как устроена дверь на лестницу. Оказывается, так же, как все двери в доме. Я встаю на задние лапы, упираюсь в дверь передними и толкаю. Не поддается. Я упрямый и, если что задумал, не отступлю, пока не добьюсь. Я выберусь отсюда. Вдруг легкое свежее дуновение холодит мой нос. Все мое тело напружинивается.

Поднимаю нос, словно поворачиваю радар, кручу головой, пытаюсь сообразить, откуда в узкой кладовой дует этот ветерок. Лапы приводят меня к окошку. Окно довольно высоко, но другого спо-

соба выбраться нет. Некоторое время, собираясь с духом, подвываю на это открытое окно.

Я должен прыгнуть. Но нужна опора, мне надо оттолкнуться от чего-нибудь, чтобы допрыгнуть до окна. Слишком высоко.

Прохаживаюсь, встряхиваюсь, но это не помогает: не могу додуматься, как преодолеть эту высоту, отделяющую меня от моей дорогой Ингрид.

Но почему она заперла меня здесь? Я же не сделал ничего плохого, за что меня наказывать… Ингрид никогда раньше не оставляла меня одного в незнакомом месте… Раньше.

Оставаться дома — это совсем другое дело! Там я, по крайней мере, точно знал, что она вернется. А здесь нет.

Я должен выбраться отсюда и найти ее!

Хожу кругами, ищу, что могло бы мне помочь. Под окном узкая полка, уставленная банками с вареньем. Она тоже довольно высоко, но это единственный выход.

Мне всегда нравились игры, требующие ловкости. Ингрид приучала меня бегать и прыгать, чтобы быть в форме. Вот оно и пригодилось!

Ставлю передние лапы на полку, две банки падают на пол и разбиваются. Все равно. Обратной

дороги нет.

Вскакиваю на освободившееся место, отталкиваюсь — и мне удается выскочить в окошко. Правда, в прыжке я задеваю спиной верхнюю раму.

Да, слегка ушибся, зато свободен!

Пытаюсь зализать место удара, но до хребта не достать. Что ж, применим испытанное средство: ложусь на спину и катаюсь по земле, переворачиваюсь с боку на бок, как котлета на сковородке.

Кажется, стало получше.

Поднимаюсь и встряхиваюсь весь, от носа до кончика хвоста. Потом снова, уже снаружи, нюхаю эту жуткую дыру, откуда только что выбрался.

Но кое-что омрачает мою радость.

Автомобиль, эта урчащая штуковина, которая привезла нас сюда несколько дней назад, больше не стоит на подъездной дорожке. К счастью, я могу взять след — я чую, в какую сторону от одиноко стоящего дома поехала Ингрид. Она поехала в город.

Жаль, что не в лес, на ту тропинку, где мы гуляли в последнее время, потому что те места я знаю как свои пять… подушечек на лапе.

Остается довериться носу.

Я долго иду по обочине дороги. Наконец выхожу на окраину города, неподалеку от парка. Слышно, как в траве бежит ручей.

Ищу запах Ингрид, держусь пешеходов — они, похоже, знают, когда переходить дорогу.

У входа в парк я впервые улавливаю запах моей хозяйки! Наконец-то!

Прохожу мимо дружелюбной семьи с двумя детьми. Дети хотят меня погладить, но родители им не разрешают. Люди совершенно не разбираются, какую собаку можно гладить, а какую нет. Некоторое время следую за ними, покачивая хвостом в такт их мелким шагам.

Семья направляется туда же, куда ушла Ингрид. Я предельно сосредоточен, люди вокруг мне не мешают. Я знаю, что Ингрид где-то рядом, и это единственное, что имеет значение.

Я крадусь, как тень, почти незаметный в потоке людей, — уже, между прочим, большое достижение для собаки золотистого окраса. И вдруг раздается страшный взрыв.

Я в ужасе бросаюсь в ближайшие кусты. Пытаюсь определить, откуда грозит опасность, но взрывы множатся, они теперь со всех сторон. Бегу изо всех сил, иногда натыкаюсь на людей и от этого пугаюсь еще больше.

Вижу ямку, окруженную высокой травой. Я в ней едва помещаюсь, но все же мне удается забиться туда. А вообще-то, я хотел бы провалиться сквозь землю. Скулю, но сам не слышу своего голоса. Только бы найти Ингрид и вернуться домой!

2

Фейерверк заканчивается, и все уже успели насладиться хот-догами, картошкой фри, тако — кукурузными лепешками с мясом и другими праздничными закусками. Ингрид давно хочет вернуться. Маленькая Ева радостно прыгает вокруг родителей, а вот ее двоюродная бабушка очень устала — она мечтает покинуть это шумное сборище, выпустить Роши из заточения и отправиться с ним на вечернюю прогулку.

Она уже соскучилась по нему и все время представляет себе, каково ему одному в чужом доме.

Толпа мало-помалу расходится, киоски, торговавшие съестным, уже закрыты. Свет гаснет. Только у одного прилавка еще стоит очередь — тут отпускают алкогольные напитки за полцены, и, если бы не эти люди, парк бы уже опустел.

Повсюду груды мусора. Тут словно пронесся ураган. Ингрид никогда не могла взять в толк, почему люди не могут донести свой мусор до урны. Тренер по йоге считает, что когда-нибудь в них все-таки проснется сознательность, но Ингрид не надеется, что доживет. Она уверена

лишь в том, что у мусорщиков этой ночью будет много работы.

Тим, ее брат, худой и лысый, опять собирается заказать напитки, но Ингрид, с трудом поднявшись с импровизированного коврика для пикника, объявляет:

— Я ухожу. Я устала и волнуюсь, как там Роши.

— Сестренка, мы столько лет не праздновали вместе Четвертое июля… Останься ненадолго!

— Я хочу вернуться к своей собаке, а кроме того, у меня разболелась спина. Я найду дорогу к машине, не волнуйся. А тебя кто-нибудь подбросит обратно. Можешь дать мне ключи от дома?

— Не беспокойся… Я поеду с тобой. Я же обещал заботиться о тебе!

Последние слова Тима тонут в приступе кашля, сгибающего его пополам. Правда, он довольно быстро и легко выпрямляется, вытирая капли пота со лба. Приобняв его за плечи, Ингрид спрашивает:

— Как ты себя чувствуешь? Что-то мне это не нравится…

Она внимательно всматривается в лицо брата, но тот высвобождается и снова отирает лоб.

— Все хорошо, — бросает он, — поехали домой, — и опять кашляет.

Ланс, сын Тима, смотрит на отца с беспокойством. Рубашка его расстегнута, к тому же он слишком расслабился, чтобы быстро встать, но не может удержаться от вопроса:

— С тобой все нормально, папа? — И встревоженно хмурится.

Тиму неприятны эти вопросы. На лице Софи, жены Ланса, написано полнейшее безразличие.

— Все в порядке, сынок… Вы с малышкой едете домой?

— Мы еще немного побудем, — отвечает Софи. — Пусть Ева еще порезвится. А то она в последнее время плохо засыпает.

Ингрид прощается:

— Ну, веселитесь, а мы пошли.

Она подходит к маленькой Еве, чтобы попрощаться. Девочка носится вокруг родителей. Веселость Евы согревает Ингрид сердце, но кашель брата тревожит. Он что-то скрывает — Ингрид почти уверена.

— Роши! Мама пришла! — кричит Ингрид, войдя в дом.

Тим качает головой и бросает ключи на комод

у двери.

«Почему она так зациклена на этом Роши? — думает он. — Это ведь всего лишь собака!»

Да, он понимает, как Ингрид одиноко после смерти Джерарда, но такая чрезмерная привязанность к животному кажется ему странной.

Тим снимает ботинки, размышляя о своем кашле и о пронзительной боли в спине, там, где легкие. Он никак не может набраться смелости и пойти к врачу. Боится услышать скверный диагноз. Почему это так тяжело — стареть?

Он со вздохом тащится на кухню.

— Тим! Роши нет! Он убежал! — кричит Ингрид.

— Что?! — Тим бегом спускается в цокольный этаж.

Но как собака могла вырваться оттуда? Это невозможно.

Ингрид стоит, прислонясь к двери, и смотрит в одну точку огромными прозрачными глазами. Губы и даже морщинки у рта дрожат. Собаки нет.

Проследив за взглядом сестры, направленным на открытое окно, Тим в замешательстве трет глаза. Как пес умудрился подпрыгнуть так высоко? Тем не менее осколки банок с вареньем на полу подтверждают, что именно так Роши и сбежал.

— Давай выйдем и посмотрим снаружи. — Тим берет сестру за руки, пытается успокоить. — Не бойся, мы его найдем. Он не мог далеко уйти!

Ингрид вырывается и бежит к столу, наступив на разлитое варенье. Она так напугана, что не в силах даже заплакать.

— Я не должна была оставлять его здесь одного… Черт бы побрал эти собачьи тренировки! — с горечью твердит она.

Они поднимаются на первый этаж, обегают вокруг дома. У нижнего окошка Ингрид обнаруживает клок золотистой шерсти. Понятно, чья это шерсть! Она осторожно берет ее в руки, расправляет, чувствуя, как рушится ее жизнь.

3

Взрывы прекратились, но я по-прежнему прячусь в яме. Надо удостовериться, что опасность миновала. Дрожь постепенно унимается, но я так измучен, что прячу голову между лап и на секунду закрываю глаза. Не понимаю, зачем Ингрид поехала сюда, здесь же очень опасно!

Мимо меня прошло так много людей, что я больше не чувствую запаха Ингрид. В воздухе все еще плавает пороховой дым, легкий ветерок гоняет по траве обертки от хот-догов и банки из-под газировки, которая так нравятся людям.

Стоит вспомнить об Ингрид, и я непроизвольно начинаю вилять хвостом. Теперь я и вовсе не понимаю, где ее искать. Буду ждать здесь. «Она точно меня ищет», — думаю я. Глаза слипаются от усталости.

Просыпаюсь от голода. Идет дождь. В яме, где я прячусь, полно воды, и, похоже, яма стала глубже, потому что приходится изрядно поработать лапами, чтобы вылезти.

Покинув укрытие, я осознаю, что никто меня не искал, никто за мной не пришел, и жалобно

скулю. Ингрид не придет, а дождь смыл все прежние запахи, и мой нос теперь бесполезен.

Надо отряхнуться и пройтись, чтобы взбодриться. Вскоре я вижу пруд. Кажется, вода тут чистая. Напившись, пытаюсь размять лапы, готовлюсь к долгой ночи поисков. Спина болит все сильнее — там, где я ударился об оконную раму. Там, наверно, шерсть содрана, потому что я чувствую на коже капли дождя.

Я уже насквозь промок. Сильно встряхиваюсь, на секунду окружив себя облачком брызг.

Оглядевшись, вижу ту самую посыпанную гравием дорогу, по которой пришел сюда. Все киоски закрыты, парк опустел. Вернуться на дорогу или продолжить поиски в парке? Принюхиваюсь, стараясь уловить хоть какой-нибудь знакомый запах. И вдруг боковым зрением вижу три тени. Инстинктивно припадаю к земле и потихоньку сдвигаюсь, чтобы приглядеться.

Все органы чувств напряжены, я осторожно поворачиваю голову влево и различаю у выхода на дорогу мокнущих под дождем псов. Они окружили огромный мусорный бак.

Антенна моего хвоста вытягивается, сигнализируя об опасности. Да, это собаки, но я не могу уловить их запах — слишком далеко. И дождь ме-

шает. Это друзья или враги? Может, они помогут мне отыскать Ингрид?

Я некоторое время наблюдаю за ними, а они меня не замечают. Одна собака пытается забраться внутрь бака, но безуспешно. В конце концов они втроем опрокидывают бак, и он со стуком падает на землю. Молодцы ребята!

Я подхожу медленно и очень осторожно. Я не из их стаи и потому веду себя очень благоразумно: дружелюбно и спокойно виляю хвостом, почти мету им землю. Они так увлеченно добывают из мусорки остатки пищи, настолько поглощены своей нищенской трапезой, что долго меня не замечают.

Когда я приближаюсь настолько, что уже могу определить по запаху, что именно они едят, мое присутствие обнаруживается. Они замирают. Кажется, даже воздух вокруг и тот застыл.

Сажусь и склоняю голову, чтобы показать им, что пришел с миром. Но похоже, они не понимают.

Тощая как скелет черная сука с длинными лапами скалится и рычит, шерсть у нее на загривке встает дыбом. Одним прыжком она оказывается совсем рядом. Ясное дело, защищает свою добычу. Я так понимаю, она в этой маленькой стае

главная.

Приседаю так, что мой живот почти касается земли. Осторожно отступаю. Скулю, чтобы дать им понять, что неопасен. В конце концов просто ложусь на живот.

Мне никогда не приходилось попадать в такую ситуацию, но интуиция подсказывает, что смотреть в глаза этой разъяренной стерве не стоит. Я мету землю хвостом. Мне не нужно их мусорной еды, я все еще надеюсь поужинать дома! Цель у меня одна — избежать драки с тремя чужими собаками.

От всех троих пахнет жирной грязью и опасностью. Впервые в жизни я встречаю бродячих собак. Я, конечно, понимаю, что их враждебность — всего лишь защита своей территории, и тем не менее…

Что-то мне все это не нравится. Меня бьет дрожь, я чую недоброе. Перестаю вилять хвостом и внимательно оглядываю всю стаю. Огромный аргентинский дог, когда-то, возможно, был белым. Глаза у него красные. Самую злобную псину я уже рассмотрел. И последний член стаи — сука средних размеров, помесь немецкой овчарки непонятно с кем, черно-белая с коричневатыми подпалинами.

Обе собаки злобно подпрыгивают возле своей предводительницы, рычат и скалят зубы. Они явно бросают мне вызов, и, боюсь, после этой схватки я могу успокоиться навсегда.

Отступаю еще, втягиваю живот, напрягаю все мышцы. Дрожь переходит в озноб, меня трясет от загривка до кончика хвоста. Я знаю, что за свой пир из объедков они будут биться насмерть.

Инстинктивно все делаю правильно: показываю им свои крепкие здоровые клыки, шерсть у меня на загривке тоже встает дыбом, как у них. Раньше со мной никогда такого не случалось!

Совсем стемнело. Теперь я вижу только этих троих. Они окружили меня и собираются напасть.

Раскат грома служит им сигналом к наступлению: все трое бросаются на меня. Первый укус в левую лапу такой болезненный, что я прихожу в ярость и кусаю все, что попадется, не разбирая: уши, лапы, спины, морды… Но их это не пугает. Я домашняя собака, мне никогда не приходилось драться, поэтому мои клыки чаще всего хватают воздух.

Дождь становится сильнее, иногда мне удается уклониться, но все равно выстоять одному против троих невозможно. Я припадаю к земле и

жалобно скулю, но знаю: они меня не пощадят.

Они кружат около меня, как стая волков, загоняющая добычу. Внезапно совсем близко от мусорного контейнера ударяет молния. Следует оглушительный раскат грома. Бродячие собаки пугаются. И тогда я бросаюсь на предводительницу и кусаю ее в шею. Видимо, ей очень больно, и, воспользовавшись ее замешательством, я удираю в глубину парка.

Когда они опомнятся и захотят погнаться за мной, я буду уже далеко от перевернутой мусорки.

Они выиграли бой за ошметки колбасы, тако, гамбургеров и прочие объедки с пира людей. Я же спасся от смерти.

4

Ингрид и Тим готовятся к долгим ночным поискам. Вооруженные фонариками, в кроссовках — ведь неизвестно, сколько придется ходить, — они стоят у окна, из которого выпрыгнул Роши. Ингрид осматривает траву, надеясь найти какие-нибудь следы. И вдруг застывает, светя в одну точку.

— Смотри, Тимми, — говорит она, от волнения слегка охрипнув. — Здесь кровь на траве. Наверно, он поранился.

Расстроившись еще больше, она опускается на колени и трогает траву.

— Возможно, — хмуро отвечает Тим.

Меньше всего на свете ему хочется провести ночь, разыскивая собаку сестры. Но придется.

«Вот чертова псина!» — думает он. Однако, изобразив на лице улыбку, протягивает сестре руку, чтобы помочь подняться, и говорит:

— Пойдем осмотримся. Не мог он далеко уйти…

— Роши! Роши! Где ты? — кричит Ингрид в темноту. Но отвечает ей только стрекотание

сверчков.

Они несколько раз обходят сад и зовут Роши.

Отчаявшись, Ингрид прислоняется к капоту машины.

— Я не должна была оставлять его одного в незнакомом доме, — бормочет она. — Он пошел искать меня…

У нее перехватывает дыхание, брат обнимает ее за плечи. Она пытается сдержаться, но тяжелые горькие слезы стекают по ее щекам.

— Мы найдем его, не волнуйся, — успокаивает ее брат.

Тишину, нарушаемую только дыханием Тима, внезапно прерывает ливень.

Не обращая на дождь внимания, Ингрид упрямо продолжает поиски. Сквозь стену дождя она вглядывается в лес, потом смотрит на дорогу к центру, до парка, откуда они недавно вернулись.

Дрожа от холода, она говорит:

— Я уверена, что Роши решил найти меня и отправился за нами в парк. Поехали!

— Может, лучше отдохнуть, а завтра рано утром продолжить поиски?

Ингрид сердится, протестует, но в итоге вынуждена смириться. Найти собаку в темноте, да еще в такую непогоду… Нет, это невозможно.

Кроме того, праздник кончился и парк на ночь закрывают. Она хорошо знает, что Роши не любит мокнуть под дождем и, значит, найдет себе какое-то убежище.

Она тяжело вздыхает, скрестив руки на груди, как бы оберегая от дождя фонарик. Брат уводит ее в дом. Молния освещает сад; по обыкновению чуть запаздывая, гремит гром. Но гроза уже уходит.

Измученная и промокшая, Ингрид съеживается под одеялом. Ей хочется стать маленькой-маленькой, почти невидимой. Она не хочет, нет, не должна думать о том, что, потеряв Джерарда, может лишиться еще и Роши.

5

Останавливаюсь немного отдышаться и понимаю, что оказался совсем в другой части парка. Здесь безопасно, но, похоже, я заблудился. Ничего вокруг не узнаю, и не только потому, что темно. Я ведь вижу носом, а здесь совсем другие запахи.

Припадаю на заднюю лапу и время от времени вынужден останавливаться, чтобы немного посидеть, хотя терпеть не могу сидеть в грязи. С каждым шагом боль сильнее. Зализать раны от укусов не удается, они продолжают кровоточить.

Мне нужен отдых, но куда важнее найти Ингрид. Поэтому я иду из последних сил. Очень хочется пить. Открываю пасть, но дождевых капель мне мало. Внезапно вспоминаю, что, спасаясь от стаи бродячих псов, перебежал по каменному мостику через пруд.

Мне очень трудно идти. Перед глазами все плывет. Хотя нос у меня оцарапан, я все равно чую запах грязи, которую месят мои лапы.

К счастью, вода недалеко. С трудом перехожу каменный мост и бреду дальше по берегу, туда, где в пруд впадает ручей. Он так красиво журчит,

даже под дождем.

Я неуклюже приседаю, наклоняюсь, надеясь, что уши и нос вовремя предупредят меня об опасности, и наконец-то пью. Даже это больно. Пить я сейчас могу только очень медленно.

Трава под каменным мостиком сухая. Я обнюхиваю свой сегодняшний приют. В моем положении выбирать не приходится. Покрутившись на месте, ложусь, свернувшись клубком. И тут же засыпаю.

Когда я просыпаюсь, еще темно. Дождь кончился, но воздух по-прежнему очень сырой. Холод пронизывает мое измученное тело. Поднимаюсь и, пошатываясь, отправляюсь в путь. Очень хочется есть. Пытаюсь отряхнуться от воды, но, потеряв равновесие, шлепаюсь. Вылизываю здоровенную рану на задней левой лапе, ближе к животу.

Бреду по берегу ручья, вниз по течению. Возможно, так я попаду в какое-нибудь знакомое место, все равно какое, лишь бы подальше от бродячих собак.

Все-таки я молодец, неплохо справляюсь: петляю между камнями и кустами, рассматриваю лягушек и рыбешек, живущих в ручье. Живот напоминает мне, что неплохо бы подкрепиться,

но тут не до охоты, просто держаться на ногах и то тяжело.

Ручей вдруг ныряет под стену с кованой решеткой наверху. Стена выше меня. Вряд ли я смог бы ее перепрыгнуть даже со здоровой лапой.

За стеной с решеткой ручей течет дальше. Придется перейти вброд на другой берег, говорю я себе.

Потихоньку спускаюсь к ручью. Тут не очень глубоко, мне по брюхо будет. Холодная вода несколько заглушает боль в паху. Медленно тащусь на тот берег.

6

Ингрид лежит на кровати в одежде, и сна у нее ни в одном глазу. Она сжимает в руках плюшевого зайца, любимую игрушку Роши. У Ингрид очень болит голова, глаза воспаленно блестят. Комната наполнена отсутствием Роши.

Ингрид слушает дождь и раз за разом прокручивает в голове, как все это могло произойти. Она уверена, что пес сбежал, чтобы найти ее. Может, ему даже удалось добраться до парка, а там его напугали петарды. Ингрид в очередной раз проклинает фейерверки и открытое окно.

«Зачем я взяла с собой Роши? Ведь можно было оставить его дома с кем-нибудь…» Она снова и снова мучает себя этим вопросом.

«Потому что за эти три года мы с ним ни разу надолго не расставались…» — отвечает она.

Измучившись, она пытается расслабиться, как учила тренер по йоге. Но ничего не получается: глубокий вздох неизменно превращается в громкий всхлип. Она встает и принимается ходить вокруг кровати. Нужно успокоиться.

Она вспоминает худое длинное лицо Джерарда,

его грустную улыбку… Словно он просит у нее прощения за то, что не смог вылечиться от проклятого рака и оставил ее одну.

Ингрид рыдает, обхватив себя за плечи.

«После смерти Джерарда я так захотела завести собаку…» — шепчет она в темноту и снова плачет.

Проходят часы. Должно быть, она отключается на какое-то время, а потом просыпается от холода — уснула, прислонившись спиной к стене. У нее болит все: тело, сердце, душа. За эти три года она не излечилась от тоски по Джерарду, а теперь существо, которое стало ее последней опорой в жизни, потерялось и где-то бродит.

Ингрид массирует суставы, растирает спину, прежде чем лечь в постель. Она настолько измотана, что ей трудно раздеться. Уже лежа, она протягивает руку и выключает ночник.

Завтра дождь прекратится. Она встанет очень рано, пойдет искать Роши и найдет его в парке, внушает она себе, чтобы успокоиться. Все будет хорошо.

Устав ворочаться, Ингрид засыпает: одна рука на груди, в другой зажата игрушка Роши.

7

Просыпаюсь и радуюсь горячим солнечным лучам. Моя шерсть все еще влажная. После сна чувствую себя получше, но урчание в животе напоминает, что я ничего не ел со вчерашнего дня.

Дышу с какими-то странными хрипами, сам удивляюсь. Чихаю, и это напоминает, что даже на носу у меня рана. Да, эти жуткие бродяги изрядно меня порвали.

В животе снова урчит. Он напоминает, что надо найти какую-нибудь еду.

Встаю и пытаюсь потянуться — боль опять напоминает о вчерашней драке. Левая задняя лапа вообще отказывается служить. Вот так, на трех лапах и возвращаюсь к ручью, чтобы попить. Потом тащусь еще некоторое время вдоль по течению и добираюсь до не слишком большого, в несколько ступеней, каскада. А вот хороший, плоский, нагретый солнцем камень, здесь можно передохнуть. Смотрю на небо: на нем нет и следа вчерашней бури.

Некоторое время просто лежу на камне, но потом мой непоседливый характер дает себя знать,

тем более что неподалеку слышен какой-то шум. Любопытство, которое сильнее хромоты и боли, приводит меня туда, где вода набирает скорость, прежде чем обрушиться в пропасть, окруженную острыми скалами.

Озираюсь, ища тропинку, которая вывела бы меня хоть куда-нибудь, и вдруг замираю. Новый запах! Нежный летний ветерок приносит мне запах человека. И очень скоро я вижу этого человека. К водопаду идет худощавая молодая женщина.

Наученный горьким опытом, я, не двигаясь, наблюдаю за ней. Она меня не замечает. Я не спускаю с нее глаз — вдруг снова придется уносить ноги. Что поделаешь, надо учиться выживать.

Она подходит ближе, и едкий запах становится сильнее. Я чую ее страх, хотя странно — вокруг нет ничего угрожающего. Стою на месте и принюхиваюсь, прикидываю, безопасно ли подходить к ней.

Осторожно отступаю в кусты. Мои уши и нос шевелятся сами собой, пытаясь переварить информацию, пока что мне непонятную. Почему эта женщина подает сигнал опасности? Кроме нее, меня и водопада, здесь никого нет.

Мой хвост нервно метет землю. Кладу морду

на вытянутые лапы и размышляю: может ли эта женщина дать мне поесть?

8

Красный рассвет просачивается сквозь шторы. Дженни спокойно кладет шариковую ручку на стол, как японка, которая готовится совершить сэппуку, ритуальное самоубийство.

Она тщательно складывает три листка, где только что написала какое-то послание. Засовывает листки в конверт и запечатывает. Кладет конверт на середину стола, отходит и некоторое время издали смотрит на письмо, будто любуется произведением искусства.

Она подходит к зеркалу в ванной. Ничего не изменилось: буйная светлая грива до плеч; бледная кожа; под карими глазами залегли темные круги; худые, костлявые плечи.

Душ принимать она не станет. Зачем? Плеснув воды из-под крана себе на лицо, прощается со своим отражением в зеркале, отворачивается и выходит из ванной.

Она натягивает первые попавшиеся брюки, надевает поношенную футболку.

Дом, как обычно, пуст; он почти стерилен, везде какой-то патологический порядок. Она боси-

ком проходит по дому, заглядывает в каждую комнату, как человек, собирающийся в долгое путешествие. Так оно и есть.

Пять лет она провела в этом доме одна, если, конечно, не считать нескольких случайных посетителей. Вопросы «может, мне было бы лучше в другом месте?» и «не вернуться ли в город?» давно утратили всякий смысл.

Она надевает старые кроссовки «Нью Баланс» и джинсовую куртку. Потом выходит из дома, не взяв с собой ключей. «Прощай, дом, будь добр к следующему жильцу», — думает она, проходя через сад. Она дрожит от утренней прохлады.

Машина стоит прямо перед домом. Но Дженни обходит ее, решив дойти до водопада пешком.

По щеке медленно ползет слеза. Одна из многих. Это дождь льется и льется из ее глаз. «О боже, как я устала чувствовать», — говорит она себе, утирая щеки рукавом.

Хотя решение принято, ей стыдно за свою уязвимость и слабость. «Да, жизнь пошла под откос, но, будь я более стойкой, — думает она, — все не кончилось бы вот так».

Она идет к водопаду вдоль ручья. Его серебристая струя напоминает лезвие ножа, воткнутое меж острых скал. Она не спешит исполнить за-

думанное. Снимает кроссовки, опускает ноги в холодную воду. Поднимает голову к небу, позволяя солнцу высушить слезы. Становится жарко, и она снимает куртку, аккуратнейшим образом свертывает ее и кладет на кроссовки.

Она сидит, погрузившись в свои мысли, потом наконец встает и заглядывает вниз, туда, куда падает вода, на самое дно.

Она ведь решила прыгнуть, но не может. Ее ужасает и падение, и удар о скалы. Стоит шагнуть ближе к краю обрыва и взглянуть вниз — и тело слабеет. Она снова садится, обхватив руками колени, и думает: «Какая же ты трусиха! Что же теперь делать?..»

И вдруг… о, какая удачная мысль! Она роется в карманах куртки. Вчера ее позвали в одну семью. У их любимого пойнтера была последняя стадия рака желудка. Хозяева попросили ее положить конец страданиям собаки, но, когда она пришла, пес уже умер. Она испытала облегчение оттого, что не пришлось делать укол. Шприц со снотворным она не стала возвращать в клинику, он так и остался у нее в кармане. Что ж, если этот препарат способен убить одно млекопитающее, то убьет и другое.

Она вынимает пластиковый футляр, достает

шприц и рассматривает его на свет внимательно, как никогда. А ведь ей приходилось делать такие уколы сотни раз. Она уверена, что пентобарбитал подействует. Пойнтер — это, конечно, не датский дог под шестьдесят килограммов, но уж не настолько меньше ее он весил. Она вздыхает и, чтобы набраться смелости, вспоминает животных, которых ей приходилось усыплять. Ей казалось, что все они мирно «засыпали».

Уже со шприцем в руке она борется с последними сомнениями. Убеждает себя, что из бездонного колодца ей не выбраться. Остается только погрузиться в этот колодец. Лицо ее становится напряженным, она снимает пластиковый колпачок с иглы. Часто-часто дышит, отыскивая вену на левой руке. Плеск воды, щебет птиц, гудение пчел — как ясно она это слышит… Вот парадокс: тело начинает чувствовать себя живым именно тогда, когда ты собираешься сделать ему милосердный укол смерти.

— Раз уж дело зашло так далеко… — бормочет она, целится в вену острием иглы и прикрывает глаза.

Она делает вдох, который должен стать последним ее вдохом.

— Вот сейчас, — говорит она, собираясь во-

ткнуть иглу, и вдруг останавливается, услышав странный всплеск. А лай заставляет ее решительно открыть глаза. Она с удивлением видит очень грязную собаку. По мокрым скользким камням к ней ковыляет золотистый ретривер. Пальцы разжимаются, шприц падает.

Со слезами на глазах Дженни идет навстречу покалеченной собаке. Когда пес спотыкается, едва не сорвавшись со скалы, она подхватывает его и оттаскивает в сторону. Теперь, когда они в безопасности, Роши начинает скулить, жалуясь новой знакомой, как ему больно.

Он ранен, и кровь несчастного животного пробуждает ее от кошмарного сна. Если бы не он, она бы уже спала вечным сном. Но эта собака стоит того, чтобы ради нее остаться в живых.

Она склоняется к Роши, они оба плачут, каждый по-своему. Спаситель и спасенная, спасительница и спасенный, обнимаются, и это объятие привязывает обоих к жизни.

Чему учит Роши (0)

Примечание к репортажу

Когда мне впервые рассказали о Роши, золотистом ретривере трех лет от роду, весом 32 килограмма, я думала ограничиться репортажем о его героическом путешествии. Люди узнали о нем благодаря телевидению, и им было бы интересно проследить весь его путь — так сказать, отметить флажками на карте. А закончить можно было упоминанием о других собаках, преодолевших немыслимые расстояния в стремлении воссоединиться со своими хозяевами.

Я изложила эту идею главному редактору журнала, и она ответила мне знаменитыми словами Брюса Ли: «Освободи свой ум…» Она спросила меня, удосужилась ли я узнать, что означает имя собаки, Роши.

— Честно говоря, нет… — призналась я.

— Я так и думала… Роши у дзен-буддистов — это Учитель, настолько мудрый, что может указать другим путь к свету.

— И что мне с этим делать? — спросила я.

— Нужно связаться с людьми, которые встретились ему во время странствий. После того как Роши показали по телевидению, многие написали о нем, мне удалось раздобыть электронные

адреса этих людей. В нашей профессии контакты — это все! Ты должна связаться с каждым, спросить, письмом или по телефону, какие уроки они извлекли из общения с Роши.

— Уроки? — изумленно переспросила я. — Только потому, что кличка этой собаки совпадает со словом «учитель»?

— Не только потому, садовая твоя голова! — ответила она. — Этот пес действительно Учитель. Добираясь домой, он помогал каждому, кто встречался на его пути.

— Понятно, что-то вроде сериала «Кунг-фу», — пошутила я. — Шаолиньский монах приезжает в Америку, чтобы бороться с несправедливостью и помогать обездоленным[1].

— Неплохое сравнение. Напиши мне хорошую историю про эту собаку! И прежде всего обрати внимание на то, чему научил людей этот лохматый путешественник.

---

[1] Примечания: 1

Имеется в виду сериал Эда Спилмана, Джерри Торпа и Германа Миллера «Kung Fu» (1972–1975) с Дэвидом Кэррединым в роли упомянутого шаолиньского монаха, которая его прославила. В 2021–2023 годах выходил одноименный ремейк Кристины М. Ким с Оливией Лян в главной роли. — *Здесь и далее примеч. ред.*

9

От женщины больше не пахнет страхом и смертью, и Роши расслабляется. Он совершенно обессилел. Прижимается горячим сухим носом к уху женщины, прося о помощи.

Она возвращается к реальности: у нее на руках тяжело раненная собака. Задняя лапа непрерывно кровоточит, пес уже не может идти. Утерев слезы, она приподнимает его и перетягивает лапу шарфиком.

Потом осторожно опускает пса на землю. Собирает волосы в пучок, чтобы не мешали, и оглядывается по сторонам. На глаза попадается шприц. Она подбирает его и бросает в водопад. Не очень экологично, конечно, но ничего другого не приходит в голову.

Потом она с большим трудом поднимает собаку и несет ее, как ребенка. Пес очень тяжелый, но другого выхода нет. Она до сих пор жива только благодаря ему, и он тоже должен жить. Она решительно стискивает зубы.

Когда она добирается до своего сада, ее футболка пропитана потом, а еще кровью собаки. Плечи ноют, а спина дико болит. «Живой быть больно», — с горечью думает она, с трудом опуская собаку на землю. Какое облегчение! Будто тащила тяжеленный мешок с картошкой и наконец донесла.

Глядя на золотистого ретривера, лежащего на траве без сознания, она думает: «Вот он, мой ангел-спаситель».

Она снимает футболку. Черный спортивный бюстгальтер тоже насквозь мокрый.

Надо проверить, дышит ли пес. Поняв, что да, дышит, она открывает ему пасть и высвобождает язык. Потом достает из-под цветочного горшка запасной ключ, отпирает дверь и бежит в дом за мобильным. Сунув его в карман, выносит две миски с водой и ставит рядом с Роши. Тот по-прежнему лежит неподвижно, ни на миллиметр не сдвинулся.

Она возвращается в дом за бинтами и ветеринарной аптечкой. Надо обработать раны. Пес тянется к миске, хочет попить, но ему трудно держать голову. Дженни подносит миску к самой морде, и он делает несколько глотков.

Она достает мобильный и набирает номер:

— Стив, это я. Прости, что беспокою в твой выходной… Ты не мог бы приехать? Пожалуйста! — От волнения у нее перехватывает дыхание.

— Господи, Дженни! У тебя дом горит или что там еще стряслось? — спрашивает хриплый с похмелья голос. Кажется, Стив только что проснулся.

— Да, дом горит… Слушай, мне очень неудобно тебя беспокоить, но у меня тут на крыльце золотистый ретривер. Я его нашла и чуть не надорвалась, пока тащила сюда. Он здорово покусан. Истекает кровью. Пожалуйста, заезжай за нами и отвези нас в клинику. Сможешь?

За долгим молчанием следует тяжелый вздох:

— Ладно. Буду через пятнадцать минут. И лучше, чтобы кофе был уже готов.

— Сначала собака, потом кофе. Поторопись! — просит Дженни, перед тем как дать отбой.

Она тяжело вздыхает. Смотрит на траву, но видит не Роши. Другая картинка возникает у нее перед глазами. Другая собака. Терьер с глазами шоколадного цвета, которого они со Стивом не смогли спасти, потому что его принесли слишком поздно. Это было три года назад. Может быть, именно с того дня все пошло не так?

Обрабатывая рану Роши, она снова думает о

том, что их со Стивом отношения были заранее обречены. Алкоголизм и любовь плохо уживаются. Теперь она это знает. Но сколько лет ушло на бесплодные попытки помочь ему, заставить задуматься, измениться… Увы, слезы и уговоры бессильны против выпивки.

Дженни снова вздыхает и отирает пот со лба. Может, сейчас настал момент начать сначала. По крайней мере, попытаться. Сегодня утром она решила, что не может больше жить — ни с ним, ни без него. Ей хотелось уйти из жизни, хлопнув дверью, но это существо, которое теперь лежит у нее в саду и стонет, изменило ее планы.

Она гладит собаку по голове, почесывает за ухом, тихонько приговаривая:

— Хороший мальчик! Вот мы уже почти и закончили…

У собаки вырывается что-то похожее на фырканье — так он дает понять, что слышит ее.

Дженни постепенно приходит в себя. От отчаяния, как и от любви, человек совершает безумные поступки. Если бы она покончила с собой, это бы довершило разрушение Стива, теперь в этом нет никаких сомнений. Получается, это была бы месть за пережитые унижения? Она встряхивает головой, изумленная этой простой и ясной

мыслью.

Пес дергается и резко всхрапывает, когда она обрабатывает рану в паху дезинфицирующим средством. Стив поможет ей спасти пса. Уж это он ей должен! А потом она уйдет. Возможно, согласится на предложение работы, которое прежде не хотела принимать.

«Может, возьму с собой этого пса и поеду, а Стив… — думает она грустно. — Пусть он хоть до смерти допьется, если ему так хочется».

Подъехала машина. Сидя на корточках рядом с собакой, она видит на дорожке сада внушительную тень товарища по работе и по несчастью. У Стива хмурое лицо, слипшиеся седые волосы, красиво очерченный рот. Губы сжаты и вытянуты в линию.

— Стив… — шепчет она и не в силах больше ничего добавить.

Из глаз Дженни льются слезы. Она его ненавидит и любит тоже. Это противоречие и загнало ее в адский заколдованный круг, из-за которого разрушились и дружеские связи, и отношения с родителями, пошли прахом все накопления, угасли надежды, пропало всякое уважение к себе.

Стив, как всегда, равнодушен к ее переживаниям. Похоже, он только встал с постели. Даже

причесаться не удосужился. От него пахнет алкоголем.

— Он потерял много крови, — говорит Дженни, потупившись. — Сосуд в паху разорван. Так ты мне поможешь?

— Я, кажется, для этого и приехал, — угрюмо отвечает он.

Стив пододвигает носилки и опускается на колени. Вдвоем они приподнимают скулящего от боли пса и кладут на носилки. Повязка в паху снова пропитывается кровью.

Они переносят собаку в машину, которую их ветеринарная клиника использует в качестве «скорой помощи». Пока Стив устраивает пса в заднем отсеке, Дженни бежит в дом за чистой футболкой и ключами. Она запирает дверь и садится в машину.

В джипе грязно и полно мусора, как обычно. Дженни пристегивается. Стив заводит мотор.

— Мы должны его спасти, — умоляет она. — Если бы не пес, меня бы уже здесь не было.

Стив не задает ни единого вопроса по этому поводу. У него такой сонный вид, что она вообще не уверена, что он услышал ее слова. Нет, в его голубых глазах все-таки теплится слабый интерес к тому, что она сейчас сказала, но все равно

его мысли где-то витают. Как, впрочем, и всегда. Дженни косится на него, пытаясь угадать, о чем он думает. Ему тоже хочется понять, почему ее так волнует судьба этой собаки. Потом он сосредоточивается на дороге.

10

Вечером Дженни и Стив сидят на кухне. Роши спит в соседней комнате, в одном из больших боксов для пациентов ветклиники. Ему зашили разорванный сосуд в паху. Если выздоровеет, возможно, будет ходить нормально. И другие раны тоже промыли и перевязали. Ввели противостолбнячную сыворотку.

Кофе остыл, но ей все равно. Стив, зевая, читает аннотацию к фильму на DVD-кассете. Новое поступление в коллекцию. Поначалу Дженни организовывала в клинике совместные видеопросмотры, чтобы сплотить коллектив, но проект уже несколько месяцев как накрылся, так как интерес к нему пропал, в том числе у Стива.

Люди переезжают, а те, кто остается, ходят в киноклуб на окраине Уильямсберга. Как раз неподалеку от клиники. Стив переворачивает коробку и смотрит на фотографию на обратной стороне. Фильм называется «Собачья жизнь»[2].

---

[2] Примечания: 2

Имеется в виду фэнтезийная драмеди «A Dog's Purpose» (*букв.* «Предназначение собаки», 2017) Лассе Халльстрёма по одноименному роману У. Брюса Кэмерона (2010, рус. перев. «Жизнь и цель собаки»).

— Смотри, какая картинка! — говорит он, разглядывая улыбающегося золотистого ретривера на коробке. — И пес похож на того, которого ты нашла сегодня в лесу, — добавляет он.

— Да, — вздыхает Дженни. — Мне очень понравился этот фильм. Это о том, что у собаки есть свое предназначение в этом мире и что душа может иногда переселяться в другое тело. Если бы у меня было такое же предназначение, как у этой собаки…

У нее вдруг кружится голова — она как будто возвращается в сегодняшнее утро, вновь оказывается у водопада. Дженни, готовая сделать себе смертельный укол, теперь кажется ей какой-то очень далекой и странной. Но эта женщина все еще живет в ней. А вдруг она снова превратится в испуганное, зацикленное на своих несчастьях существо? Или ее безумие теперь наденет какую-нибудь другую маску?

Стив между тем открывает уже вторую бутылку пива.

— Чья это собака, Дженни? — спрашивает он с отсутствующим видом. — Не припомню, чтобы ты так волновалась за животных. Тебя вообще ничего не интересует в последнее время. Как будто ты внутри уже мертвая.

Дженни напрягается. Она не собирается вступать с ним в дискуссию: слово за слово — и все кончится черт знает чем. Стив любит драматизировать, он подсел на адреналин ссор и примирений.

Перебить посуду, переломать все в доме, а потом, рыдая, обнимать ее, давать обещания, которые никогда не выполняются, но которым тем не менее нужно верить, как каждый раз верит Сизиф, катя свой камень в гору.

Нет, в эту игру она больше не играет.

— Не знаю, чья это собака, — коротко отвечает она, стиснув зубы и отводя глаза.

— Ты же видишь, что у нее нет ни чипа, ни ошейника. Она может быть чья угодно… И придется оставить ее здесь дня на три-четыре. Кто оплатит лечение?

Дженни не отвечает. Она качает головой, закрыв лицо руками. Прикидывает, стоит ли рассказать Стиву, что этот пес… Нет, определенно этого нельзя говорить, решает она.

— Дженни, посмотри на меня, — требует он, дыша, как разъяренный бык, — где ты была сегодня утром?

Молчание. Она по-прежнему избегает встречаться с ним глазами. Она застыла, как олень

на шоссе, ослепленный светом фар. Стив встает, обходит стол и присаживается на корточки, чтобы заглянуть ей в лицо. Дженни кажется, что он сейчас ударит ее. Такое случалось не раз. Она закрывает глаза и еще сильнее стискивает зубы.

Его нежный голос звучит, как ангельское пение из потустороннего мира:

— Прости меня, лапушка. Я просто подумал… Мы не подходим друг другу. Можешь плакать и кричать, я пойму.

Неужели это не сон? Ее измученный друг вслух произносит то, что она давно уже чувствует, но не осмеливается сказать из страха и жалости.

Наученная горьким опытом, она опасается, что это ловушка, что он ее проверяет и, если ему не понравится ее реакция, может и ударить. Но может быть, эта неизвестная собака каким-то непонятным образом внесла в их жизнь свет и ясность. В зарослях их отношений открылась поляна, и теперь они смогут пойти каждый своей тропой.

— Что с тобой? Ты ничего мне не скажешь?

Дженни тяжело и глубоко дышит. Она вспоминает, что именно Стив год назад обнаружил тело ее матери. У матери было биполярное расстройство, и Дженни дала себе слово, что сумеет

позаботиться о ней. И не смогла. С тех пор к несчастной любви добавилось еще и чувство вины. Ноша слишком тяжела, поэтому Дженни тащится по жизни еле-еле.

— Думаю, ты прав, — говорит она наконец. — Я рада, что мы расстаемся как цивилизованные люди.

Стив смотрит недоверчиво и раздраженно. Видно, что ему не понравилось то, что он только что услышал. И, защищаясь, он собирается ударить побольнее, поэтому снова заводит речь о собаке:

— Итак, ты не скажешь, откуда взялась эта псина. Ладно, только учти, что расходы на ее лечение оплачиваешь ты. Это будет немаленькая сумма, и я ничего платить не буду. У меня, знаешь ли, своих проблем хватает.

«О, ни в коем случае не будешь!»

Она странно спокойна.

Ее мысли возвращаются к собаке, спящей в соседнем боксе. Потом она вспоминает о шприце со снотворным. Теперь ничто не сможет ее убить.

— Конечно, — говорит она невозмутимо. — Спасибо, что помог спасти собаку. Теперь, когда у меня будет своя, отдельная жизнь, я, пожалуй, оставлю ее себе. Не волнуйся, я оплачу тебе каждую минуту, потраченную на оказание помощи

этой собаке. Знаешь, думаю, я не случайно ее нашла, у нее тоже есть свое предназначение, как у той, из фильма. Я это чувствую.

— Да ты сумасшедшая, ты в курсе? Как твоя мать!

Она не поддается на провокацию, и то, что она говорит дальше, удивляет даже ее саму:

— Я уезжаю через две недели. Можешь все это оставить себе. Мне предложили работу в Вашингтоне, и я приму это предложение. А теперь убирайся и оставь меня одну. Бар, наверно, еще открыт.

Стив слишком удивлен, чтобы крушить мебель и бить посуду. Он смотрит на нее как на незнакомого человека, и в каком-то смысле она и есть незнакомый ему человек. Та Дженни, которой он так долго манипулировал, стала бы возражать, они оба вышли бы из себя, чтобы потом со слезами обняться и заняться любовью. Но этот фильм уже снят с проката.

— Выход там, Стив, — говорит Дженни тихо, но твердо. — После моего отъезда все в твоем распоряжении, но пока чем меньше мы будем видеться, тем лучше.

Стив залпом допивает третью бутылку пива и уходит, не сказав ни слова. Дженни слышит, как

хлопает входная дверь, но она-то ожидала, что он шваркнет дверью изо всех сил. Просто чудо какое-то.

Чтобы снять накопившееся напряжение, она откидывается на спинку стула и закрывает глаза. У нее болит все тело, но на сердце легко. Она глубоко дышит полной грудью.

Дженни сидит так довольно долго, а потом встает и медленно идет в ванную.

Она умывается и вытирает лицо полотенцем. Потом смотрит на себя в зеркало, на лицо, формой напоминающее сердечко, на покрасневший нос, на темно-карие миндалевидные глаза, на растрепанные светлые волосы.

Все не так плохо, как казалось утром. Но может стать много лучше.

Она придвигается ближе к своему отражению, будто хочет погрузиться на самое дно своих глаз. Янтарный огонь, горящий в них, такой же яростный, как удары ее сердца. Она прижимает лоб к зеркалу и закрывает глаза. Прохладное стекло успокаивает.

Потом она отстраняется и видит свои чуть сгорбленные плечи, длинную шею, округлую и еще крепкую грудь.

— Я жива, — шепчет она зеркалу.

Ее глаза горят. Она слышит слабое постанывание. Пора посмотреть, как там собака. Ее ангел-спаситель.

11

У меня болит каждая жилочка. И я не чувствую никаких запахов. Я тут один. Приподнимаю голову, чтоб хотя бы обнюхать это темное запертое помещение. Все кружится перед глазами. Перевожу дух, положив морду между лап; хочется скулить от отчаяния.

Тут входит женщина. Я узнаю ее запах. Она открывает дверцу клетки, куда меня поместили. Теперь она пахнет гораздо лучше, чем тогда, у водопада. Она ласково говорит со мной и чешет за ухом, пока я снова не засыпаю.

Когда я просыпаюсь, она все еще рядом. Спит, одетая, на кушетке.

Мне удается встать, это уже большой успех. Я осторожно потягиваюсь, в нескольких местах вспыхивает боль. Но есть и хорошая новость: кажется, задняя лапа снова действует! Я не могу ее увидеть и лизнуть, потому что на меня надели жесткий пластиковый воротник. Пытаюсь содрать его передними лапами, но не тут-то было. Сдаюсь.

От моего царапанья она просыпается. Кажется,

она не меньше моего удивлена тем, что оказалась здесь. Она опускается на колени и обнимает меня. Я в ответ скулю и пытаюсь лизнуть ее лицо. Чувствую соль на языке и вспоминаю, как мы с ней познакомились.

Может, пора перекусить? Я тихонько гавкаю и смотрю, поняла ли она меня…

Кажется, поняла.

Очень много сплю. Ненавижу этот жесткий воротник, не раз пытался его содрать, но так и не сумел. Надеюсь, моя новая подруга скоро избавит меня от него. Она очень заботится обо мне; когда я просыпаюсь, она всегда рядом. Благодаря ее заботе, отдыху и хорошей пище я потихоньку восстанавливаюсь. Все четыре лапы снова в порядке, а это главное: ведь мне нужно идти к Ингрид!

Иногда мы выходим погулять. Все запахи для меня новые. Я ничего не узнаю, и это меня очень печалит. Если бы я умел говорить, я бы попросил эту добрую женщину помочь мне найти Ингрид. Да, кстати, а мужчина, от которого пахло гнилыми фруктами, больше не появляется.

Она очень милая, эта женщина, но, похоже,

ей и в голову не приходит, что я принадлежу другому человеку. Что с моей хозяйкой? Где она и почему не ищет меня?

Я не понимаю, что моя новая подруга мне говорит, она называет меня каким-то незнакомым именем, но ее голос меня успокаивает. Она осторожно берет меня за голову. Руки у нее нежные и приятно пахнут. Она говорит и говорит. И хотя слова мне непонятны, думаю, она хочет сказать мне что-то вроде: «Не знаю, откуда ты взялся, но обещаю заботиться о тебе». И я о тебе, дорогая.

12

Дженни прочитывает все объявления о пропавших в Уильямсберге домашних животных. Есть чихуахуа, кокер-спаниель, несколько кошек с сердитыми мордами, даже гигантский кролик, но золотистого ретривера никто не терял. Очень жаль, такой славный пес! Он, конечно, выздоравливает, но все равно очень грустный. То и дело смотрит на входную дверь клиники, словно ждет, что кто-то придет за ним. Но никто не приходит. Да, эту боль таблетками не вылечишь.

— У меня хорошие новости, Робин: мы едем домой!

Пес не реагирует. Лежит и смотрит куда-то вдаль. Дженни подносит к самому его носу поводок и повторяет только что сказанную фразу.

В другой ее руке что-то, от чего у него щекочет в носу. Сначала он отворачивается, но в животе урчит, и он позволяет себе принюхаться. Ладонь Дженни пахнет лакомством, он берет его осторожно и глотает не разжевывая.

— У меня дома еще есть… — шепчет Дженни. — Пошли?

Пес потягивается, потом поднимается, готовый идти.

— Вот так-то лучше, Робин! — шепчет Дженни, гладя его по спине. — Пойдем отсюда!

Последняя неделя в клинике пролетает для Дженни быстро. Она прощается с клиентами и их питомцами. Объясняет, что после ее отъезда прием будет вести Стив.

Когда ее спрашивают, где ее коллега сейчас, она отвечает, что он взял небольшой отпуск. Стив практически не давал о себе знать после того, как она выгнала его из клиники. Пару раз они говорили по телефону, и она подтвердила, что уезжает в Вашингтон, а клинику и съемный дом оставляет в полном его распоряжении. Поскольку и то и другое записано на них обоих, Стиву придется связаться с агентством по недвижимости и перезаключить договоры.

А Дженни думает только о золотистом ретривере. Очень долго рядом не было никого, кто нуждался бы в ней. Она знает, что у собак тоже бывает депрессия, но ей никогда не приходилось сталкиваться с такой проблемой. Кажется, Робин

так же подавлен, как она сама до встречи с ним.

Завтра она снимет ему швы. Рана в паху почти зажила, и ходит он довольно хорошо, но глаза потухшие. Ничто его не интересует. Разве что прогулки, утром и вечером.

Дженни предоставляет собаке выбирать дорогу, и маршрут у них каждый день разный. Но видно, что Робину хотелось бы гулять где-то не здесь. А дома он снова впадает в апатию. Большую часть дня он спит, как будто надеется, однажды проснувшись, увидеть рядом обожаемого хозяина.

Две недели спустя Дженни заканчивает упаковывать вещи, которые берет собой на новое место. Все комнаты заставлены коробками. Она на кухне заворачивает в бумагу бокалы для вина. Вдруг из коридора слышится лай.

— Что случилось, Робин? — Она выходит в коридор. — Ты что-то нашел?

Она с удивлением видит, что пес забрался под большой лист упаковочной бумаги, только морда торчит с одной стороны и виляющий хвост — с другой.

— Ну хватит, хватит… Конечно же, я возьму тебя с собой, — улыбается она и становится на четвереньки, будто она тоже собака. — А ты как думал? Разве я могу оставить тебя здесь одного?

Дженни осторожно приподнимает бумагу, на нее смотрят блестящие собачьи глаза. Поймав ее взгляд, пес опять лает и начинает пятиться, еще быстрее виляя хвостом. Какое счастье! Наконец-то Робину захотелось поиграть! Она тянется к нему, пытаясь погладить по голове, но он быстро пятится, натыкается задом на пустые коробки, и они разлетаются в разные стороны. Одна падает сверху прямо ему на голову. Дженни хохочет.

Пес бегает по комнате с коробкой на голове и рычит. Он налетает на телевизор, потом на целую пирамиду книг, и она с грохотом рушится.

Наконец-то он снова ощущает радость игры. Ей остается только надеяться, что такое настроение не покинет его, особенно теперь, когда он выздоравливает.

Собака с коробкой на голове бежит к Дженни, рычит; наконец коробка падает, а радостное золотистое чудовище опрокидывает Дженни на пол. Проворный собачий язык облизывает ее щеки, уши и голову.

— О боже, Робин, хватит! — хохочет она.

Дженни встает и обхватывает руками собачью морду. Она чешет ему шею и подбородок. Некоторое время он ей это позволяет, но потом высвобождается и начинает лаять.

— Как я рада, что у тебя столько сил для игры! — говорит Дженни, футболкой вытирая лицо.

Подбоченясь, окидывает взглядом комнату. Она прожила здесь пятнадцать лет, но ей не жаль уезжать. И еще она рада, что в ее последних воспоминаниях об этом доме будет крупный пес, который, кстати, все лает, призывая продолжить игру. Рядом с ним она поняла, что настоящая жизнь — это заботиться о ком-то и позволять кому-то заботиться о тебе. После двух недель рядом с Робином она чувствует, что готова к этому, а значит, готова жить дальше.

13

С тех пор как я поселился у Дженни, ходить мне стало значительно легче, особенно после того, как сняли этот ужасный воротник, из-за которого я на все натыкался. Теперь я могу вылизывать себя где захочу.

Ночью я слушаю, как она медленно и спокойно дышит. Она больше не просыпается в испуге, не плачет, как в первые дни. Пока что она не разрешает мне забираться на кровать, но я потихоньку над этим работаю. После выписки из клиники я некоторое время спал в гостиной, а вот теперь уже ложусь на ковре возле кровати Дженни.

Ей гораздо лучше, и мне тоже, так что очень скоро я пойду дальше искать Ингрид. Но что-то подсказывает мне, что лучше еще немного подождать.

Дженни — как заблудившийся щенок: она все еще не знает, что с собой делать.

Утром я обычно лежу на крыльце, а она наполняет вещами коробки, разбросанные по всему дому. Я тщательно зализываю свои шрамы. И еще старательно принюхиваюсь — вдруг почую запах

моей прежней хозяйки.

Мне все время хочется защитить Дженни, особенно когда по запаху чувствую, что она печальна или угнетена.

Каждый день в полдень ко мне прилетает бабочка. Сперва я пытался ее поймать, но она всегда успевала упорхнуть. Теперь, стоит ей появиться, я замираю и просто слежу за ее полетом. Мне нравится смотреть на этот летающий цветок.

Сегодня, устраиваясь на ночь около кровати Дженни, я испытываю какое-то новое теплое чувство. Мне кажется, сегодня произойдет что-то хорошее.

По-моему, ей хочется покинуть этот дом. Мне тоже, хотя цели у нас разные. Мне необходимо двигаться дальше. Но пока я лежу и ритмично стучу хвостом по полу.

— Успокойся, Робин, — говорит Дженни с кровати. — Что с тобой такое?

Я продолжаю молотить хвостом по ковру, часто дышать и улыбаться.

— Дружище, ты просто машина, которая вырабатывает счастье, — говорит она и протягивает

руку, чтобы погладить меня по голове.

Я норовлю лизнуть ее руку.

— Ладно, ладно… Знаю я, чего ты хочешь, — бормочет она сонно.

Она убирает руку и пару раз похлопывает по краю кровати. Я ставлю на кровать передние лапы. Правда? Можно залезть? Точно?

— Давай уже, забирайся, хитрец, я спать хочу… Давай!

И я, отбросив все сомнения, запрыгиваю на кровать, как каждый вечер запрыгивал на кровать к Ингрид.

14

Когда Роши открывает глаза, Дженни еще крепко спит. Он обнюхивает ее и убеждается, что спокойный запах, который он чуял ночью, сохранился.

Вдруг снаружи доносится шум, и он заставляет Роши навострить уши.

Он лижет лицо Дженни, она потягивается и зевает:

— Доброе утро, дружище… Желаешь сначала завтрак или прогуляться?

Показывая, что сначала прогулка, Роши спрыгивает с кровати и бежит к двери.

— Потерпи немного… Иду, иду!

Дженни босиком направляется к двери, чувствуя себя свежей и отдохнувшей, словно проспала сто лет. А снаружи их ждет новая интересная жизнь, и Роши зовет ее туда радостным лаем.

— Иду! — кричит она, надевая шорты и легкую кофточку. Пес ждет у порога. Он давит передними лапами на дверную ручку, стремясь открыть дверь.

— Сколько энергии! Что, понравилось спать на

кровати, да? — говорит Дженни, шаря в поисках поводка. Но не находит, — видимо, поводок валяется где-то под вещами.

Вопреки здравому смыслу Дженни решает, что можно обойтись и без поводка. Она наклоняется почесать пса за ухом и посмотреть ему в глаза. От горячего блеска карих собачьих глаз ее сердце тает.

— Робин, далеко не уходи, ладно? Не знаю, куда я подевала поводок, но ты ведь хороший мальчик и не убежишь?

Роши яростно машет хвостом и лает.

— Хорошо, будем считать, что это значит «да»... Теперь, когда мы стали спать в одной постели, — Дженни подмигивает ему, — мы должны доверять друг другу.

Она открывает дверь, и собака вырывается наружу. Дженни выходит следом.

15

— Доброе утро, дорогие мои. — Энни входит и здоровается с мужем и его сестрой Ингрид, сидящими за кухонным столом. — Кому кофе?

Тим все кашляет и кашляет. Он встает налить себе воды.

Ингрид отрывается от журнала и качает головой:

— Спасибо, Энни. Не думаю, что есть такой кофе, который лечит разбитое сердце.

— Жаль, что меня так долго не было. Но мне нужно было побыть с мамой во Флориде, пока ее сиделка в отпуске. — Энни подходит к Тиму и целует его в щеку. — Есть какие-нибудь новости?

— Никаких, — отвечает Ингрид. С невесткой у нее не слишком близкие отношения. — Мы прочесали все окрестности дома и лес, исходили парк вдоль и поперек. Оставили фотографии в магазинах, в аптеках, в ветеринарной клинике.

Она смотрит в окно, остальные молчат, и она наконец подводит итог:

— Думаю, хватит. Прошло две недели.

Журнал выпадает из рук Ингрид, она прячет

лицо в ладонях.

Что тут скажешь? Тим смотрит на Энни, и его взгляд умоляет о поддержке. Он устал от всего этого, и она это знает. Они с Тимом говорили об этом вчера вечером, когда Энни приехала. Она вздыхает и качает головой. Заваривает кофе в старой итальянской кофеварке.

Затянувшуюся паузу заполняет щебет птицы, не обращающей внимания на небольшой дождик.

Энни оставляет кофеварку на плите и идет к Ингрид. Ее цветастый летний халат развевается при ходьбе. Она останавливается за спиной Ингрид, пристально смотрит на Тима и только после этого кладет руку на плечо золовке:

— Мне очень жаль, Ингрид. Я знаю, ты очень любила эту собаку.

Ингрид медленно поднимает голову и поворачивается к Энни. В глазах у нее стоят слезы.

— И я знаю, что ты сделала все, что могла, — продолжает Энни. — И Тим тоже.

Две женщины смотрят друг на друга. Несколько десятилетий молчания воздвигли между ними стену.

Солнце поднимается выше, и к первой птице присоединяются другие, а последняя из при-

бывших — возможно, кардинал — дает трель, затмевающую пение всех остальных.

— Спасибо, Энни. Пора мне собираться домой. Хоть и невыносимо возвращаться туда без Роши.

— Понимаю тебя. Когда я была молодая, у меня был кот, и однажды он не вернулся домой…

— Энни, — прерывает ее Тим, — не думаю, что сейчас подходящий момент…

Обе женщины смотрят на него, одна с яростью, другая устало.

Вдруг дождь кончается и выходит солнце, на стол и чашки ложатся тени. Слишком тягостное молчание для такого прекрасного утра.

— Не волнуйся, Тим. Я в порядке, — говорит Ингрид. Она берет невестку за руки. — Спасибо, дорогая, за сочувствие. Это, конечно, не такая трагедия, как потеря Джерарда. Но тоже больно. — Она глубоко вздыхает и снова смотрит в окно. — Пойду в последний раз прогуляюсь перед отъездом. Путь будет долгий, тем более что возвращаюсь одна.

— А как же завтрак? Может, съешь что-нибудь? — спрашивает Энни.

— Нет, милая. Спасибо, я не голодна.

Ингрид целует Тима в щеку и выходит как раз в тот момент, когда кофе вскипает, наполняя

кухню чудесным ароматом.

Энни выключает плиту. Сказать нечего. Она наливает кофе себе и мужу. Они видят в окно, как рождается новый день. Сахар, молоко, щебет птиц, солнечный свет. Мир просыпается. Они молчат, пока за Ингрид не захлопывается дверь. Тогда Энни поднимает глаза на Тима и говорит ему:

— Ты не виноват. И это всего лишь собака. Хватит себя терзать.

16

— Мисс Эванс? Можно войти?

Четверть восьмого. Вторник. Обычное утро. Прогулка с Робином. Но пришло время отправляться в путь, в новую жизнь.

Утро свежее и прохладное. Дженни нравится, что грузчики так пунктуальны. Это хороший знак.

Когда они подходят к двери, Робин лает. Дженни, придерживая его за ошейник, открывает дверь. Она давно знает бригадира грузчиков. Его команда занимается перевозками в их районе.

— Конечно, Антонио. Еще одну минуту. Только посажу собаку в машину — и я в вашем распоряжении.

— Договорились. А мы пока достанем из грузовика тележки и веревки.

— Отлично.

Дженни закрывает дверь. Она идет на кухню и распихивает по карманам лакомства для Робина. Потом ищет поводок и на этот раз легко находит. Робин явно нервничает. Он ходит за Дженни хвостом, буквально наступая ей на пятки.

— Ну вот, Робин… — Она показывает ему поводок и командует: — Сидеть!

Он послушно садится, она прицепляет поводок и тут же дает ему лакомство. Проглотив, Роши выжидательно смотрит на нее, надеясь получить еще.

— Хороший мальчик! — Она почесывает ему между ушами. — Робин, я отведу тебя в машину, подождешь меня там. Здесь будет много возни, тебя могут нечаянно задеть.

Они выходят в сад, Роши следует за ней, обнюхивая землю. Приближаясь к машине, он опасливо замедляет шаг. Дженни открывает заднюю дверцу, пес запрыгивает внутрь. Потом она опускает стекло, чтобы в машине не было душно.

— Потерпи немного, ладно? — просит она, поглаживая его по голове и спине.

Ее волнение передается собаке, Робин начинает скулить, когда она захлопывает дверцу. Его морда очень скоро показывается в окне. Дженни нервно посмеивается, снимает свитер и отдает его Роши. Он берет его в зубы и кладет на сиденье машины.

Она бежит к грузчикам, те уже ждут.

— Так, посмотрим… У меня семьдесят коробок,

и еще я высылала вам список, какую мебель возьму с собой, — говорит она, обходя дом. — Все остальное принадлежит хозяину дома…

— Не волнуйтесь, мисс Эванс, — отвечает Антонио, — для нас это пара пустяков, мы каждый день таким занимаемся.

Он раздает указания своим ребятам, и вот они уже грузят коробки на тележки и везут к грузовику, который вскоре отправится в Вашингтон.

— Все займет чуть больше часа, — обещает Антонио. — Мы быстро работаем. Если еще что-нибудь нужно отнести к машине, только скажите. Ребята помогут.

— Спасибо, Антонио.

Дженни в последний раз входит в комнату, где собрано все, что она возьмет с собой.

После погрузки перевозчики помогают ей уложить вещи в багажник ее автомобиля. Робин следит за работой с большим интересом. Наконец Дженни прощается с рабочими. Теперь они увидятся в Вашингтоне, Дженни нужно добраться туда раньше, чем прибудет огромный грузовик. Времени ей хватит, потому что у рабочих преду-

смотрена остановка на обед.

Прежде чем отправиться в путь, пес должен сделать свои дела, размять лапы, попить воды. Все, конечно, будет зависеть от того, насколько оживленное сегодня дорожное движение, но, вообще-то, ехать до их нового места жительства четыре часа.

Перед тем как сесть в машину, Дженни спускает Робина с поводка и предлагает:

— Ну что, поиграем здесь напоследок?

Она достает из кармана теннисный мяч и бросает его в сторону своего бывшего дома. Робин приносит ей мяч, и она бросает еще несколько раз. Потом медленно идет к крыльцу, вздыхает. Не удержавшись, вновь входит в дом. Без вещей он кажется совсем другим. Это больше не ее дом.

Собака следует за ней из комнаты в комнату, изредка нюхает пол.

Наконец она закрывает в доме окна, запирает входную дверь и оставляет ключи от дома и клиники в почтовом ящике, как обычно.

— Поехали, Робин. Здесь нам больше делать нечего.

17

— Ты точно не хочешь, чтобы я тебя проводил? — озабоченно спрашивает Тим, помогая сестре погрузить вещи в багажник белого «ситроена».

Он кладет туда все, кроме корзины с посудой, пакетов собачьего корма, предназначавшегося для Роши, и его игрушечного зайца.

— Все в порядке, спасибо, — отвечает она.

Ингрид тщательно укладывает вещи в багажник. Захлопнув его, все же поворачивается к брату:

— Ты не виноват, Тим. И ты нуждаешься в отдыхе больше, чем я. И еще тебе обязательно надо пойти к врачу. Ты неважно выглядишь, Энни права.

Потом она собирает в хвост свои прекрасные седые волосы и перехватывает сзади резинкой.

— Энни всегда права, верно? — Он подмигивает ей. — Обещай, что будешь часто останавливаться и отдыхать. И спи, когда почувствуешь, что устала.

Он застегивает молнию на своей тонкой вет-

ровке. Сейчас шесть утра, и он предпочел бы быть в постели. Даже в конце июля на улице в такую рань прохладно.

— Братик, я опытный водитель. Все будет хорошо. Я уже забронировала комнаты в двух мотелях по дороге, а на последнем перегоне переночую у подруги. Я ведь не тороплюсь домой, знаешь ли. Когда я отсюда уеду, мне не о ком будет заботиться, кроме себя самой.

Тим чешет в затылке и, как обычно, переминается с ноги на ногу.

В последние недели он много думал о сестре, но так ни до чего и не додумался. Собака исчезла, как сквозь землю провалилась. Но жизнь продолжается. Он не виноват, что Ингрид одинока. Он глубоко вздыхает и открывает ей объятия:

— Иди сюда, сестренка!

Она подходит, и они обнимаются.

— Я рад, что ты приехала.

— Я тоже была рада тебя повидать. Передай привет Лансу, Софи и Еве. Ева такая прелесть…

— Конечно. И надеюсь, в следующий раз мы свидимся раньше чем через шесть лет…

Она отстраняется, и он отпускает ее.

— Ты тоже мог бы навестить меня, Тим.

— Ты же знаешь, что Энни…

— И ты знаешь, что Джерард был тогда почти при смерти, — твердо и решительно отвечает она, пресекая этот разговор.

Тиму опять нечего ответить. Он только качает головой и смотрит в землю. Ингрид жалеет о сказанном, но уже поздно.

— Береги себя, братик. И если что-то узнаешь о Роши, пожалуйста, сообщи мне.

— Конечно, не сомневайся. Позванивай, пока едешь, ладно?

— Спасибо за гостеприимство, Тим, — говорит она и быстро чмокает его в щеку.

Она идет к машине. Подбирает светлую пышную юбку, садится и пристегивается.

— Позвони мне, когда сходишь к врачу! — кричит она в окно, трогаясь с места.

— Прощай… — шепчет Тим и машет ей вслед.

18

Голова у Дженни ясная, ей давно не было так легко и весело. Выезжая на автостраду, опоясывающую Ричмонд, она обращает внимание, что последний час Робин сидит, буквально прижав нос к стеклу. Она считает это хорошим знаком: собака готова к новым приключениям. Что до нее самой, она рада оставить позади Уильямсберг и горькие воспоминания о жизни со Стивом.

Ей не терпится обосноваться в новом жилище и все начать сначала. Не то чтобы ее сильно вдохновлял Вашингтон — она привыкла жить в провинции, — но все-таки на новом месте дела пойдут гораздо веселее. В столице кипит жизнь, и у нее в этом городе даже есть «друзья» — двое коллег с ее факультета, один работает в клинике в центре города, другой в пригороде.

«А славно будет снова встретиться!» — думает она, заворачивая на заправку.

Они останавливаются, и пес начинает скулить и толкать лапой дверь. Ему хочется выйти.

Дженни отстегивает ремень безопасности и поворачивается к нему:

— Одну минуту, дружище. Знаю, что тебе не терпится размять лапы, но сначала заправим машину. А пока откроем окошко, чтобы ты подышал свежим воздухом.

Пес продолжает тяжело дышать и скулить. Она протягивает руку, треплет его по голове, говорит что-то успокаивающее.

Пока Дженни заправляет машину, Роши ухитряется высунуть передние лапы в окно. Она велит ему убрать лапы. Он подчиняется, крутится на сиденье и наконец устраивается, ни на секунду не теряя Дженни из виду.

Она достает из рюкзачка бумажник, подходит к автомату и расплачивается картой. Потом снова садится за руль и отгоняет машину чуть дальше, в зону парковки и отдыха.

Поставив машину на ручник, Дженни ищет поводок и снова не находит. Его нет среди вещей собаки, нет и в багажнике. Она вздыхает, захлопывает багажник и открывает дверцу. Прежде чем пес успевает выскочить, она преграждает ему путь, предупреждая:

— Робин, это очень опасно! Здесь полно машин, а я не могу найти твой поводок.

Пес толкает ее лапами, стремясь во что бы то ни стало выбраться из машины.

— Робин, остановись, пожалуйста! — умоляет она. — Я понимаю, что тебе невтерпеж, но подожди, пока я что-нибудь придумаю!

Собака пылко облизывает ей лицо.

— О боже! Надо бы купить тебе освежитель дыхания…

Она рукавом вытирает следы собачьего поцелуя. Потом, захватив рукой шерсть на холке, позволяет псу выйти из машины. Не отпуская загривок, Дженни запирает машину и вскидывает на плечо рюкзачок.

Он не пытается высвободиться, позволяет Дженни отвести его на травку, делает свои дела и чинно садится.

— Умница, Робин, — говорит она и дает ему лакомство.

Потом они идут в зону отдыха. От нее примерно метров сто до леса. Там Дженни отпускает его. Пес от нее не отходит. «Кто же его так выдрессировал, что он такой послушный, — гадает она, — и как, черт возьми, он мог тогда потеряться?»

Дженни садится на скамейку рядом со свободным столиком и достает из рюкзака сэндвич. Роши обнюхивает траву вокруг скамейки, а Дженни наполняет одну миску водой, другую кормом. Роши съедает все с аппетитом, будто и не завтра-

кал, и с шумом выпивает воду. Покончив с едой и питьем, он вдруг несется к ближайшим кустам.

19

Я рванул в кусты вовсе не для того, чтобы оставить там очередной подарочек. Меня вел запах, напоминающий… Да, тут проходила Ингрид. Значит, она меня ищет? Запах очень слабый, прошло много дней, но он ясно говорит мне, что она была где-то поблизости.

Обнюхиваю траву, как ищейка, дохожу до столика рядом с Дженни. Она следит за мной уже с некоторой опаской.

Нет, не здесь. Поднимаю голову, принюхиваюсь. Мои уши, как локаторы, улавливают звуки со всех сторон, я напряжен. Едва заметный запах снова ведет меня к кустам.

Слышу, как Дженни зовет меня. Я возвращаюсь к ней очень медленно, нос мой по-прежнему тянется к земле. А прощаться с ней нужно очень быстро. Я подхожу к Дженни, лижу ей руки, потом ставлю передние лапы на колени, чтобы лизнуть лицо. Она смеется и обнимает меня. Мне даже слышно, как стучит ее сердце. Как я люблю ее! И не только потому, что она спасла мне жизнь и заботится обо мне.

Но у меня уже есть дом. А Дженни еще встретит свою собаку и полюбит ее. Она гладит меня по спине и бокам.

Все, больше не могу ждать. Мне очень больно, но я поворачиваюсь и устремляюсь к кустам.

— Робин!

Я прекрасно понимаю, чего она хочет, но меня влечет запах Ингрид. Мне нужно найти ее. Уже в кустах я оглядываюсь на Дженни. Она зовет меня, бежит за мной… и вдруг останавливается в паре шагов от меня. Кажется, она поняла…

Мы довольно долго смотрим друг на друга. Я жалобно скулю. У нее испуганные глаза, ее сердце колотится, мой нос улавливает запах едкого пота.

— Робин, пойдем… — зовет она тихо.

Не спуская с нее глаз, я поднимаю морду. Нет, все в порядке: от нее пахнет здоровьем и уверенностью. Я выдыхаю. Теперь я точно могу уйти. На прощание я гавкаю несколько раз и, когда Дженни делает еще шаг ко мне, скрываюсь в кустах.

Я стремглав убегаю подальше от зоны отдыха. Место здесь ровное, хотя через несколько минут

тропинка поворачивает налево и начинается небольшой подъем. Голос Дженни все тише и наконец совсем пропадает.

Редкие кусты сменяются высокими деревьями. Тропинка теряется в траве, и я снижаю скорость, тем более что запах тоже слабеет. Меня обступает лес, таинственный и полный звуков: жужжания насекомых и птичьего щебета. Кажется, лесная живность смеется надо мной: куда же ты идешь, бродячий пес?

Выхожу на поляну. След Ингрид я уже потерял. И что теперь? Поднимаю голову и принюхиваюсь. Слабое дуновение ветерка с другой стороны, не оттуда, откуда я пришел. Здесь нет запаха Ингрид и никакого другого запаха, по которому можно было бы ее искать.

Кручу головой, пытаюсь снова взять след. Ни единой зацепки. Тут недавно проходила собака. И какие-то животные помельче. Из глубины леса до меня доносится отдаленный запах дикого лесного зверя.

Сажусь в тени огромного дерева, чтобы отдышаться и осмотреться. Мне жарко и хочется пить. Что теперь делать? Может, немного передохнуть? От свежего горьковатого запаха травы я чихаю. Жую траву, и вкус мне нравится. Съедаю еще

немного. Для начала надо найти воду, это ясно. Но дальше что? Куда идти — вот вопрос.

Я вспоминаю запахи нашего дома. Аромат корицы и кофе с молоком. Горные ботинки Ингрид, которые мне так нравилось кусать. Ее пряный горячий запах, когда она на меня сердилась. Эти воспоминания побуждают меня идти дальше.

Я тщательно обнюхиваю деревья, окружающие поляну, не забывая лизнуть одни стволы и пометить другие. Теплый ветер пробирается между стволами кленов и приносит мне послания.

И вдруг я ощущаю толчок. Как будто мой нос превращается в магнит и что-то его неодолимо притягивает. Я поворачиваюсь вокруг своей оси, мой нос описывает в воздухе окружность.

Засунув нос в кусты, я чувствую внезапный жар в животе. За неимением ничего другого, я решаю последовать за этим запахом. Но напоследок оставляю в начале пути еще одну метку. Если кому интересно, здесь был Роши.

20

Пройдя полмили по лесной тропе, Дженни перестает искать Робина. Лес огромный, в нем полно тропинок и развилок, Робин бежал так быстро, что сейчас он должен быть уже очень далеко.

Почему он это сделал?

Она идет по тропинке обратно к своей машине, сердце ее сжимается от боли. Но это не та хорошо знакомая ей боль отчаяния, а та, которую чувствуешь, когда расстаешься с другом и не знаешь, суждено ли вам встретиться когда-нибудь.

Она утирает слезы и возвращается на опустевшую автостоянку. Оказывается, она оставила заднюю дверцу машины открытой. Ее могли обокрасть, но ничего не пропало. Кроме Робина. Дженни грустно и стыдно, что она его потеряла.

Хотя на самом деле она не потеряла его. Это он решил уйти. И кажется, она знает, куда он направился. Что ж, можно этим утешаться. Как бы то ни было, ей нужно подкрепиться, прежде чем снова сесть за руль с грузом новой печали.

Она берет рюкзачок, запирает машину и бредет

в магазинчик при заправке. Стараясь смотреть на вещи позитивно, она напоминает себе, что уехала из города, где была очень несчастна, что она наконец порвала со Стивом. Она выиграла даже схватку со смертью. И вот она здесь, на заправке «Эксон», она жива, дышит, передвигается. Впереди новая жизнь.

Она тяжело вздыхает и входит в магазин. Берет сок, жевательную резинку с ментолом, плитку темного шоколада и кладет все это перед кассиршей.

— Это все? Может, чай или кофе?

— Нет, спасибо.

Пока девушка сканирует штрихкоды, взгляд Дженни останавливается на доске объявлений прямо над кассой.

— О черт… — вырывается у нее.

— Простите? — переспрашивает продавщица. — Вы что-то сказали?

— Это я сама с собой… Извините. Сколько я должна? — спрашивает она, изображая улыбку.

Она быстро расплачивается, сует покупки в рюкзачок и снова всматривается в объявление на листе формата А4. Славная морда, глаза медового цвета. Эта счастливая собачья улыбка, к которой она так привыкла за двадцать дней. Это точно

он! У него усталый и довольный взгляд: «Ох и набегался я сегодня за мячиком!»

Дженни прижимает руку к груди, пытаясь успокоить сердцебиение. От волнения ей сперва даже трудно осмыслить то, что она читает:

ВЫ НЕ ВИДЕЛИ РОШИ?

НАШЕДШЕМУ КОМПЕНСАЦИЯ 500 ДОЛЛАРОВ

ИЩУ ЗОЛОТИСТОГО РЕТРИВЕРА.
ПОТЕРЯЛСЯ 4 ИЮЛЯ.
УБЕЖАЛ ПО ШЕППАРД-ДРАЙВ, УИЛЬЯМСБЕРГ.
ДРУЖЕЛЮБНЫЙ, ЛЮБИТ ИГРАТЬ И ВКУСНЯШКИ.
ЕСЛИ ВЫ ВИДЕЛИ ЕГО
ИЛИ ЗНАЕТЕ ЧТО-НИБУДЬ О НЕМ,
ПОЖАЛУЙСТА, СООБЩИТЕ МНЕ!
Я ОЧЕНЬ СКУЧАЮ ПО НЕМУ.
ИНГРИД ВАЙСМАН

Записав номер телефона, Дженни еще некоторое время стоит в оцепенении перед фотографией

Робина, то есть Роши, который провел с ней несколько недель, спас ей жизнь, а она залечила его раны. И сегодня он покинул ее, чтобы найти женщину, которая написала это объявление. Теперь Дженни знает ее имя: Ингрид.

Дженни возвращается в машину и едет в Вашингтон. Она не знает, что ее ждет в новой жизни. Единственное, что она знает точно: сегодня вечером она позвонит по этому номеру.

Чему учит Роши (1)

Примечание к репортажу

Первой ученицей Роши, если можно так выразиться, стала Дженнифер Эванс, ветеринар из Уильямсберга, штат Вирджиния, городка с населением 14 000 жителей. Сейчас она живет в столице и счастлива.

Благодаря встрече с Роши, которая, по словам Дженни, «спасла жизнь обоим», она получила два важнейших урока:

1. **Помоги другому — и поможешь себе.** Если не знаешь, как выбраться из ямы, в которую уго-

дил, помоги другому выбраться из той, в которую попал он, даже если он — потерявшийся пес. Это вернет тебе ощущение собственной нужности в этом мире и повысит твою самооценку. Применяй этот закон в ситуациях любого масштаба.

Как говорила одна миссионерка из Индии, «если ты пал духом, воодушеви другого».

2. **Жизнь — это игра.** Противопоставь тяжести жизни беззаботность детской игры.

Многие из наших тревог и страхов происходят оттого, что мы воспринимаем наше кратковременное существование слишком серьезно. Когда тебя одолевают серьезные проблемы, вернись на какое-то время в детство — играй, как собака, мчащаяся за мячиком.

21

Вечером после еще одной пробежки и довольно долгой ходьбы я отдыхаю.

Очень жарко. К счастью, свернув с большой дороги, обнаруживаю маленькое озерцо. Я теперь научился — где угодно найду чистую воду.

Голод мучает все сильнее. Напившись и немного отдохнув, думаю, не пойти ли по той узкой тропинке, что слева от меня. Не знаю, что-то мне тревожно. Я ложусь и трусь спиной о каменистую землю, одновременно нюхая воздух. Мои уши прижаты к голове, хвост лихорадочно метет по земле. Нужно разобраться, в чем дело. У меня такое чувство, будто я что-то упустил…

Может, надо вернуться? Покрутившись на месте и старательно обнюхав все вокруг, чувствую тепло в желудке, и сердце начинает биться быстрее. У меня в животе надежный компас. И я с легким сердцем иду по лесной тропинке. Куда-нибудь да выведет! Пройдя по ней уже довольно далеко, я вдруг чую, что впереди кто-то идет. И этот кто-то — человек. И еще мой нос сообщает мне, что у этого человека есть ЕДА. Почему бы

не попытать счастья. Вперед! Я подаю голос и перехожу на бег.

22

Через пару часов на лес опустится ночь. Тобиас рассчитывает найти место, где его измученное тело наконец отдохнет на постели из листьев. В пути он не раз чувствовал опасную близость большого города, правда, уже несколько дней не встречал ни души. Он находит ровную поляну, окруженную кленами и тополями, и сбрасывает с плеч тяжелый рюкзак. Отдуваясь, приваливается спиной к толстому стволу. Струйка пота стекает по правому виску, затылок тоже взмок. Тобиас снимает зеленую бейсболку и скребет пальцами голову. Кожа на лице зудит под двухнедельной щетиной. Пора бы побриться. Он задирает футболку и вытирает ею лицо. Так получше. Тобиас отдыхает, а лес обступает его со всех сторон. Он слышит, как летним вечером щебечут птицы, видит муравьев, беззвучно ползающих по упавшим листьям, чувствует вибрации крошечных крылышек насекомых. Легкий ветерок ласкает его лицо и приносит запах свежести ручья.

Прежде чем обосноваться в этом уголке леса, Тобиас внимательно осматривает траву вокруг

и кору деревьев. Кажется, здесь его жизни ничего не угрожает. Он встает, открывает рюкзак и достает флягу. Потом прислоняет рюкзак к стволу дерева и направляется в ту сторону, где должен быть ручей. Тобиас идет медленно, он очень устал.

Минут через десять он видит тоненькую струйку среди камней. Он наполняет флягу, отхлебывает и снова наполняет. Потом умывается, снимает пропотевшую рубашку, моет подмышки и все тело до пояса. И наконец нагибается, мочит волосы, а потом встряхивается, как зверь. Он приглаживает волосы, берет флягу и, насвистывая на ходу, возвращается в свой импровизированный лагерь.

Грязную рубашку он вешает на ветку, из рюкзака достает чистую и еще худи, чтобы не замерзнуть ночью. Тобиас открывает консервную банку с чили и мясом и разогревает еду на походной газовой плитке. Он ест ложкой из банки, а потом вычищает банку оставшимся от завтрака куском хлеба. Потом застегивает рюкзак, чутко прислушиваясь к звукам леса.

Темнеет. Тобиас разворачивает спальный мешок и забирается в него. Это его любимое время: дневные животные, как и он, ищут себе приста-

нище на ночь, а ночные — летучие мыши, совы, полевки, лисы — просыпаются. Сквозь ветви деревьев видно, как на небе появляются звезды.

Они, как и Тобиас, никуда не спешат. Он не смотрит на часы, но знает, что спать осталось каких-то шесть часов, а потом на радость тем, кто проснулся, снова взойдет солнце. Тобиас мог бы смотреть на звезды всю ночь, и все-таки заставляет себя закрыть глаза и сворачивается калачиком. Он уже почти засыпает, но эти звуки… Его настороженное ухо улавливает шорох листьев. Значит, приближается какое-то животное.

Секунду спустя глаза Тобиаса открываются. Он не шевелится, только напряженно всматривается и вслушивается. Глаза быстро привыкают к темноте, при свете звезд он различает стволы деревьев, но пока непонятно, кто или что приближается к поляне.

Судя по шороху листьев, кто бы это ни был, он уже близко. Тобиас напрягается. Наконец он видит четвероногое существо, которое осторожно подходит к нему. Это собака.

23

Тобиас, не шевелясь, наблюдает за нежданным гостем. Он молча следит, как пес бродит по его лагерю, обнюхивая все вокруг. Он спрашивает себя, дружелюбно ли настроена собака, и тут же получает ответ. Мокрый собачий нос прикасается к его лбу. Потом пес обнюхивает его голову.

— Так ты, значит, любопытный… — шепчет Тобиас, немного успокоившись.

Пес ставит переднюю лапу Тобиасу на грудь — видимо, хочет заставить его пошевелиться. Тобиас высовывает руку из спального мешка и протягивает ее собаке:

— Привет, путешественник. Между прочим, ты меня разбудил.

Собака садится рядом, обнюхивает протянутую руку и лижет ее, как бы отвечая: «Рад знакомству».

Тобиас медленно садится. Теперь они с собакой нос к носу. Пес подходит совсем близко, чтобы обнюхать лицо Тобиаса. Потом отступает и поскуливает.

— Здоро`во, приятель, — говорит человек, по-

чесывая Роши за ухом. — Что с тобой случилось? Заблудился?

Тобиас достает из рюкзака фонарь, чтобы лучше разглядеть вновь прибывшего. Тот явно голоден. Тобиас вылезает из спального мешка, открывает для собаки три баночки тунца и вываливает содержимое в миску из нержавейки.

Пес жадно поглощает еду, Тобиас улыбается. Конечно, придется пополнить запасы, но этот ночной гость ему определенно нравится. Вот и попутчик. А то он неделями один.

Пес до блеска отполировывает миску языком, и Тобиас наливает туда воду из фляги. Покончив с ужином, Роши ложится рядом с человеком, вытянув лапы и постанывая от усталости.

Кажется, он в хорошей форме; правда, лапы и брюхо у него в засохшей грязи. И видно, что он очень утомлен. Когда-то давно, в другой жизни, которая изредка всплывает в памяти, у Тобиаса была собака. Он засовывает ноги в спальный мешок, а спиной прислоняется к дереву. Пес придвигается к нему и прижимается боком к его бедру.

Пригревшись рядом с новым другом, Роши медленно закрывает глаза. Тобиас кладет ладонь на грудь собаки. От этого пес начинает дышать

глубже. Тобиас чувствует, как под его рукой тело собаки расслабляется. И Тобиаса это тоже успокаивает. Это приятно — заботиться о ком-то.

Роши уже спит глубоким сном, когда Тобиас зажигает спичку и закуривает трубку. Он хотел оставить немного табака на завтра, но разве может быть более подходящий момент для курения и созерцания? Любуясь звездами сквозь табачный дым, он спрашивает себя, кто же этот четвероногий путешественник, откуда он и куда держит путь.

Тобиас просыпается незадолго до рассвета. В этот час в лесу тише всего. Он сонно поглядывает на спящего пса. Тот лежит все в той же позе. Тобиас вылезает из спального мешка и, прихватив флягу, тихо, стараясь не шуметь, отходит в сторону. Он садится, как на диван, на поваленное дерево, достает трубку и докуривает оставшийся табак.

На горизонте ярко сияют несколько звезд, предвещая появление солнца. Тобиас неспешно вглядывается в небо, отмечая малейшие изменения цвета: на смену глубокому темно-синему

приходят пурпурный и сероватый. Солнце скоро перестанет играть в прятки. Небо светлеет с каждой секундой. Летний рассвет, вырастая из темноты, раскрывается во всем своем великолепии.

Тобиас следит за тремя самыми яркими звездами. Потом он выбивает трубку и споласкивает ее водой из фляжки, чтобы там ничего не тлело.

— Орион, кажется, я нашел нового друга, — говорит он, снова взглянув на небо.

Одна из звезд успевает вспыхнуть ярче, как будто в ответ на его слова. А потом на небосклоне восходит солнце.

24

Меня будит запах еды. Приподняв морду, я вижу голого по пояс седого мужчину. Он сидит на корточках около маленького костерка, над которым в консервной банке что-то кипит. Он помешивает в банке ложкой. Не сомневаюсь, что там что-то мясное. Точно! Это фрикадельки, и от их запаха у меня начинает урчать в животе.

Мужчина гасит костерок и кричит мне:

— Доброе утро, соня! Я приготовил тебе завтрак, но не думай, что так будет всегда. Как только дойдем до магазина, куплю тебе собачьего корма. А то ты все мои запасы подъел!

Я не понимаю, что он говорит, но голос у него теплый и добрый. Я робко подхожу к миске, куда только что выложили фрикадельки в соусе.

— Ну, ешь… как тебя там… Кстати, меня зовут Тобиас. Интересно, сколько же ты прошел вчера?

Фрикадельки кажутся мне деликатесом, я весь поглощен едой, а голос Тобиаса звучит просто как фон.

— Не спеши, не спеши, Джерри… Не возражаешь, если я так буду тебя называть? — он

поглаживает мне бок. — Ешь помедленнее, а не то подавишься… Это все тебе.

Я не понимаю слов, я просто ем и ем — со вчерашнего вечера я успел опять проголодаться.

Закончив, я облизываюсь и с обожанием смотрю на Тобиаса: спасибо тебе, дескать, за прекрасный завтрак.

Тобиас говорит мне еще что-то. Я не понимаю слов, но мне нравится слушать его голос. Надо бы продолжить поиски Ингрид, но я еще не отдохнул, да и сил маловато. Кажется, мой новый друг это понимает. Он гладит меня по голове и приговаривает:

— Дух силен, да тело слабо. А тебе, куда бы ты ни шел, нужно беречь силы…

Он потягивается и зевает.

Я трусь боком о ствол дерева. Потом пью еще воды. Мой живот — просто бездонная бочка! Я опять хочу есть!

25

Два путешественника обходят поляну, будто раздумывая, куда им теперь податься. Тобиас сверяется с картой, и глаза его вдруг загораются. Он совсем недалеко от знакомых мест. В нескольких днях ходьбы в лесу есть что-то вроде лагеря кочевников, где они делятся друг с другом едой и рассказами о своих странствиях. Может быть, там и следует оставить собаку. С него хватает и забот о самом себе.

Пока они вдвоем отдыхают у ручья, Тобиас вдруг вспоминает Люси. Это была живая и игривая немецкая овчарка. Ее привел из приюта отец, перед тем как бросить семью. Тобиасу тогда было всего двенадцать. «Как будто отца можно заменить собакой…» — думает он с тоской.

Днем Роши уже гораздо бодрее. Наверно, его мышцам просто требовался отдых. Когда сгущается ночь, они с Тобиасом, посасывающим трубку, смотрят на звезды.

— А тебе, кажется, тоже интересны небесные сокровища, — замечает человек. — Может, ты умеешь определять дорогу по звездам? Тогда… ты

умнее, чем кажешься.

Роши отрывает взгляд от звезд и внимательно смотрит на своего спутника. Тобиас задумчиво сосет погасшую трубку.

— Сегодня заночуем здесь, Джерри, — спокойно говорит он. — Завтра выйдем рано, следуя за славным охотником Орионом. Согласен?

Роши понял только то, что это вопрос. Он чувствует прилив энергии и радостно гавкает, понятия не имея, на что именно соглашается. Он доверяет этому человеку. Тобиас пахнет лесом, зеленой листвой, покоем. Роши хорошо рядом с ним.

На склоне дня Тобиас делится с Роши остатками своих запасов: несколько кусочков колбасы и полпачки галет. Все это они запивают водой из ручья.

— Все мы кочевники, только многие об этом не знают, — говорит Тобиас, роясь в рюкзаке. — Мы в этом мире ненадолго, а люди копят имущество, как будто собираются жить вечно.

Иногда Тобиасу кажется немного странным, а иногда совершенно нормальным, что он делится такими мыслями с собакой. Растущий месяц — будто драгоценный золотой серп, забытый кем-то на звездном поле. Тобиасу хочется покурить, да

табак кончился. Скоро нужно будет пополнить запасы, у него в кармане завалялось несколько монет и мятая бумажка.

— Да, все мы в этом мире странники. Идем отсюда туда, от жизни к смерти. Греки говорили, что в мире постоянны лишь перемены. — Тобиас глубоко вздыхает и продолжает. — Несколько лет назад я чуть не умер. Это был знак! И я решил: сколько бы мне ни осталось жить, я проживу это время не в крошечной квартирке, сидя перед телевизором. Я бросил работу, которую ненавидел, продал все, что у меня было, и отправился в путь. Наверно, это было правильное решение, раз я еще жив.

Роши фыркает, потом втягивает носом воздух и смотрит ему в лицо. Тобиасу грустно? Или он просто рад поговорить с Роши, после того как долго был один?

— Привыкаешь к размеренной жизни, и эта привычка очень сильна, — продолжает Тобиас. — Ты не чувствуешь себя счастливым, но внушаешь себе, что другого пути нет. Пока в один прекрасный день тебя не тряхнет как следует. В моем случае такой встряской стал сердечный приступ. С тех пор я не желаю тратить ни минуты своей жизни на попытки вписаться в общество и

угодить другим. Когда отдаешь себе отчет в том, что твоя жизнь может закончиться в любую секунду, хочется следовать своим путем.

Тобиас делает паузу, чтобы посмотреть, как ведет себя пес, и с удивлением видит, что тот терпеливо и с любопытством изучает его лицо. И выражение глаз у этой собаки гораздо осмысленнее, чем у большинства знакомых Тобиасу людей. Роши кладет морду на руку Тобиаса, и тот гладит его по голове, глядя на медленный небесный балет. Уже совсем поздно, и в темноте лучше слышны звуки леса. Роши шумно вздыхает — это даже похоже на стон.

— Я ушел потому, что хотел иметь дело лишь с важнейшими фактами жизни… чтобы не оказалось перед смертью, что я вовсе не жил, — продолжает Тобиас, цитируя Торо[3]. — А жизнь, друг мой, — это то, чего мы все ищем. Если что-то и помогает нам держаться, то это неуверенность. Ведь все дано нам лишь на время: лес, луна, звезды, дружбы, семья, все, кого мы любим…

Роши поднимает голову. Он слышит какой-то треск в кустах. Может, это олень, заяц или какой-

[3] Примечания: 3

Сокращенная цитата из трактата «Уолден, или Жизнь в лесу» («Walden; or, Life in the Woods», 1854) американского поэта и философа Генри Дэвида Торо, перев. З. Александровой.

нибудь другой лесной житель, некрупный. Нет, никого нет, и Роши снова кладет морду на колени своему новому другу.

— Вот так, Джерри. Ты умница. Ну, давай отдыхать. А завтра станем на день старше и мудрее — и снова в путь.

26

Еще не рассвело, а они уже на ногах. За несколько минут до появления первого луча солнца Тобиас уже сидит на стволе поваленного дерева.

— Вот кто нас поведет… — Он указывает вверх. — А лучше всего его видно на переходе от осени к зиме.

Роши внимательно смотрит туда, куда указывает рука Тобиаса.

— Это Орион, друг мой. Он охотник. Он, кстати, любит собак. Но два его пса не следуют за ним летом, они появляются на небе только осенью[4].

Роши стоит, подняв морду, и вдыхает рассвет.

— А наш путь лежит… на запад! — И Тобиас решительно ныряет в темноту леса. Роши следует за ним, часто и радостно дыша. — Знаешь, Джерри, Орион — это компас на звездном небе. Он начинает свой путь на востоке, а заканчивает на западе. Вон те три яркие мигающие точки — это его пояс. Если ты потерялся, ищи на небе Орион, и сразу поймешь, где запад.

Роши нравится их прогулка, и он радостно лает.

---

[4] Примечания: 4
Имеются в виду созвездия Большого Пса и Малого Пса.

Будь он один, он тоже пошел бы в этом направлении. Тропинка с каждым шагом становится все светлее и светлее. Восходит солнце. Начинается новый день, и в этот день может случиться что угодно.

27

— Миссис Вайсман?

— Да, это я… — отвечает Ингрид.

Ее сердце бьется быстрее. Звонок с незнакомого номера, и голос у женщины молодой.

— Я Дженни Эванс, ветеринар…

— Скажите, — не выдерживает Ингрид, — вы звоните насчет моей собаки?

— Да, насчет Робина… то есть Роши. Золотистый ретривер, рыжеватый, шерсть средней длины, возраст примерно три-четыре года. Он ваш?

— Да! Где он?! — Ингрид вскакивает с кресла и нервно ходит по комнате. — Он?.. — Она с трудом сглатывает слюну. — С ним… С ним все в порядке?

На том конце провода тяжело вздыхают. Сердце Ингрид трепещет, как лист тополя на ветру.

— Наверное, с ним все в порядке… Мне очень жаль, я увидела ваше объявление слишком поздно. Я потеряла его из виду дня три назад, когда переезжала из Уильямсберга в Вашингтон.

— О боже!

У Ингрид подгибаются ноги. Она садится на

диван и сжимает подлокотник с такой силой, что белеют костяшки.

— Значит, его нашли, но он снова потерялся… Вот проклятье! Пожалуйста, расскажите мне, как это все случилось, — просит она незнакомую молодую женщину.

Дженни хлюпает носом, сморкается, потом рассказывает Ингрид, как Роши спас ей жизнь и как она спасла жизнь ему. Признается, что не слишком старательно искала хозяина собаки. Она извиняется снова и снова, и Ингрид понимает, что надо ее успокоить.

— Доктор Эванс… Вы так много для него сделали, спасибо. Я уверена, что, если бы Роши не встретил вас, он не оправился бы от этой ужасной раны. Мой бедный малыш… — шепчет она, и слезы стекают по ее щекам. — Спасибо, что позвонили, это очень добрый поступок.

— Мне ужасно жаль, миссис Вайсман, что я не могу вам помочь. Роши — удивительное существо, я буду благодарна ему всю жизнь. Я думаю, что он все-таки найдет дорогу домой. Не отчаивайтесь! Знаете, животные — такие следопыты и путешественники. Вы не могли бы сообщить мне, когда он у вас появится? Просто дайте знать, что вы снова вместе. Пожалуйста…

Ингрид улыбается сквозь слезы, слыша этот умоляющий голос, полный неподдельной любви.

— Дело в том, что я сейчас очень далеко от Вирджинии. Но я позвоню брату, попрошу его последить и развесить еще объявлений. А пока… могу я попросить вас кое о чем?

— Да, конечно, — отвечает Дженни. — О чем угодно.

— Чудесно! Пусть каждый ваш поступок приносит другим радость, чтобы Роши гордился вами. Вы можете сделать это для нас?

— Да, миссис Вайсман… Я постараюсь.

— Ингрид! Зовите меня Ингрид.

— Договорились. Спасибо, Ингрид. Кстати, а где вы живете? Если я вдруг что-то узнаю…

Ингрид с трудом сглатывает слюну. Не хочется огорчать девушку. Она тяжело вздыхает, прежде чем ответить:

— Я живу в Боулдере, дорогая. У подножия Скалистых гор.

— Ой…

Некоторое время они молчат. Потом Дженни удается овладеть собой, она желает Ингрид всего хорошего, прощается и вешает трубку. Ингрид бросается на диван и рыдает. Знать, что твоя собака ищет тебя, а ты не можешь выйти ей

навстречу — нет, это невозможно перенести. И все-таки в ее душе загорается крохотное слабое пламя, огонек надежды.

28

Я следую за Тобиасом несколько дней, хотя иногда кажется, что это я его веду. Мой друг часто останавливается отдохнуть. Он разглядывает окрестности, посасывая свою пустую трубку.

А я научился ориентироваться. Всякий раз, как мы подходим к развилке, я совершаю один и тот же ритуал. Сначала обнюхиваю каждую из тропинок. Потом выбираю ту, которая больше подходит моим лапам. Я будто слышу звоночек, и в носу становится щекотно.

Тобиас удивляется тому, как хорошо я ориентируюсь. А ведь я понятия не имею, куда направляется он, но я рад, что наши пути совпадают. Он кормит меня, а я составляю ему компанию и помогаю находить путь. По запаху чую, что он доволен.

На второй день у меня опять начинает болеть все тело. На третий сил становится еще меньше. Тобиас беспокоится. На заправке он покупает мне корм. Мы теперь чаще отдыхаем. От сухого корма у меня тяжесть в животе, и я по обочинам дороги ищу какую-нибудь ароматную травку.

Когда темнеет, Тобиас видит на небе знаки, которые я с трудом могу разглядеть. Да, я различаю пульсирующие точки, но не могу понюхать то, что там, наверху, а нюх у меня гораздо лучше, чем зрение. Я только знаю, что звезды похожи на светлячков и что они очень-очень далеко. Еще дальше, может быть, чем Ингрид. Намного дальше.

Каждую ночь Тобиас показывает мне звезды и о чем-то рассказывает. И выражение лица у него при этом мечтательное. Я могу понять его настроение, но не смысл его слов. Я собака, но ему это не важно. Ему все равно нравится со мной делиться.

И вот мой нос дает мне знать, что неподалеку люди. И ладно бы только люди. К нам приближаются собаки, и вот этого мне нужно избежать любой ценой.

Я застываю на месте.

Появляются две собаки втрое меньше меня, но с ними здоровый черный пес. Я не знаю, что делать. У меня горит кожа на загривке, там, где рубцы. Прячусь за Тобиаса, вернее — у него в ногах. Я не

могу рисковать и снова ввязываться в драку.

И тут мой дорогой попутчик мгновенно бросает на землю свой рюкзак и приседает рядом со мной. Надеюсь, он не позволит им причинить мне вред. Пожалуйста!

29

Приближаются две таксы и черная собака средних размеров с белой звездочкой на лбу и белыми лапами, будто она в носочках. Они с лаем рвутся навстречу вновь прибывшим. Роши ищет защиты у Тобиаса. Он припадает к земле, поджимает хвост, но шерсть на загривке встает дыбом.

Тобиас бросает рюкзак и успокаивает Роши, крепко держа его за холку: бояться, мол, нечего, это свои. Роши недоверчиво рычит, пока три собаки обнюхивают его.

Подходит седая старуха с клюкой и раздает собакам лакомство, чтобы успокоить. Роши все еще не уверен, что здесь безопасно. Местные собаки с удовольствием берут угощение, а съев, снова подступают к Тобиасу и Роши.

Одна из такс особенно любопытна. Она прыгает вокруг них и все порывается понюхать под хвостом у Роши. Тот показывает клыки — это означает, что подобные вольности ему не нравятся. Не будь здесь Тобиаса, он бы научил эту маленькую нахалку уважать себя.

Роши хочется оттолкнуть эту острую мокроно-

сую мордочку, но его друг Тобиас удерживает его. Любопытная такса обегает их по кругу. Потом обе таксы и черный здоровяк с глуповатой мордой садятся перед ними.

— Спокойно, Джерри, — шепчет Тобиас, нагнувшись к самой голове Роши, который по-прежнему жмется к его левому бедру. — Ты же умница. Что с тобой?

Роши тихонько поскуливает и вдруг начинает дрожать всем телом. Тобиас чувствует его дрожь, поглаживает Роши, и тот, как ни странно, дрожит еще сильнее.

Когда дрожь, дающая выход страху и напряжению, проходит, Роши наконец может спокойно рассмотреть собак, которые уже давно с любопытством за ним наблюдают. Они сидят на месте, не спуская с Роши глаз, и носы их тянутся к нему.

Роши встает и энергично встряхивается. Потом медленно подходит к одной из такс. Та радостно подпрыгивает, их носы сближаются, они обнюхивают друг другу головы и лапы. Роши дружелюбно помахивает хвостом. Вторая такса, оказавшаяся сукой, и черный пес тоже подходят и ведут себя вполне мирно. Собаки обнюхивают друг другу уши, лапы, животы и хвосты. Церемония знакомства окончена. Теперь Роши принят

в собачье сообщество, и Тобиас может наконец подойти к костру.

— Табби! Эппл! Сокс! Сюда!

Три собаки стрелой летят на голос. Роши хочется бежать вместе с ними, но он оглядывается на Тобиаса, ожидая его одобрения. Тот поднимает руку. Роши вслед за другими собаками бежит к круглой площадке с костром посередине.

Старуха с клюкой сидит в походном шезлонге перед белым фургончиком, поодаль от костра. Она гладит подбежавших собак костлявыми руками.

— Славные, славные ребята… Ужин уже совсем скоро. А ты откуда взялся, прекрасный принц? — спрашивает она Роши и протягивает ему руку, чтобы он мог ее обнюхать.

— Рад видеть тебя, Ребекка, — говорит Тобиас, положив рюкзак у стены фургона.

Теперь, когда можно не следить за собаками, старые друзья крепко обнимаются, Ребекка смеется, и смех у нее молодой, как у девчонки:

— Тобиас, сколько лет, сколько зим!

— У меня все как всегда, как видишь… — го-

ворит он.

— Отлично выглядишь. И в хорошей компании!

— Псину я встретил недалеко от Ричмонда. Мне кажется, у Джерри есть какой-то план, но я пока не знаю какой…

Как будто поняв, что речь о нем, Роши подходит к женщине. Когда она кладет руку ему на голову, он ложится на спину и подставляет ей живот.

— Ох какой же ты славный мальчик! — смеется Ребекка. — Тебе тут рады. Уверена, что наша стая с радостью примет тебя… Тобиас, я все хуже передвигаюсь. Ты не мог бы принести мне одеяло из фургона?

Он быстро находит одеяло. Потом помогает приятельнице встать и подводит ее к огню. Улыбки и похлопывания по спине говорят о старой дружбе, хотя люди, может быть, долго не виделись. Роши кажется, что время теперь течет очень медленно. Он снова возвращается к Ребекке, чтобы она погладила его морду, шею, бока, лапы и живот. Эта женщина точно знает, как погладить собаку. Роши полностью доверяет рукам Ребекки. Такса Эппл явно беспокоится: когда же ужин?

Роши просыпается перед рассветом. Тобиас спит у догоревшего костра.

Потянувшись, Роши ищет место, откуда виден горизонт. Другие собаки еще спят рядом со своими хозяевами.

Через несколько минут лучи солнца окрасят темное небо в серо-голубые тона. Роши поднимает голову к трем блестящим точкам.

Он очень доволен, что их нашел, лает от радости и бежит будить Тобиаса.

День проходит в увлекательной беготне с четвероногими приятелями вокруг фургонов и лавок. Иногда собак чем-нибудь угощают. Знакомясь с местными жителями, Роши приходится за день обнюхать множество рук: нежных, огрубевших, грязных. Еще очень сильно пахнут лавки, где торгуют съестным. Особый интерес вызывает склад.

После того как банда четвероногих набегалась и удовлетворила свое любопытство, Роши возвращается к фургону старухи. Она сидит все в том же походном шезлонге; на столике книги и раскрытая тетрадка. Опираясь на стол, Ребекка встает поздороваться. Потом присаживается на ступень-

ку фургона и зовет Роши подойти поближе.

— Давай-ка, юноша, иди к Бекки.

Умные руки гладят его спину и живот, нащупывают шрам в паху.

— Вижу, кто-то тебя обидел, дорогой… Ах ты, бедняга. Ужас какой. Можно мне потрогать? — спрашивает она, показав ему руку.

Роши дотрагивается носом до руки и лижет ее. Потом ложится на спину и подставляет Ребекке живот: «Только, пожалуйста, осторожно».

Ребекка понимает, что ей разрешили. Сначала она кладет ладони на голову собаки и держит их с минуту, что-то бормоча себе под нос. Потом кладет руку на шрам и, когда Роши расслабляется, начинает тихонько его гладить. Очень осторожно она массирует ему живот, пах, обе задние лапы. Руки ее задерживаются у него на груди, она слышит, как сильно бьется его сердце.

— Эппл, Табби и Сокс тебе помогут, — говорит она. — Они научат тебя снова доверять своим… Не все собаки злые.

Роши поднимает голову, чтобы посмотреть на женщину. От нее пахнет миром и покоем. Этот светлый яркий запах с примесью аромата свежей листвы успокаивает его.

— Я знаю, ты надолго здесь не останешься, — ти-

хо говорит она ему. — Я чувствую, как тревожно бьется твое сердце. Ты кого-то ищешь. Тоскуешь о ком-то любимом. Не беспокойся, дружок, карта твоего путешествия в твоем сердце.

30

Больше всех мне нравится Эппл. Она такая маленькая и милая. Как приятно устроиться на ночлег рядом с ней, свернувшись калачиком. С парнями я тоже подружился. Мы спим все вместе под старыми соснами, во втором круге фургонов.

Про лес Сокс знает все, а еще он понимает, что это такое, когда тебя никто не любит и тебе некого любить. Так он и жил, пока не забрел в лагерь кочевников и не остался здесь с Ребеккой. Он учит меня слушать песни ветра и шорох листьев. Благодаря ему я теперь знаю, каких животных нужно избегать (особенно осторожным надо быть с дикими кабанами) и каких людей следует опасаться.

Однажды мы оказываемся около жилища человека, который нас не любит. Мы сидим в тени дерева, так тихо, что нам даже слышно, как он разговаривает сам с собой. Запах у него холодный и резкий, странная смесь — гнилые плоды, металл, грибы и… пыль, от которой я чихаю, так что нам приходится поскорее смыться.

Когда мы оказываемся в безопасном месте, Сокс

прижимается подбородком к моей макушке. Я запоминаю запах того человека, чтобы держаться от него подальше. Он имеет обыкновение пинать собак и бросать в них что попало.

А еще Сокс, этот черный здоровяк в белых носочках, учит меня чуять дождь дня за два, а еще находить человеческое жилье по запаху опилок и дров, а еще показывает мне норы, вырытые мелкими зверьками, в которых в случае чего можно спрятаться. Сокс учит меня опасаться лис и лесных кошек. И наконец, он пытается научить меня охотиться. Дело в том, что я никогда не охотился ни на кого и ни на что, разве что на теннисный мячик…

Сокс гонится за мной и, когда настигает, хватает за горло, но челюсти не смыкает. Сердце у меня замирает, я почти обездвижен. Потом он убегает от меня, чтобы я гнался за ним. Я преследую Сокса, но уж очень ловко он петляет и уворачивается. Только с пятой попытки мне удается так схватить его за горло, чтобы он не мог двинуться. И тут у меня возникает какое-то новое чувство. Глубокий природный инстинкт заставляет меня все сильнее сжимать челюсти. Когда мой приятель начинает скулить, я отпускаю его.

Урок заканчивается на берегу пруда, от кото-

рого очень противно пахнет. Сокс сидит рядом и наблюдает за мной. На морде у меня написано отвращение. Воняет гнилью, как будто под водой что-то разлагается. Мой наставник показывает, что если вода такая, пить ее нельзя, как бы тебя ни мучала жажда. Такая вода несет смерть.

Я подхожу к нему, и мы тянемся друг к другу носами. Потом я прикасаюсь носом к белому пятну у него на лбу. Сокс высовывает розовый язык и лижет меня в морду.

— Пошли к нашим, поиграем! — предлагает он веселым лаем и пускается наутек.

Чему учит Роши (2)

Примечание к репортажу

Второй человек, встреченный нашим героем, — Тобиас Эспозито. От молодой женщины из лагеря кочевников я узнала, что Тобиас и Роши несколько дней вместе шли по лесу. Роши отдохнул в лагере, а потом ушел. Хотя они провели друг с другом не больше недели, Тобиас рассказал своей знакомой, что Роши успел преподать ему

три важных урока.

1. **Приятно заботиться о ком-нибудь.** Человек — общественное животное и, чтобы чувствовать себя полноценным, нуждается в теплом отношении другого существа, пусть даже собаки. Из этого следует:

2. **Хочешь идти быстро — иди один; хочешь идти далеко — иди не один.** По словам Тобиаса, он не раз вспоминал эту африканскую поговорку во время их с Роши путешествия. Вместе они могли бы дойти до края света, но у Роши была другая цель.

3. **Настоящим друзьям не нужны слова, чтобы понимать друг друга.** Собаки и люди не могут говорить друг с другом по правде, но они могут вместе смотреть на звезды и идти вперед, глядя на небо. Даже у существ одного вида бывают переживания, которые заставляют их сердца биться в унисон, но невыразимы словами.

31

Мне хорошо с Тобиасом, Ребеккой и ребятами, но с Ингрид я словно связан крепкой нитью, и она сейчас натянута. Та карта, которая «у меня в сердце», — это мои воспоминания о жизни с Ингрид, запахи и звезды, на которые каждую ночь смотрит мой друг Тобиас.

Если я засомневаюсь, правильно ли иду, звезды всегда подскажут дорогу.

Уже несколько дней, как я расстался с моей дорогой четвероногой бандой и с друзьями-людьми, и с тех пор спокойно иду один.

Еда — вот моя вечная забота. Я не бог весть какой охотник, несмотря на уроки Сокса, а есть насекомых мне не хочется. Но надо же чем-то питаться, как-то поддерживать силы. Еще ни разу мне не удалось поймать зайца. Зато я нашел чистый ручей, бегущий в нужном направлении. Напился, освежился и даже поймал нескольких лягушек и улиток.

Я сверяюсь с небесным компасом, который мне показал Тобиас. Каждое утро поднимаю голову к этим далеким небесным светлячкам. Тобиас

называл их Орион. Сегодня утром там появилась еще одна сияющая точка, гораздо ярче других. Потом она растворилась в океане солнечного света. Кто она, эта сверкающая сестра светлячков?

Утро выдалось облачное. Зато не жарко, легче идти. Я останавливаюсь на вершине холма и смотрю вдаль. Нет, пейзаж незнакомый. Следую за ветерком, дующим из долины. Смотрю вверх, на облака. Пытаюсь уловить, как пахнет их серая подкладка. Так меня учил Сокс. Я понимаю, что, если не найду убежища, скоро вымокну до нитки.

Эта уверенность и голод заставляют меня выбрать тропинку вниз, к городку, который виднеется вдалеке. Над головой нависают огромные черные тучи, я уже не иду, а бегу изо всех сил.

Дождь застает меня на полпути к домам. Я прячусь в густых зарослях и, так как делать все равно больше нечего, засыпаю, убаюканный шумом

прохладного дождя. Когда я просыпаюсь, дождь не идет. Дело к вечеру, уже подкрадываются золотистые сумерки.

Пора идти. Встаю и, прежде чем отправиться в путь, стряхиваю с себя капли дождя. Вот и пастбища. Коровы и овцы не обращают на меня никакого внимания, и я спокойно прохожу сквозь стадо.

Вскоре появляются первые фермерские дома. Мой нос чует присутствие собаки, — наверно, разумнее будет подойти к поселку с другой стороны. Иду вдоль канала, вскоре он впадает в реку.

Так хочется есть, что я пью воду только для того, чтобы чем-то заполнить желудок. А еще тут есть сочная трава. «Когда же наконец удастся поесть?» — спрашиваю я себя. Пока никто из людей меня не обижал, но Сокс учил меня быть всегда настороже. Я доберусь до цели, только если сумею позаботиться о себе.

Увидев мост через реку, с надеждой выбираю эту дорогу. Я чувствую смутно знакомый запах. Он такой сильный, что я даже останавливаюсь и лаю, пытаясь распознать, что именно пахнет. Конечно же, это сад, и в нем есть такие же цветы, какие старательно выращивала у себя Ингрид. Теперь от источника запаха меня отделяет толь-

ко деревянный забор. Я разбегаюсь и довольно легко его перепрыгиваю.

Вот я и там. Среди цветов я вижу камни самых разных размеров. Некоторые установлены так, что, кажется, вот-вот упадут. Другие закопаны глубоко в землю и увиты плющом. Какая-то женщина обнимает один из камней.

Она меня не видит, и я не хочу пока объявляться, поэтому держусь на почтительном расстоянии. Я ложусь на траву, кладу голову на лапы и вспоминаю: Ингрид иногда плакала над старыми фотографиями того времени, когда она была очень счастлива. Я пытался подбодрить ее как мог. Потом серое облако тоски, которое ее окружало, постепенно рассеялось.

Я погрузился в эти воспоминания, а между тем женщина меня заметила и пристально смотрит на меня. Вижу, что она улыбается, и понимаю, что она не опасна. Тогда я медленно встаю, подхожу к ней, обнюхиваю ее руки и, поскольку она не шевелится, слегка подталкиваю их носом. Потом сажусь и терпеливо жду, чтобы показать ей, что я хорошая собака.

Она не торопится. Сморкается, вытирает нос. С любопытством смотрит на меня. Кажется, она удивлена тем, что видит меня здесь, среди кам-

ней и цветов. У меня в животе так урчит, что даже она это слышит. Чтобы рассмотреть ее получше, я наклоняю голову набок. Это мое движение вызывает у нее смех.

— Какой же ты славный! Откуда ты взялся? — говорит она, и голос у нее глуховатый.

Я продолжаю смотреть на нее, часто дыша и облизываясь.

— Есть хочешь? Ну пошли со мной…

Она со вздохом поднимается и делает мне знак следовать за ней. Я нерешительно иду. Она скорым шагом направляется к домам, что стоят неподалеку от этого странного сада. Ее стройная фигура в черном платье с длинными рукавами выделяется на фоне белых стен.

Мы подходим к решетке, за которой видно крыльцо с тремя ступеньками. Она поднимается, открывает дверь и выжидательно смотрит на меня. И в ее глазах я вижу свет, которого не заметил там, в саду.

— Ну?.. Что, не хочешь входить?

Я стою на месте. Я и правда не хочу входить. Мне бы только поесть. Я просто смотрю на нее и облизываюсь, и, похоже, она понимает, что это значит.

— А вы умны, сэр… — тихо говорит она. — Зна-

чит, не доверяешь мне. Ладно…

Она уходит в дом, оставив дверь приоткрытой. Пытаюсь рассмотреть, что внутри, но там темно, и я ничего не вижу. Она скоро возвращается с миской в руке. В миске мясо, я это чувствую. Мне требуется вся моя воля, чтобы немедленно не кинуться и не сожрать все. Дождавшись, когда она поставит миску передо мной, я с жадностью набрасываюсь на еду. Женщина довольна. Она садится на стул у крыльца и смотрит, как я ем.

32

В воздухе уже чувствуется холод, предвещающий осень. Ах, это ощущение «еще нет, но скоро». Дрозды кричат тише. Сороки, славки и синицы смолкают, когда уходит солнце.

Ингрид сидит, поставив локти на стол и обхватив лицо ладонями. Седые волосы растрепаны. Ее обычный пучок на затылке почти развалился. Вместе с легким ветерком, дующим в окно, прилетает горлица и садится на подоконник. Птичка вытягивает шею и крутит головой, словно ей любопытно рассмотреть комнату. Когда она взлетает и исчезает, Ингрид поправляет волосы и достает из верхнего ящика стола тетрадку.

Она снимает с перьевой ручки колпачок, открывает чистую страницу и начинает писать:

Мой дорогой Джерард!

Я потеряла Роши. Только сегодня мне удалось собраться с силами, чтобы написать тебе об этом. Вообще-то, я и никому из соседей не сказала. Поэтому почти не выхожу из дома. Боюсь, что меня спросят, где моя собака, когда увидят, что я иду одна.

Да, это похоже на то, что я чувствовала, когда ушел ты. Но мне еще и ужасно стыдно, что я не приняла всех необходимых мер предосторожности. Я потеряла его! Вернее, строго говоря, он сам потерялся, так получилось.

Я говорила с одной женщиной-ветеринаром, которая провела с ним несколько недель, и теперь у меня есть какая-то надежда, но все равно я постоянно думаю об этом и очень беспокоюсь.

Когда у тебя собака, ты быстрее стареешь, потому что стареешь вместе с ней. Для животного все происходит в пять-шесть раз скорее, чем для человека. В фильме Найта Шьямалана «Время» собака умирает первой[5].

Конечно, когда Роши мирно похрапывал рядом со мной, я об этом не думала. Все было хорошо, насколько вообще может быть хороша жизнь. Откуда мне было знать, что нам осталось всего несколько недель быть вместе…

Когда ты молод, кажется, что впереди вечность, а семьдесят три года — это уже не шутка.

---

[5] Примечания: 5

В триллере М. Найта Шьямалана «Время» («Old», 2021) по мотивам графического романа Пьера Оскара Леви и Фредерика Питерса «Замок из песка» («Château de sable», 2011) фигурирует йоркширский терьер, который действительно умирает за кадром, хотя и не первым.

У нас никогда не было собаки, потому что ты любил кошек. Когда ты ушел, я завела себе собаку только после того, как умерла последняя кошка. Я взяла собаку, потому что давно хотела. Мы с ней должны были состариться вместе. Так могло бы быть. Но вот уже два месяца, как Роши потерялся. Я до сих пор не утратила надежды, что он найдется, хотя ужасно не хотелось бы снова ехать к брату.

Возможно, сегодня или завтра я все-таки рискну выйти из дома. Надо жить дальше. Нельзя вечно сидеть, забившись в свою нору. Нужно видеться с друзьями, вернуться в бридж-клуб. Что касается долгих прогулок, так странно и так трудно теперь будет гулять без Роши…

Следуя советам тренера по йоге, я пытаюсь медитировать каждый день, но мне трудно сидеть спокойно, ничего не делая. Стоит закрыть глаза, и у меня начинает все болеть, а если каким-то чудом ничего не болит, то бесконечные разговоры с собой не дают мне сосредоточиться на дыхании.

У меня перед глазами стоят янтарные глаза Роши, его шелковистая шерсть, улыбающаяся мордаха с высунутым языком. Боже мой, как можно так скучать по собаке! Я слишком его любила? Но разве может быть слишком много

любви?

Я отказываюсь смириться. У меня еще есть надежда найти его.

Я тебя тоже очень люблю. И очень по тебе скучаю. Ты даже не представляешь, как для меня важно писать тебе, какое это облегчение. Словно ты каким-то образом побывал здесь, и в голове у меня прояснилось, и на сердце стало теплее. Когда я мысленно разговариваю с тобой, Джерард, это придает мне сил.

Возможно, сегодня соберусь с силами и пойду погулять в лес, в первый раз с тех пор, как вернулась домой без Роши… Это ведь неплохо для начала, правда?

Всегда твоя Ингрид

Дописав письмо, Ингрид надевает колпачок на ручку и кладет ее рядом с тетрадью. Она смахивает набежавшие слезинки, закрывает тетрадь и встает.

«Пора», — говорит она себе.

Выходит из кабинета и направляется в спальню переодеться.

33

Ужин был очень вкусный. И главное, эта женщина не заставляет Роши входить в дом, разрешает оставаться на крыльце. Ночи становятся все прохладнее, но до настоящих холодов еще далеко. Роши спит на диванчике у входной двери, зарывшись в одеяло, которое ему принесла хозяйка.

Ему снится, что они с Ингрид играют сдувшимся мячиком, который она всегда брала с собой. В какой-то момент земля вдруг превращается в зыбучие пески, и лапы Роши вязнут. Он старается, но не может освободиться. А Ингрид почему-то не видит и не слышит его. Он воет, скулит, пытается вытащить лапы, рычит на песок и тонет в нем.

Среди всего этого кошмара он вдруг чувствует на лбу чью-то теплую руку. Он лает от неожиданности, встряхивается, чтобы окончательно проснуться. Вокруг ночь, крыльцо освещает слабый свет лампочки. Одеяло сброшено на пол, хозяйка дома в халате сидит рядом с Роши.

Она протягивает ему руку. Он нюхает длинные худые пальцы, потом колени, прикрытые полами

халата. Она встает, и деревянный стул отзывается скрипом. Прежде чем уйти, она гладит Роши по голове и говорит:

— Знаю, что вы не хотите заходить в дом, сэр, но, если вы и дальше будете будить меня своими рыданиями, мне придется принять меры. Ты так меня напугал!

Пес смотрит на нее, наклонив голову влево, подслеповато моргая, потому что лампочка теперь светит прямо ему в глаза.

— Какой же ты все-таки славный… Но так шумишь! Ты же соседей перебудишь. И мою подругу Мардж. А она не любит собак. Ну ладно, я пошла спать. Ты тоже можешь войти в дом.

Она оглядывается в дверях: не передумал ли Роши. Он смотрит на нее и не двигается с места. Она вздыхает, поежившись от холодного ветра, закрывает за собой дверь.

Роши спрыгивает с дивана, потягивается, чешет задней лапой шею. Садится на холодную плитку крыльца, потом ложится и кладет морду на вытянутые лапы. Он устал, мышцы гудят. Он тихо скулит и смотрит на звездное небо, на своих сверкающих друзей.

Роши просыпается, когда женщина ставит перед его носом миску с едой.

— Хороший мальчик, ты вел себя тихо… — Она ласково поглаживает его по голове. — Скоро придет Мардж, так что тебе лучше уйти…

Роши набрасывается на еду. Закончив, с удовольствием облизывается. И тут же убегает.

— Смотри-ка, понимает… Воспитанный молодой человек, — тихо говорит она.

Она очень рада, что помогла этому псу.

— Эрика!

Дама в розовом приближается к дому и энергично машет хозяйке рукой. Эрика задремала в кресле-качалке на крыльце и проспала появление гостьи. Она уже знает, что утреннее солнце — лучшее средство от депрессии. Эрика трет глаза, потом надевает очки.

— Мардж! Рада тебя видеть. Ты не поверишь! Вчера такое случилось… Проходи, садись.

— Ты отлично выглядишь, Эрика! — говорит ее подруга, взяв ее за руки. — У тебя совсем другое лицо, чем было неделю назад! Ты хорошо спала?

— Полночи…

— Почему только полночи?

— Меня навестил один джентльмен… — Она интригующе смотрит на Мардж. — Присядь, я тебе расскажу. Хочешь чаю?

— Конечно! Я сама заварю. А ты сиди, ты так хорошо смотришься на солнце.

У Мардж длинная белокурая грива, она высокая и стройная. Она появляется на крыльце с подносом, на котором заварочный чайник и две чашки с дымящимся чаем, и застывает на месте. Оказывается, Эрика уже не одна! У крыльца стоит рыжеватая собака, и Эрика что-то ей говорит.

Нет! Это крупное животное! Огромное! Собака!

У Мардж дрожат руки, она с трудом ставит поднос на ближайший стул и севшим голосом говорит:

— Эрика, это что за зверюга? Что это такое…

— Не волнуйся, Мардж, — успокаивает Эрика, а собака тихо отступает. — Это друг, я познакомилась с ним вчера на кладбище, когда пришла к своему мальчику. Этот пес проводил меня до дома, я дала ему поесть и разрешила переночевать на крыльце, потому что в дом идти он не захотел.

Она говорит очень быстро, чтобы успокоить Мардж. Та тяжело дышит и нервно сглатывает

слюну.

— Но ты ничего не знаешь об этой собаке, Эрика! Она привита? А может, у нее бешенство… Как можно быть такой беспечной?

Эрика тяжело вздыхает и растерянно смотрит на Мардж:

— Я думала, он ушел, но оказалось, что нет. Я знаю, Мардж, ты не любишь собак, но, по-моему, в данном случае ты преувеличиваешь…

Эрика терпеть не может спорить. И еще ей не нравится, что Мардж пугает собаку. Но подруга уже роется в сумочке, ищет мобильный телефон. Она просто вне себя.

— Надо вызвать собачников.

Мардж встает и дергает ногой, будто пинает собаку.

— Можно узнать, что ты собираешься делать? Ты напугала его, и теперь он действительно убежал!

— Эрика, тебе давно следовало вызвать собачников! Эта бродячая псина могла покусать тебя и заразить бешенством!

Эрика качает головой. С Мардж что-то неладно.

— Может, все-таки сядем и выпьем чаю? — предлагает Эрика.

Подруга уступает, и некоторое время они молча пьют чай.

Видя, что подруга немного успокоилась, Эрика мягко спрашивает:

— Что случилось, дорогая? Ты на себя не похожа… Ты выгнала моего гостя.

— Это блошиное гнездо ты называешь гостем?!

Эрика отвечает ей таким взглядом, что та чувствует, что перешла черту. Мардж опускает голову и вдруг заходится в рыданиях. Потом рассказывает, что несколько дней назад от нее ушел муж. Она пока не сказала об этом детям. Придумывает какие-то отговорки. И Эрике не осмеливалась признаться, потому что… та два года назад потеряла сына, ей и так несладко.

— Я не хотела тебя этим грузить. — Мардж вытирает мокрые от слез щеки.

Эрика крепко обнимает ее. Что тут скажешь, кроме того, что сочувствуешь и всегда готова помочь, что бы ни случилось. После бурных признаний Мардж становится легче, робкий румянец появляется на ее щеках, а глаза снова начинают блестеть.

— Я понимаю, что все мои переживания ерунда по сравнению с твоей утратой. Я знаю, что мне следовало быть рядом с тобой гораздо чаще,

особенно сейчас, когда я тебе нужна. Я просто эгоистка.

— Дорогая, — Эрика берет ее за руки, — все совсем не так. Ты моя лучшая подруга, ты спасла мне жизнь! Забудь об этом зануде, которого ничего, кроме очередного бейсбольного матча по телику, не интересовало. Ты красивая, ты блестящая! Когда ты придешь в себя, у твоих дверей выстроится целая очередь ухажеров.

Мардж снова плачет, но теперь в ее слезах не только тоска, но и огромное облегчение: подруга рядом и не даст ей пропасть. Эрика пережила такое горе и все же не сдается, и это придает Мардж сил.

— Завтра, пока дети будут в школе, приходи ко мне, посмотрим «Яка в классной комнате»[6]. Я его открыла для себя несколько дней назад, мне кажется, тебе он понравится.

— Ну, если ты так считаешь… Хотя название довольно странное.

— Это первый фильм, снятый в Бутане, который номинировался на «Оскара», — объясняет

---

[6] Примечания: 6

Драма *«Як в классной комнате»* («Lunana: A Yak in the Classroom», 2019) — режиссерский дебют бутанского кинематографиста Паво Чойнинга Дорджи; жители бутанской деревни Лунана сыграли в ней себя. Фильм номинировался на премию «Оскар» в категории «Лучший иностранный фильм» в 2022 году.

Мардж, подливая чай. — По сюжету молодого учителя-бунтаря посылают работать в школу в горной деревне, совершенно изолированной от окружающего мира.

Они молча пьют чай, Эрика пытается скрыть беспокойство. Она уже скучает по этому псу, хотя они только что познакомились. Ей хочется как следует накормить его и чтобы он еще раз заночевал у нее на крыльце. «Как приятно заботиться о ком-то», — говорит она себе и снова принимается утешать подругу.

34

Большинство домов в этом городке пахнут приятно и уютно. Но я все равно не останавливаюсь. Из любого дома может выйти злая собака или человек, похожий на ту тетку, что хотела меня пнуть. Сокс учил меня обращать внимание на любую мелочь. Никогда не знаешь, что может случиться.

Пошатавшись по улицам, я чувствую, что опять проголодался. Голод заставляет меня вернуться к дому моей новой знакомой. Прежде чем подняться на крыльцо, принюхиваюсь, чтобы определить, здесь ли еще та разъяренная женщина. Да, определенно она здесь. Но все пахнет по-другому, не так, как утром.

Уже на ступеньках я ощущаю хорошо знакомый мне кислый запах тревоги. Так пахло от Ингрид, когда мы в последний раз перед тем, как я потерялся, ехали с ней в машине. Не нравится мне этот запах.

— О, ты вернулся! — Хозяйка дома спускается с крыльца. Похоже, она мне рада. — Рада видеть вас, сэр! Какой ты все-таки милый… Но Мардж не

любит собак… А у нее сегодня тяжелый день. Так что я вас познакомлю в другой раз.

Хотя она говорит ласковым голосом, я все равно колеблюсь. Я не понимаю, что она говорит, но что-то тут у них явно не в порядке. Я весь напрягаюсь, когда на крыльце появляется стройная блондинка.

— О боже всемогущий! — кричит она.

Я отступаю назад, моя подруга пытается в чем-то убедить свою гостью. Эта крикливая женщина так меня боится! Но почему?! Хозяйка дома приносит мне два куска куриной грудки в панировке, завернутые в бумагу. Я беру в зубы пакет и, поджав хвост, удаляюсь. Лучше поем где-нибудь в безопасном месте. Перед уходом я бросаю взгляд на хозяйку: в ее глазах светится доброта. Я ей доверяю.

Перекусив, я некоторое время патрулирую улицы. Иногда вижу, как семьи с детьми садятся в машины и куда-то уезжают. Солнце уже высоко, мне жарко и хочется пить. Иду на кладбище, ведь там неподалеку есть ручей. Вдали от домов мне гораздо спокойнее. Ищу уютное местечко, чтобы

немного поспать.

Лучше всего устраивать сиесту на солнце, но так, чтобы голова была в тени. Журчание ручья так приятно, что мне снятся счастливые сны о том времени, когда моя жизнь была гораздо легче. Моим лапам и мышцам тоже нужен этот отдых.

Ближе к вечеру меня будит незнакомый запах. Да тут собака! Кокер-спаниелька. Она играет с хозяином. Он бросает ей теннисный мячик. Я зеваю и прикидываю, не лучше ли мне уйти. Да нет, кажется, она не опасна. А еще она любопытна. Когда мячик приземляется недалеко от меня, она хватает его и, вместо того чтобы сразу бежать к хозяину, показывает игрушку мне, хочет, чтобы я погнался за ней. Вот нахалка!

С тех пор как я потерял Ингрид, мячик меня больше не интересует, так что отнимать его у посторонней собаки мне вовсе не хочется. Она возвращается к хозяину, по-моему несколько разочарованная. вскоре они уходят, и я теряю их из виду.

Я решаю вернуться к своей подруге. Конечно, не стоит сбрасывать со счетов крикливую тетку, но это единственный дом, где мне точно предложат ужин. Я выбираю не самый короткий путь, чтобы заодно обследовать как можно бóльшую терри-

торию. Любой запах рассказывает свою историю и помогает освоиться в этом городке. Из окон каждой кухни доносятся волшебные ароматы. Мой желудок громко урчит, я аж подпрыгиваю от нетерпения.

— А вот и ты! — радостно встречает меня моя приятельница.

Я ощущаю только ее запах: ведьма ушла. Радостно взбегаю по ступенькам. В животе приятно щекочет.

— А у меня кое-что есть для тебя, — говорит она и заходит в дом.

Она возвращается с той же миской, что и утром, а в ней мясо и белые мягкие крокеты. Пока я шумно пожираю свой ужин, она сидит на качелях и с улыбкой смотрит на меня. Потом мы вместе устраиваемся на крыльце. Темнеет. Она зажигает свет, читает. Еще она включает старый радиоприемник, крутит и крутит колесико, пока не находит музыку, которая ей нравится. Да, нравится, я вижу это по ее улыбке. Приятно быть рядом с таким симпатичным человеком, хоть это и не Ингрид.

Я отдыхаю рядом с ней.

Следующие несколько дней я провожу с Эрикой, но ухожу, как только появляется та высокая блондинка. Честное слово, Эрике стоило бы подыскать себе подружку посимпатичнее.

Хотя мне здесь очень даже неплохо, надо идти дальше, искать дорогу домой. С другой стороны, я пока не хочу покидать мою новую приятельницу. Она еще не готова быть одна.

Мы целыми днями бродим вдвоем. Пару раз мы заходили на кладбище, где познакомились. Она принесла цветы и долго сидела, обняв большой камень.

Я привыкаю к этому месту, и запахи помогают мне составить что-то вроде карты городка. Теперь я знаю, что по соседству с Эрикой живет человек с темной кожей и кот с такой же темной шерстью. Кота я иногда вижу, и он меня не боится. А человек неуловим, он не показывается, но запах у него сладковатый и маслянистый — так пахнут добросердечные люди. Гости к нему никогда не приходят.

Однажды мы с Эрикой возвращаемся с прогул-

ки, и я решительно направляюсь к этому дому. Эрика следует за мной, она явно заинтригована. Я перехожу невидимую линию, очерчивающую владения кота. Сажусь перед дверью дома и гавкаю несколько раз. Сейчас или никогда!

35

— Что это вы делаете, сэр? Это же не наш дом… Кого ты тут ищешь? Может быть, тут живет твой хозяин? Ты это хочешь сказать?

Роши выжидающе смотрит на Эрику. Он часто дышит и улыбается. Его янтарные глаза горят. Он снова настойчиво лает. Эрика смущенно смотрит на собаку и на закрытую дверь. Она очень не любит доставлять беспокойство людям, особенно незнакомым.

— Пойдем-ка, пойдем… Нечего тебе тут делать, и мне тоже. Пойдем домой! Если тут и правда живет твой хозяин, тогда почему ты со мной… Не нравятся мне такие игры.

Она берет его за шкирку и тянет прочь от двери, но он сопротивляется. Он чует, что от нее снова начинает пахнуть тоской. Ох, нельзя сейчас дать ей уйти! Где же этот человек, который так хорошо пахнет? Почему не открывает?

За дверью раздается громкое мяуканье. Роши лает еще отчаяннее. Эрика краснеет и тяжело дышит. Из-за двери слышится негромкий голос:

— Да-да, иду… Кто там?

Дверь открывается.

— Видишь, что ты наделал? — шепчет Эрика Роши и, смущенно кашлянув, говорит: — Я Эрика, ваша соседка. Это, случайно, не ваша собака?

Судя по всему, он замкнутый человек. Это высокий афроамериканец; вероятно, чуть постарше Эрики. Его курчавые волосы уже тронуты сединой.

— Собака?.. — сонно бормочет он.

Потом, не договорив, вдруг всматривается в Эрику и удивленно замирает.

Роши с победоносным видом посматривает на людей, словно хочет сказать обоим: «Вот видите! Я правильно унюхал?!»

Потом зевает и ложится около двери, предчувствуя, что разговор у них будет долгий.

— Извините за беспокойство, просто этот пес уже несколько дней крутится около моего дома. И он привел меня сюда, поэтому я и решила спросить, вдруг он ваш, — заметно нервничая, скороговоркой объясняет Эрика.

Ей так неудобно, что она смотрит не на мужчину, а куда-то мимо.

Мужчина в темно-синем спортивном костюме, напротив, разглядывает ее с интересом. Он отодвигает ногой кота, который пытается пролезть

наружу.

— Я понятия не имею, чей это пес… Но ты — Эрика Супински!

Эрика впервые осмеливается поднять на него глаза. И когда она наконец понимает, кто перед ней, глаза становятся огромными, как блюдца.

— Но… — говорит она, и тут же ее лицо освещает счастливая улыбка. — Дэвид Тейлор! Неужто это ты! Мы живем дверь в дверь, а я даже… Либо я ослепла, либо ты никогда не выходишь из дома.

— Скорее, второе. — Он улыбается, демонстрируя прекрасные белые зубы. — Я переводчик и целыми днями работаю дома. За несколько месяцев жизни здесь так ни с кем и не познакомился. Я и представить себе не мог, что ты…

Эрика в ответ протягивает к нему руки, они крепко обнимаются.

— Эрика! Это и правда ты!

Глаза Дэвида светятся, он широко улыбается и сразу выглядит гораздо моложе.

— Сколько времени прошло с тех пор, как мы в последний раз пили кофе на факультете… — ностальгически вздыхает он.

— Это было как минимум три жизни назад, — улыбается она.

Они смеются, как не смеялись уже много лет.

После долгого одиночества, о котором им еще предстоит рассказать друг другу, темные глаза Дэвида вновь блестят, встретившись с глазами Эрики. Она с трудом сдерживает слезы.

— Можно угостить тебя чаем? — осторожно спрашивает он. — Я, видишь ли, гурман и добавляю в чай мяту, которую выращиваю в горшке.

Эрика даже не в силах ответить, так ее потрясла встреча с однокурсником и другом студенческой юности. В конце концов она соглашается и идет за ним в дом. Но прежде бросает взгляд на Роши, который, высунув язык, внимательно следит за ними.

— Не знаю, откуда вы, сэр, но вы точно волшебник! — говорит она.

36

Их сопровождает кот. Он вызывает у Роши живой интерес, и, прервав свой отдых, пес решает тоже принять участие в этой встрече. Ему даже немного обидно, что животное из семейства кошачьих нисколько не боится довольно крупной собаки.

Перед тем как войти в кухню, Роши обнюхивает углы, обувь, старый чемоданчик… Кухня светлая и уютная. Солнце сквозь большое окно освещает белые стены. Посередине — круглый стол, на нем свеча в подсвечнике, вокруг стола три стула.

Два из них занимают Дэвид и Эрика, на третий немедленно запрыгивает кот. Его черная голова торчит над столом, и он вполне тянет на третьего сотрапезника, ожидающего своей порции. Роши с изумлением наблюдает эту семейную сценку. Хозяин дома зажигает свечу и возится с пультом. Секунда — и кухня наполняется мягкими звуками джаза. Дэвид включает чайник.

— Какой чай предпочитаешь? У меня есть ройбуш, черный, зеленый…

— Ой, спасибо, обычный черный. С лимоном,

если есть. Спасибо.

Она осматривается, словно хочет впитать в себя пространство:

— У тебя прекрасный дом, Дэвид. Обставлен с большим вкусом.

— Я последние пятнадцать лет жил в Швеции… Вернулся, когда умерла мать. Это ее дом. Так что обстановка — целиком ее заслуга. Я много лет преподавал североамериканскую литературу и теперь решил вернуться к родным пенатам. Мы с мамой всегда были очень близкими людьми, ты ведь помнишь? Я жил в Европе, но мы каждый день говорили по телефону. А теперь, когда она ушла, мне кажется, что она общается со мной через каждую вещь в этом доме…

Он кладет в заварочный чайник пригоршню ассама и говорит:

— Тебе может показаться, что я тронулся умом.

— Вовсе нет…

Она так взволнована, так рада этой встрече, что переводит взгляд на Роши, который спокойно лежит на циновке неподалеку от стола. Он лишь слегка поводит ушами, давая понять, что внимательно следит за происходящим.

— Значит, это не твой пес?

— Нет, у меня никогда не было собаки. Я всегда

была кошатницей, как моя мама… Это первая собака в нашем доме.

Эрике неловко, и совсем не потому, что она привела в дом старого друга незнакомую собаку. Ей хочется рассказать о том, что раздирает ее изнутри. Будто почувствовав ее намерение, Дэвид осторожно ставит перед ней чашку чая и умолкает, боясь сбить ее каким-нибудь неуместным замечанием.

— Два года назад умер мой единственный сын. — Она пристально смотрит на темное пятнышко на полу. — Я растила его одна, и мое счастье продлилось всего десять лет. Мы долго боролись с лейкемией, но он ушел. Теперь у меня больше никого нет, меня навещает только сумасшедшая подруга и вот этот пес — не знаю, откуда он взялся…

У Дэвида блестят глаза. Он склоняет голову, а ладонью левой руки легонько похлопывает по столу. Наконец решается заговорить. Он говорит тихо и ласково:

— Мне очень жаль, Эрика. Чувствую себя виноватым, ведь за эти годы я не сделал ничего, чтобы тебя отыскать. Я даже не знал, что у тебя родился сын… Прости меня.

Эрика накрывает руку старого друга своей, и он

тяжело вздыхает.

— Ты не мог узнать. Мы с тобой жили на разных континентах, жизнь водит нас такими тропами… Главное, что мы оба не забыли, как были привязаны друг к другу, и вот мы рядом. За старые времена, Дэвид. — Она поднимает чашку с чаем.

— И за новые! — добавляет он, чокнувшись с ней, и, как бы в подтверждение своих слов, сжимает ее руку.

И в музыке наступает небольшая пауза. А потом ударник снова тихонько начинает отбивать такт.

— Я женился вскоре после того, как переехал в Швецию, но мы прожили вместе всего два года. Что бы я ни делал, моей жене это не нравилось, поэтому мы решили разойтись полюбовно. С тех пор со мной мало что случалось… Детей у меня нет, но зато было пять кошек, а теперь вот этот кот. Его зовут Фекете. Честное слово, мне кажется настоящим чудом, что ты живешь рядом с домом моей мамы!

— Дом не мой, мне его уступила моя подруга Моника. Она наверняка знала твою маму, я спрошу у нее.

Эрика замолкает и делает глоток из чашки, а Дэвид ставит на стол вазочку с самодельным

печеньем.

— Я встретила ее уже после того, как родила сына, но после его смерти мы обе погрузились в такую депрессию, что наши отношения сами собой закончились. Самим своим присутствием мы напоминали друг другу о случившейся трагедии.

Дэвид снова опускает голову, не зная, что сказать. Он трет подбородок, словно надеясь, что так найдет нужные слова. Видя, как он расстроен, Эрика решает сменить тему и восклицает:

— Печенье просто отпад! А ты не хочешь открыть кондитерскую, вместо того чтобы переводить целыми днями? Кстати, а какие книги ты переводишь? И Фекете… что это за имя такое?

Дэвид неожиданно смеется шквалу вопросов, который обрушился на него и сразу рассеял мрачную атмосферу, наполнившую кухню.

— Начну с конца. «Фекете» по-венгерски значит «черный». Так его звали в приюте, откуда я его взял.

— А на другие мои вопросы ты собираешься отвечать?

— Всему свое время, Эрика. Теперь, когда мы снова встретились, я буду рассказывать тебе по главе из моей жизни всякий раз, как ты придешь ко мне в гости. Хорошо? А приходить ты будешь

часто, мы же соседи!

В этот момент Роши встает, видимо решив, что визит затянулся.

— Это все благодаря ему! Я даже не знаю, кто он, но мне кажется, что это очень неглупый господин… Да, сэр? — говорит Эрика, почесывая Роши за ухом. — А ему какое бы ты имя придумал?

— Зови его Сэр, ты же так к нему и обращаешься.

В подтверждение своего нового имени Роши с достоинством идет к двери, а за ним на почтительном расстоянии следует Фекете.

— Ну, мне пора, Дэвид. Надо отдохнуть после стольких волнений. Оказывается, уже так поздно!

— Проводить тебя до дома?

— Почему бы и нет? Как вы полагаете, Сэр? — Она смотрит на Роши, ожидая его одобрения.

Тот громко гавкает, и кот испуганно подпрыгивает, оттолкнувшись от пола всеми четырьмя лапами. Роши уходит. Он уже заварил в этом доме кашу, которая называется «счастье».

37

Каждое утро я наблюдаю с крыльца за далекими светлячками, а потом любуюсь восходом солнца. Мне нравится это место. Диванчик удобный, и отсюда видно небо. Но теперь, когда Эрика нашла себе хорошую компанию, мне пора уходить. Я отдохнул, живот мой полон, а лапы сильны.

Нужно дойти до кладбища и двигаться дальше. Так говорят звезды. Лучи утреннего солнца понемногу нагревают мою шерсть и все вокруг. Я потягиваюсь после сна. Лучше бы дождаться завтрака, а потом уйти. Расставаться грустно, но мне и правда пора.

Пока Эрика не проснулась, иду в последний раз прогуляться по окрестностям. Трава мокрая от росы. Какое чудесное место, чтобы поваляться на спине. Но мои лапы хотят бежать, а нос — разведывать дорогу. Мне не терпится отправиться в путь.

Вернувшись, я застаю Эрику на крыльце. Она только что принесла миску с завтраком. Я поднимаюсь по ступенькам и подхожу. Она слегка похлопывает меня по макушке. Я приступаю к

еде, а она опять садится на качели.

— Сэр, все-таки вы удивительный! Кто бы мог подумать, что в этом доме живет мой старый друг… Будь мой мальчик жив, они бы познакомились…

Я поднимаю голову от миски, чтобы поддержать ее хотя бы взглядом. Мне понятно, что ей и грустно, и радостно. Это как солнце и дождь одновременно. Снова возвращаюсь к еде. Сегодня особенно вкусно: белые мягкие крокеты и красное мясо. Черт побери, замечательно! Нелегко мне будет уйти отсюда.

Покончив с едой, я сажусь перед Эрикой и кладу лапу ей на колено. Она протягивает свои тонкие руки, чтобы почесать меня за ушами.

— Молодец, Сэр. Хороший пес, ты оказал нам большую услугу, Дэвиду и мне. Не знаю, как тебя благодарить! Я была бы рада помочь тебе найти твоего хозяина, но не знаю, с чего начинать. Если бы у тебя было что-то, что помогло бы тебя опознать. Хотя… Наверно, надо проверить, нет ли у тебя чипа…

Я понимаю только, что она довольна. У нее такой добрый голос. Люди всегда смотрят в глаза, когда разговаривают с тобой, а это меня нервирует. Собаки никогда так не делают. Сокс, Табби

и Эппл всегда смотрели в сторону, когда мы что-то делали вместе. А люди с их пристальным взглядом как будто все время чего-то ждут от тебя.

Я всего лишь собака и отвожу глаза. Потом поворачиваюсь и делаю несколько шагов, показывая, в каком направлении собираюсь идти. По-другому я сообщить не могу.

— А что, это хорошая мысль. Можем пойти на кладбище. Надо же рассказать моему мальчику, что произошло вчера! И утро такое хорошее…

Эрика встает, заходит в дом и скоро возвращается, одетая для прогулки. Я бегом спускаюсь с крыльца. Пахнет травой, как обычно. Сажусь и жду, пока она спустится.

Мы идем по улице. Я кружу около Эрики, даже пару раз радостно гавкаю. Пусть наша последняя прогулка ей запомнится: я играю, бегаю туда-сюда, прыгаю вокруг нее. Проходя мимо дома мужчины с котом, улавливаю запахи обоих и подаю голос — кому надо, тот услышит.

— Нет, Сэр, не сюда… Сейчас мы идем к моему мальчику…

Не понимаю, что она сказала, но я с ней согласен.

Когда мы доходим до кладбищенской ограды, я жалобно скулю и отказываюсь заходить. Не знаю, как еще показать Эрике, что не хочу туда. И что я должен уйти. Она смотрит на меня так, будто все понимает, потом говорит:

— Тогда подожди меня здесь. Если хочешь, конечно… Ты ведь свободен, верно?

Я отвечаю громким лаем.

Прежде чем уйти к своему камню, обнять его и поговорить с ним, Эрика приседает и смотрит на меня в упор. Мне кажется, она чувствует, что произойдет дальше. Лизнув ей руку, я встаю на задние лапы и кладу передние ей на плечи. Она обнимает меня и говорит что-то ласковое, но что — я не понимаю. Знаю только, что она любит меня.

Она вздыхает и входит за ограду. Ну, теперь точно пора. Я задираю заднюю лапу и оставляю свою метку. Перед уходом еще раз подаю голос. Эрика от своего камня машет мне рукой. А я поворачиваюсь и, поскуливая, бегу к ручью.

Чему учит Роши (3)

Примечание к репортажу

Эрика Супински, преподавательница английского языка, пребывала в глубокой депрессии, когда судьба свела ее с Роши. Она говорит, что получила от него моральную поддержку и несколько уроков. Они провели вместе всего несколько дней, но Эрика уверяет, что жизнь ее разделилась на до и после появления в ней Сэра — так она его называла.

Дружба с Роши вновь свела ее со старым университетским другом, который жил по соседству, а она об этом и не знала. Сейчас они вместе, Эрика вернулась к работе в местном колледже.

Вот какие уроки она извлекла из дружбы с «волшебником» (так она тоже его иногда называет):

1. **Уметь прощать — уже половина счастья. А вторая половина — уметь забывать.** Если бы Роши, обидевшись, ушел после того, как подруга Эрики плохо с ним обошлась, Эрика лишилась бы не только его, но и чудесной встречи с Дэвидом. Злопамятность не дает нам приблизиться к самому драгоценному в жизни.

2. **Ты не один.** Тебе может так казаться, но где-

то, в сокрытом пока от тебя закоулке жизни, тебя кто-то ждет.

3. **Любовь не проходит, она просто принимает другие формы.** Так же как и любой другой вид энергии в природе. Когда ты теряешь кого-то дорогого, любовь, которую ты испытывал и продолжаешь испытывать к нему, приумножается, чтобы ты мог оделить ею других.

38

Пью из ручья сколько влезет, потому что не знаю, когда еще найду воду. Не говоря уже о еде…

Я привык идти дорогой, подсказанной мне моим носом, а по дорогам, проложенным людьми, ходить труднее. Они слишком жесткие для моих лап, так что скоро я перехожу на тропку, протоптанную вдоль дороги.

Мне хочется есть, я устал, но не хочу останавливаться.

Всякий раз, как попадается лужа с более-менее чистой водой, я пью и освежаюсь. Охотиться пока не пробовал, но, наверно, придется.

В сумерках легкий ветерок приносит мне запах дождя. Ищу ночлег. Место среди деревьев, которое я нашел, — похоже, некий перевалочный пункт, перекресток для разных ночных животных: я слышу шорох крыльев над головой, чую запах оленя и каких-то грызунов.

Я решаюсь довериться природе и закрыть глаза. И открываю их перед самым рассветом. Осторожно пробираюсь между деревьями, нюхаю воздух, слушаю музыку леса. Солирует сегодня сова, — кажется, у них дуэт с луной. Небо нового дня затянуто облаками. Я чувствую их тяжесть, как будто укрыт ватным одеялом. Воздух влажнеет с каждой секундой.

Сегодня солнцу не удастся устроить свой обычный утренний спектакль, залив всю округу светом. Скорее, бегом! Найти убежище и еду, пока не хлынул дождь!

39

Уже второй день льет без перерыва. За неимением другого укрытия приходится прятаться под поваленным деревом. Ужин был так себе: я поймал мышь-полевку и нашел в палой листве половину птичьей тушки. Судя по запаху, ее не доела дикая кошка. Мне не нравится сырое мясо, но это лучше, чем ничего.

Тропа, по которой я сегодня иду, посыпана гравием. Камешки попадаются острые, идти неудобно. И все же это лучше, чем часами тащиться по асфальту.

Прохожу через рощицу молодых стройных деревьев. Я прямо чувствую, как они вибрируют, как жаждут расти. Каждое надеется добраться до небывалой высоты, как я надеюсь добраться до Ингрид.

Дождь все идет, дорога очень грязная. Когда опускается занавес темноты, я чую человеческое жилье. Из-за дождя многие запахи стерты, и все же я понимаю, что тут неподалеку пасутся коровы и лошади. Замедляю шаг и осторожно обхожу это место.

Умираю с голоду! Мне просто необходимо что-то съесть! Вдалеке, за пастбищем, вижу огонек. Нет, лучше пойду своей дорогой. Где стадо, там могут быть и собаки, так что лучше не нарываться.

Чуть подальше, за широкой полосой голой земли, несмотря на глухую завесу дождя, явственно пахнет влажной древесиной и еще немного грибами. Ага, да тут сарай!

У меня в животе к этому времени уже бушует настоящая буря. Придется рискнуть, говорю я себе. Подбегаю к сараю и, найдя дверь, толкаю ее носом. Сначала она не поддается. Тогда встаю на задние лапы и толкаю ее передними; вес у меня немалый, и дверь открывается.

Отряхиваюсь снаружи, а потом вхожу. Обнюхиваю все углы. Этот сарай набит всяким барахлом. Пахнет пылью. Под шкафом, который, кстати, противно воняет, обнаруживаю сухую корку. Я даже гавкаю от радости, хотя надо бы вести себя тихо — мало ли кто тут живет…

Приходится несколько раз засовывать лапу под шкаф, чтобы выловить этот огрызок, твердый как камень. Но выбирать не приходится.

Кручусь на месте, озираюсь: вдруг тут есть еще какая-то добыча, которая может уйти. Потом жую

сухую корку.

Следующие два дня проходят так же, разве что иногда дождь накрапывает, а иногда льет как из ведра. Надо бы найти убежище получше. С охотой мне не везет; увидев дома, тащусь туда из последних сил.

Атакую первый же мусорный бак, который вижу на улице, и удача мне улыбается: нахожу недоеденный бутерброд. Проглатываю его и сижу, словно ожидая, что еда упадет на меня с неба. Мне нужно съесть еще что-нибудь, иначе я не смогу идти.

Встаю на задние лапы, толкаю передними бак. Мне удается повалить его, и мусор высыпается. Много неприятных запахов и ничего съестного. Ладно, попробовать в любом случае стоило. Чихаю, прочищая нос, и бреду дальше.

Иду вдоль домов, мокрый и грязный, и вдруг справа раздается слабое мяуканье. Между двумя

белыми домами с большими садами есть проход. Оттуда и слышится кошачий голос.

Я никогда не ладил с кошками. Наверно, это потому, что я для них слишком крупный. Самое лучшее, чего я добился, — полное безразличие черного кота, жившего в доме, куда мы с Эрикой пришли в гости. Остальные кошки просто сразу убегают, не позволив мне даже их понюхать. Но эта полосатая кошечка…

Судя по хриплому мяуканью, она просит о помощи. Она смотрит на меня из кустов светлыми несчастными глазами. Кошка худая, а полосатый хвост, которым она машет из стороны в сторону, похож на змею. Она в отчаянии.

Я очень медленно и осторожно подхожу поближе, тяну морду, обнюхиваю кошку. Она на несколько секунд прикрывает глаза, потом снова открывает. Видимо, решила мне довериться. Я припадаю к земле и вопросительно смотрю на нее. Что случилось, сестренка? Ты пахнешь молоком. Она тянет свой маленький носик к моему большому, и наши носы соприкасаются. Это означает: помоги мне, пожалуйста!

Я показываю, что готов помочь, и тогда она встает. Идет на своих тонких лапках, а хвост, развеваясь, следует за ней. Время от времени она

оглядывается на меня и тихонько мяукает, мол, иди за мной.

Следую за ней — она, похоже, хорошо знает дорогу, петляющую между домами. Она ныряет под белую изгородь, а мне приходится съежиться и лечь на брюхо, и то с трудом прополз. За забором перекопанная земля. Там нет травы и пахнет…

Минуточку! Это что значит? Кошка начинает рыть землю, как будто хочет что-то откопать, но не может. Ясное дело, не может! У нее такие худые маленькие лапки. А уж я-то за несколько дней поисков еды в мусоре научился копать, так что могу помочь. И я начинаю рыть землю своими большими лапами с крепкими когтями.

Земля пахнет так же, как пахнет кошка, только запах слабее. Ну да, земля пахнет молоком!

Я рою еще старательнее и в конце концов выкапываю широкую яму. Из-под земли доносится хор слабеньких голосов. Кошка громко и взволнованно мяукает, и ей отвечает тоненький писк. Поняв, что там, в земле, кто-то живой, я ковыряю землю носом и наконец чувствую что-то мягкое. Приоткрываю пасть, туда попадает земля, тьфу, но зато мне удается легонько прихватить что-то зубами. Вынимаю эту мелочь из ямы и кладу на землю.

Кошка бросается к котенку, мяукает, облизывает его, а я вылавливаю из ямы других. Достаю пять маленьких комочков, три пищат и сучат лапками, а два других — холодные и твердые. Все. Мы сделали что могли. Три комочка дрожат и лихорадочно ищут соски матери. Она их осторожно направляет, подталкивая лапами.

Как раз в это время начинает моросить. Это больше похоже не на дождь, а на росу. Но надо же что-то предпринять! Для себя и для этой маленькой семьи. Куда нам податься? Я поворачиваю голову туда, откуда мы пришли. Потом смотрю на дом слева. От него сладко пахнет покоем. Может, пойти туда?

Я осторожно беру зубами одного из живых котят. Сначала мать смотрит на меня укоризненно, но быстро все понимает и мяуканьем дает понять, что согласна.

40

— Ингрид, я хочу тебя кое-куда свозить.

— Мне не хочется. Мириам, ты же знаешь… — Ингрид в отчаянии сильно сжимает телефонную трубку.

Ей хочется забиться в свою нору и зализывать раны, но подруга не принимает отказа. Она настаивает:

— Поверь, это будет особенная суббота. И погода отличная! Не забудь про трекинговые ботинки. Пора тебе возвращаться в горы.

— Ладно, — сдается Ингрид. — Когда выступаем, мой капитан?

В ее голосе явственно слышится ирония, но Мириам предпочитает ее не замечать.

— Заеду за тобой в половине одиннадцатого.

За сорок пять лет дружбы с Мириам Ингрид прочно усвоила, что, если та вбила что-то себе в голову, отговорить ее нет никакой возможности. Ингрид закатывает глаза и ворчит:

— Ладно, ладно… Буду готова.

Она смотрит на часы. Девять сорок три. У нее осталось чуть больше получаса. Она делает глу-

бокий вдох и поднимает руки, потом с силой выдыхает. Потом открывает окно перед письменным столом. Стоя напротив окна и вдыхая свежий воздух, массирует бедра и крестец кулаками и пальцами. Пытается делать круговые движения, будто крутит обруч. Нет, ей трудно гнуться, ее движения скованны. Как не хватает ежедневных долгих прогулок с Роши! Ингрид накрывает постель светло-голубым покрывалом, а сверху бросает две ярко-зеленые подушки. Потом достает из платяного шкафа спортивный лифчик, белую футболку и худи. Натягивает на ноги трекинговые ботинки. Их когда-то фиолетовый цвет несколько потускнел, но в целом они еще в приличном состоянии. Завязывая шнурки, она слышит клаксон. Высовывается в окно и делает Мириам знак, что сейчас выйдет.

— Вот мы и приехали… — говорит Мириам, припарковавшись у белого одноэтажного здания.

Подъезжают другие машины. Тут, кажется, какое-то собрание. Глаза Ингрид загораются, когда она слышит… отдаленный лай! Но она тут же закрывает ладонями лицо и тяжело вздыхает.

— Ингрид, этот приют принадлежит Обществу защиты животных. По субботам у них день открытых дверей для всех, кто захочет погулять с собаками. А еще можно взять отсюда собаку… — Она смотрит на подругу и, не дождавшись реакции, продолжает: — Но мы просто прогуляемся втроем, если ты, конечно…

Она замолкает, видя, что подруга плачет. Ингрид улыбается сквозь слезы, отстегивает ремень безопасности и обнимает Мириам:

— Если бы ты сказала, куда меня везешь, я бы не поехала, ты ведь это знаешь, правда?

— Конечно. Уж я-то тебя знаю. Трудно уговорить тебя принять помощь. Ну, пойдем, мы как раз вовремя.

Они выходят из машины и идут к зданию. Перед входом группа людей внимательно слушает объяснения пожилого мужчины с азиатской внешностью.

— Важное правило: нельзя идти с собакой куда заблагорассудится. Мы гуляем все вместе, группой. И вам придется дождаться, когда собака подойдет к вам. Мы предоставляем животным выбирать, с кем они хотят проводить время.

Пройдя инструктаж, волонтеры отправляются к вольерам, их встречает целый концерт лая. Тут

самые разные собаки, и маленькие, и побольше: два чихуахуа — наверно, братья, — старый фокстерьер, дворняги, маленькие и побольше, два датских дога, одна собака, похожая на растрепанную черную швабру. Волонтер объясняет, что это пули, венгерская овчарка. Из своего загончика выглядывает немецкий гладкошерстный пойнтер. Рядом нетерпеливо лает лабрадор шоколадного цвета.

При виде этих собак у Ингрид сжимается сердце. Она не может не думать о Роши, о том, что если он выжил, то, возможно, попал в такой же приют. Заметив, какое у Ингрид лицо, Мириам берет ее за руку.

Собаки выбегают навстречу людям. Ингрид не может удержаться от улыбки. Как они радуются, как взволнованно ходят кругами, тянутся любопытными носами к людям. Проведя ладонью по серебристым волосам, инструктор напоминает, что надо подождать, пока собака сама подойдет к вам. Если после прогулки кто-то захочет взять собаку домой, надо поговорить с инструктором, то есть с ним.

Чихуахуа выбирают Мириам. Они прыгают вокруг нее, как маленькие резиновые мячики. Она смеется и наклоняется их погладить. Ингрид

замечает темно-палевую гладкошерстную собаку. Она единственная, кто не хочет гулять. Она лежит на своей подстилке, уткнувшись мордой в передние лапы. Инструктор говорит, что эта порода называется «выжла», что собака по кличке Роу всего несколько дней в приюте. Ее хозяин умер, а родственников у него нет. Все это время Роу очень подавлена. Ингрид осторожно садится на корточки рядом с собакой и с нежностью смотрит на нее, словно говоря: «Я понимаю, что ты чувствуешь, поверь!»

41

С маленьким дрожащим комочком в зубах иду за кошкой. Она ведет меня к дому; между ним и соседскими домами бассейн, воды там нет. Кошка садится у дверей, показывая, что мы пришли. Мой нос чует приятный легкий запах, доносящийся изнутри. Пахнет теплом и уютом. Похоже, это безопасное место.

Я осторожно подхожу к двери. Изнутри слышится громкий смех, веселый разговор. Я кладу маленький шерстяной комочек на коврик. Слепой котенок сучит лапками и мяукает. Подходит мама-кошка и начинает облизывать его. Время от времени она оглядывается назад, тревожится за остальных детей.

Мне кажется, что лаять не стоит, я скулю и царапаю дверь. Некоторое время не происходит ничего. Я снова пробую достучаться или, лучше сказать, доскрестись до хозяев.

Наконец-то получилось: разговор и смех стихают, слышатся торопливые шаги. Я продолжаю скулить и отступаю на пару шагов. Дверь открывает… человек с винтовкой! Инстинкт подсказы-

вает мне: беги, но вместо этого я скулю, опустив голову. Не зря же этот дом так дружелюбно и уютно пахнет.

Мужчина с винтовкой в руке растерянно смотрит на меня. В это время появляется маленький человечек. Он примерно втрое меньше мужчины и разговаривает тоненьким голоском. Мужчина опускает оружие. А я продолжаю скулить и топтаться около комочка на коврике, пока хозяин дома наконец не опускает глаза и не замечает крошечное тельце.

Мужчина что-то говорит маленькой девочке, и та убегает в дом. Он за кем-то ее послал. Скоро появляется женщина; увидев меня и то, что я принес, она удивленно вскрикивает. Она уходит в дом, возвращается с какой-то тряпкой, становится на колени, берет котенка и заворачивает его в тряпку, чтобы согреть.

Уже успех! Посмотрим, смогут ли они понять меня. Я медленно встаю и иду прочь, гавкая и то и дело оглядываясь на женщину и девочку, которая держится за материнскую юбку. Я проделываю это несколько раз. Не знаю, поймут ли они.

Они уходят в дом — я уж решаю, они так и не поняли, что происходит. Однако вскоре все трое снова выходят. У мужчины с собой винтовка.

Кажется, они готовы идти за мной. Хорошо.

Я поворачиваюсь и быстро иду к тому месту, где откопал котят. Моя кошка опередила меня. Она уже там и вылизывает своих малышей, тех двоих, которые еще теплые и шевелятся. А два безжизненных крошечных тельца лежат поодаль.

Люди останавливаются и удивленно перешептываются. Моя кошечка тихонько мяукает, словно умоляет их что-нибудь сделать. Она подходит к людям и трется об их ноги, ластится к ним.

Женщина снимает с себя свитер и закутывает в него двух живых котят, а мужчина ногой забрасывает землей мертвых. Они возвращаются домой, а я следую за ними на некотором расстоянии. Сажусь у двери. Войти меня никто не приглашает. После всех приключений я устал, к тому же очень голоден. Я сворачиваюсь калачиком на коврике, который все еще пахнет котенком, и засыпаю.

42

Хозяйка дома тщательно моет котят теплой водой, и девочка, конечно же, ей помогает. Она подливает воды, приносит полотенце и вообще всерьез поглощена происходящим. Мама-кошка ждет на пороге ванной и очень волнуется. Котята такие малюсенькие, что Кэтрин закутывает всех трех в одно полотенце, и девочка сразу начинает старательно их вытирать.

Маленькая Ольга глаз не может оторвать от котят. Они тоненько пищат, и полосатая кошка тянет шею, стараясь ничего не упустить.

Хозяин дома тоже заходит в ванную.

— Папа, все-таки я не понимаю, как котята оказались в яме? Ведь они же еще слепые, как они туда забрались? — спрашивает девочка.

Все эти события испортили им мирный и благостный вечер. Отец, скрестив руки на груди, морщит лоб, глядя на дочку поверх очков. Потом взгляд его скользит по кошке, по котятам, закутанным в полотенце… Он думает, что ответить. Не может же он сказать пятилетнему ребенку, обожающему животных, что кому-то эти котята

были не нужны и этот кто-то решил от них избавиться. Он ограничивается фразой:

— Не знаю, как они туда попали, но ясно одно: этот пес просто герой, он ведь их спас, хотя это кошки, а не собаки. Нам, людям, не мешало бы поучиться у этого пса. Кстати, а где он?

Родители девочки смотрят на дверь, а Ольга уже присела рядом с кошкой, которая наконец-то кормит своих малышей.

— Можно оставить их у нас, папа? — спрашивает Ольга.

Мужчина моет руки. Он понимает, что дочку сейчас куда больше интересуют котята, чем любые объяснения.

— Об этом нужно поговорить с мамой, — коротко отвечает он.

Кошачья семья мирно спит на старом полотенце, постеленном в картонной коробке. Ольга подходит к матери и берет ее за руки. Та откладывает в сторону книгу, уже зная, о чем дочка будет с ней говорить. Джейсон, отец семейства, смотрит баскетбол по телевизору.

— Можно оставить их у нас, мама? — умоляюще

спрашивает девочка.

— Милая, мы не можем держать дома трех кошек. Это сейчас они маленькие, но очень скоро вырастут. Нам надо хорошенько подумать, куда их пристроить.

— Я хочу их оставить, — упрямо повторяет девочка, — хотя бы одного… Или лучше двух, так им не будет скучно.

Кэтрин качает головой и снова берется за книгу. Тут как раз в баскетбольном матче объявляют перерыв, Джейсон встает с кресла и говорит:

— Пойду вынесу мусор.

Он открывает дверь и удивленно смотрит на пса-героя, свернувшегося на коврике.

Роши открывает глаза и садится, выжидающе глядя на мужчину и высунув язык. У Джейсона никогда не было собак, и он почти ничего о них не знает. Он достает из кармана рубашки очки и внимательно рассматривает пса. Лапы и живот в засохшей грязи.

— Ты откуда взялся, приятель? — спрашивает Джейсон.

Оставив пакет с мусором на крыльце, он уходит обратно в дом и скоро возвращается с миской воды и остатками курицы. Пес набрасывается на еду и жадно съедает все, как будто завтра конец

света и надо успеть наесться в последний раз.

Пока Роши доедает, Кэтрин приносит старое, с пятнами одеяло.

— Можешь спать здесь, — говорит она и гладит Роши по голове.

У нее-то были собаки, когда она еще жила с родителями. Когда ей было столько же, сколько сейчас Ольге, собаки были ее лучшими друзьями. Она умеет с ними обращаться.

После ужина девочка отправляется спать. Сегодня привычный ритуал укладывания приходится изменить. Ольга не отстает от отца, требует объяснить ей, как все-таки котята оказались в яме. Джейсон придумывает историю, в которой полосатой кошке приходится прятать своих деток от злого волшебника. Злой волшебник хочет их убить, потому что они такие красивые и славненькие. И мама устраивает для них норку под землей, она думает, что заберет их оттуда, когда злой волшебник уйдет. А тут начинается настоящая буря, и бедных котят заносит землей. Кошка не может найти нору, где она спрятала своих детишек.

Обыскав все вокруг, кошка в отчаянии идет к своему другу, золотистому псу. А у него такое чутье — ну прямо как радар. И ему удается найти укрытие, и котята остаются живы и здоровы.

— Этот храбрый суперпес спас котят… Но знаешь, что главное?

Глаза Ольги блестят, она слушает, затаив дыхание. Она понятия не имеет, что же главное, она трясет головой и садится в постели, сгорая от любопытства.

— Главное, что мама-кошка не побоялась попросить о помощи! Если бы она этого не сделала, ей бы ни за что не спасти котят. Вот послушай… — Он достает с полки книгу Чарли Маккизи «Мальчик, крот, лис и лошадь», которую недавно купил для дочери. Джейсон выбирает отрывок, который хорошо помнит, и читает:

— Когда ты был сильнее всего? — спросил мальчик.

— Когда я осмелился показать свою слабость. Попросить о помощи не значит сдаться, — ответил конь, — это значит отказаться сдаваться.

— Но разве кошки разговаривают с собаками? — спрашивает Ольга, вспомнив всех участников драмы, свидетельницей которой стала сегодня. — Почему он захотел им помочь? Ведь

кошки и собаки враги.

В этот момент входит Кэтрин. Она слышит конец разговора.

— Не всегда, Ольга. Собаки и кошки все разные, как и люди. И твой папа совершенно прав: кошка поступила очень храбро, когда попросила помощи у собаки. Любовь может превратить любого в героя, как сказал один древнегреческий философ. Трудно просить о помощи и тем более трудно просить о ней чужих.

Ольга не отвечает. Она уже спит и улыбается во сне.

43

Да, крыльцо у Эрики было получше. А здесь козырек едва закрывает меня от дождя и ветра. Одеяло очень пригодилось. Эта ночь кажется мне ужасно длинной. Я просыпаюсь, когда солнце уже взошло. Женщина и девочка вышли на крыльцо, и я слышу, как они разговаривают надо мной. Поднимаю голову, чтобы поздороваться. Мама слегка похлопывает меня по спине, и они уходят. Обе очень красиво одеты. Эй, а как же мой завтрак?

Я потягиваюсь. Пожалуй, лучше пойти за ними. Они останавливаются неподалеку. Там стоят и другие люди, большие и маленькие. Я держусь на расстоянии, не желая привлекать к себе внимание.

Одна семья с собакой подходит, чтобы меня как следует разглядеть. Их собака похожа на меня, но она поменьше, потому что девочка. Она, конечно, выглядит опрятнее, чем я. Подходит ко мне с намерением поиграть, но тут же отступает. Должно быть, от меня ужасно пахнет. Я ложусь на траву, приглашая ее подойти поближе. Она издали ню-

хает меня и гавкает, мол, «привет!». И уходит.

Потом подъезжает желтый автобус, и маленькие люди садятся в него, автобус трогается, а взрослые машут вслед. Тогда Кэтрин обращает на меня внимание. До этого, занятая девочкой, она даже не заметила, что я их сопровождаю.

— Ты выглядишь ужасно! — говорит она. — Тебя тоже нужно помыть. И накормить. Пошли…

Мама-кошка сидит на крыльце, вокруг спящие котята, она встречает меня счастливым мяуканьем.

— Это не дом, это зоопарк какой-то, — бормочет женщина, входя. — Хорошо, что Джейсон поехал утром в магазин.

Она возвращается с двумя мисками. Одну ставит перед кошкой, и та набрасывается на паштет, который, надо признать, пахнет очень вкусно. А передо мной миска с собачьими крокетами. Я так голоден, что съел бы что угодно, но мой завтрак просто восхитителен! Я с жадностью пожираю чудесные хрустящие шарики.

После меня остается чистейшая, блестящая миска.

— Ну, герой, теперь пора помыться, — говорит Кэтрин. — Ты ведь будешь хорошо себя вести, правда?

Она говорит это голосом одновременно успокаивающим и требовательным. Не знаю, чего она хочет от меня, но после такого завтрака для чемпиона придется быть послушным.

Я иду за ней в дом, он оказывается просторным и светлым. Она приводит меня в комнатку, наполненную паром. Там стоит ванночка, похожая на ту, которую Ингрид иногда ставила для меня. После холодной ночи на улице теплая водичка очень приятна, я с удовольствием запрыгиваю в ванну, слегка обрызгав женщину.

Сначала она как будто сердится, но потом со смехом говорит:

— Хороший мальчик, хороший… Только очень нетерпеливый.

Она начинает втирать в мою шерсть гель для душа. Пахнет он приятно, но скоро я становлюсь похож на облако, из тех, что путешествуют по небу. Чувствую, как мои мышцы расслабляются под теплым душем, зато все запахи, накопленные мною за долгое путешествие, исчезают, а вода в ванне темнеет.

Душ — это здорово, это почти так же приятно,

как было дома. Мне нравится, когда струйки стекают с головы и туловища. Потом Кэтрин тщательно вытирает меня жестким полотенцем. Я слегка вздрагиваю, когда ткань касается шрама в паху, он все еще чувствителен.

— Ты умница, Мерлин. Тебе нравится это имя? Ольга говорит, что ты волшебник. Ты заблудился? Или ты странствующий рыцарь?

В ответ я только чихаю, мне вода попала в нос.

Кажется, после душа я приобрел некоторые привилегии. Кэтрин ведет меня не на крыльцо, продуваемое всеми ветрами, а в гараж, где рядом с автомобилем стоит коробка с кошачьим семейством. Хозяйка указывает на то же одеяло, которое дала мне вчера. Это теперь мое место, и здесь гораздо лучше, чем на улице, так что я спокойно укладываюсь спать.

Просыпаюсь я к вечеру, когда приходят мужчина и девочка. От девочки пахнет молоком, а запаха приятнее я не знаю. Девочка подходит и гладит меня — от головы к хвосту. Я ложусь на спину и позволяю ей почесать мне живот. Ее отец приносит миску с сухим кормом. И прежде чем заняться им, я ухитряюсь лизнуть девочку в лицо. Она хихикает и обнимает меня. Я счастлив.

Я остаюсь на несколько дней. Кошачьего семейства уже нет. Пришли две женщины, на вид добрые, и забрали их. Я привык к кошке и котятам, сначала даже искал их по углам гаража. Надеюсь, они обрели дом. Сегодня приходил человек, от которого пахло врачом. Я хорошо знаю этот запах. Он осмотрел меня с ног до головы, как это делала Дженни. Потом вручил хозяйке какой-то листок бумаги и ушел.

Хорошо, когда о тебе заботятся после стольких дней одиночества в дороге. И еще мне нравится, что не надо думать о том, чем наполнить живот, ведь меня дважды в день кормят. И все-таки скоро надо будет идти дальше. Больше всего я буду скучать по девочке. Хорошо бы родители после моего ухода нашли ей четвероногого друга.

«Спасибо вам за заботу», — думаю я, прощаясь с этим домом. После завтрака я выхожу из сарая, воспользовавшись тем, что дверь открыта.

Чему учит Роши (4)

Примечание к репортажу

Несколько дней Роши провел с семьей Миллс. Супружеская пара вспоминает, как однажды вечером у них на пороге появилась собака с новорожденным котенком. По словам Кэтрин, они сразу поняли, что имеют дело с существом особенным, волшебным.

Маленькая Ольга, проплакав несколько дней после ухода Мерлина, как его назвали ее родители, все-таки добилась, чтобы ей разрешили взять домашнего питомца. Песик остался один после того, как его хозяйка переехала в дом престарелых, где нельзя держать животных. Джейсон Миллс так сформулировал то, чему их научил Роши:

1. **Помоги любому, кто придет к твоему дому.** Не важно, откуда он, каковы его взгляды, национальность и даже биологический вид. Взаимопомощь между живыми существами возвышает души и вознаграждается любовью.

2. **Иногда наивысшая доблесть — попросить о помощи.** Имей смелость попросить о помощи того, кто может тебе помочь, даже если это кто-то незнакомый.

44

Меня ведут небесные светлячки — они указывают мне, где то, что люди называют западом. Иногда приходится идти вдоль дорог, по которым ездят опасные машины, но при первой же возможности я углубляюсь в лес. Среди деревьев и обитателей леса мне как-то безопаснее.

Единственная проблема — это еда. Я поймал своего первого зайца. Мне не нравится слушать крики несчастного животного перед смертью, и сырое мясо мне тоже не нравится, но голод сильнее. Воду найти гораздо легче.

Некоторое время на пути попадаются маленькие поселки, но я в них не захожу. Мои кости уже чувствуют, что началась осень. Я беспокоюсь за Ингрид. Как она там без меня…

Однажды вечером я вижу вдали огонек. Приближаюсь медленно и осторожно. Это двое туристов с маленьким песиком. Он подбегает ко мне. После приветственных обнюхиваний я даю

ему понять, что совершаю долгое путешествие. Он крутится около меня, зовет меня к огню, уверяет, что никакой опасности нет.

Я принимаю приглашение, тем более что в животе у меня урчит от голода. У моего нового знакомого короткие лапы и белая короткая шерсть с коричневыми пятнами. Половина головы у него черная. В общем, метис и гордится этим. Подхожу к людям. Вид у них вполне дружелюбный. Спотти, так зовут пса, представляет меня отрывистым лаем.

Эти двое еще молоды, но у них обоих густые бороды. От костра упоительно пахнет поджаренными сосисками.

— Смотрите-ка, кто к нам пришел! — восклицает один из мужчин. — Он напоминает мне Эбби, — говорит он и протягивает мне руку, чтобы я ее понюхал. — Так странно, что ее больше нет с нами…

Спотти скулит — он, судя по всему, недавно лишился подруги и скучает по ней.

— Ну садись, путник, — приглашает один из молодых людей. — Пора ужинать.

45

Роу лежит все в той же позе. Разве что повела ухом, когда Ингрид присела рядом, больше ничего. Через некоторое время собака встает и утыкается носом в шею Ингрид. Та обнимает и гладит ее. Одно страдающее сердце всегда поймет другое.

Роу подходит к миске с кормом и немного съедает. Лицо инструктора расплывается в широкой улыбке, у раскосых глаз появляется множество морщинок.

— Потрясающе! — говорит он. — Мы который день пытаемся уговорить ее хоть что-нибудь съесть, но ничего не получается. Вы волшебница…

— Вовсе нет. Я просто сидела рядом с ней и ни к чему ее не принуждала, — отвечает Ингрид, хотя она и сама удивлена.

— Может быть, ваше пребывание рядом — это именно то, что ей было нужно. Вы только посмотрите на нее! — Роу обнюхивает уже пустую миску. — Собаки тоже страдают, когда теряют того, кого любили… И да, им становится легче в

обществе человека, который ничего от них не требует. Так же и люди… Ненавязчивое присутствие лечит. Не хотите погулять с Роу?

— Почему бы и нет? Было бы неплохо пройтись.

— Я пойду с вами. Ничего, на время можно и оставить остальных без присмотра. Кстати, меня зовут Кей.

Как будто поняв их разговор, Роу быстро подходит к ним. Она теперь выглядит гораздо бодрее. Кей надевает на нее ошейник, прицепляет поводок и отдает его Ингрид. Когда они втроем нагоняют группу, ушедшую раньше, другие собаки начинают интересоваться Роу. Некоторые хотят с ней поиграть, но это, пожалуй, для нее пока слишком, она жмется к ногам Ингрид. Кей просит группу идти дальше, а они втроем пойдут другой, более спокойной дорогой.

— Когда ты все еще поглощен своим горем, в толпе тяжело, — объясняет он.

Ингрид кивает:

— Вот поэтому моя подруга не предупредила меня, куда мы едем, прежде чем привезти сюда. Моя собака потерялась, мне очень тяжело, и я не хотела ни с кем знакомиться.

Кей внимательно слушает, глядя в ее красивые

темные глаза, и молчит. Ингрид благодарна ему за молчание и за неспешность прогулки тоже.

— Терпеть не могу, когда все призывают приободриться и перестать чувствовать то, что ты чувствуешь, — говорит она, с удовольствием двигаясь в спокойном ритме Роу. — Советы тех, кому не довелось пережить подобное, не помогают. Я предпочитаю быть одна.

— Прекрасно вас понимаю, — тихо отвечает Кей. — Я психотерапевт и, в частности, занимаюсь канистерапией с детьми, потерявшими одного из родителей, или брата, или сестру. Горе — это инициация, посвящение в самые глубокие тайны жизни. Иногда это посвящение случается слишком рано.

Они идут по тропинке, огибающей подножие холма. Вокруг деревья с пышными кронами, некоторые вечнозеленые, в листве других уже загораются красным и желтым осенние листья. Прекрасное солнечное утро в конце сентября. Временами даже кажется, что все хорошо. Пока она не вспоминает о Роши.

— Когда умер мой муж — это было три с лишним года назад, — я была совершенно опустошена. Детей у нас не было. Джерард для меня был и супругом, и другом, и собеседником. После его

смерти я и ходить-то не разучилась только потому, что иногда гуляла в горах, но большую часть времени я была настолько подавлена, что не могла заставить себя выйти из дома. Через несколько месяцев умерла наша кошка. И однажды моя подруга отправилась сюда, к вам. Это Мириам, та самая, которую выбрали чихуахуа-танцоры, помните? — (Кей улыбается и кивает.) — И в тот же день она появилась перед моей дверью с маленьким щенком золотистого ретривера. Сначала я разозлилась, но, подержав щенка на руках, смягчилась.

Инструктор снова улыбается. Он знает, как это обычно бывает.

— Это было самое милое существо, какое я когда-либо видела! — продолжает Ингрид. — Джерард не особенно любил собак… Но получилось, что Роши стал мне и компаньоном, и врачом, и другом. Он вернул меня к жизни. И вот теперь, — она смолкает и глубоко вздыхает, — он тоже ушел от меня. Он потерялся, когда мы гостили у моего брата в Уильямсберге этим летом.

Она не смотрит ни на Кея, ни на Роу, которая обследует ближайшие кусты.

— Мне очень жаль, Ингрид, — говорит Кей.

Он просто не знает, что еще сказать. В таких

случаях словами главного не выразишь. Можно предложить ей лишь то, что она сама предложила Роу, — молчаливое присутствие. По пути к вольерам Ингрид рассказывает Кею о звонке девушки-ветеринара. Этот звонок дал ей надежду. А вдруг Роши ищет ее…

— Хотя… Я не очень в это верю. Такое огромное расстояние!

Кей убеждает ее, что собаки — отличные следопыты и прекрасно передвигаются по пересеченной местности. Он обнимает Ингрид на прощание; теперь ему надо позаботиться об остальных членах группы. Он приглашает ее прийти в среду или в ближайшую субботу, если ей захочется погулять с Роу.

Мириам с двумя песиками подходит к Ингрид и Роу. Прогулка утомила чихуахуа. Их тоненькие лапки не приспособлены для таких долгих переходов.

— Эти малыши — настоящие герои! — с гордостью объявляет Мириам. — А ты как? Кажется, у тебя была хорошая компания! — Она подмигивает подруге. — О чем вы разговаривали с этим симпатичным господином?

Ингрид радостно и звонко смеется. С тех пор как пропал Роши, Мириам такого смеха от нее

не слышала.

— Давай снимем с малышей всю эту сбрую, Мириам. Поедем куда-нибудь поедим, и я тебе расскажу. Умираю с голоду!

Попрощавшись с Роу и чихуахуа, подруги садятся в машину и едут в ближайший мексиканский ресторанчик съесть тако. Ингрид улыбается. Может быть, жизнь все-таки ее пока не отпускает? У нее становится легче на душе.

46

Я лежу у костра рядом со Спотти. Двое молодых людей оживленно беседуют. От этих бородатых мужчин пахнет свежестью, они какие-то настоящие, с ними рядом спокойно. Я это понял с самого начала, как только подошел к ним. Поэтому после ужина я даже разрешил им почесать мне живот.

Загасив костер, они зовут нас в свой фургончик, и мы устраиваемся на полу рядом с их койками. Спотти приваливается ко мне. Он тоскует по своей подружке Эбби, которая прежде всегда путешествовала с ними.

На следующее утро, вкусно позавтракав — а после того, как ты голодал несколько дней, любой завтрак покажется тебе вкусным, — мы уезжаем. Эмилио и Роб собирают вещи. По свистку мы со Спотти запрыгиваем в фургон. Машина высокая, с высоты мир выглядит совсем иначе, и как далеко отсюда видно! Мы отлично тут помещаемся вчетвером, ведь Спотти занимает совсем мало

места. Эмилио садится за руль, Роб рядом с ним. Мы со Спотти устраиваемся справа у окна. Они называют меня Бенни, и я даже не пытаюсь дать им понять, что у меня другое имя. Тем более что вместе мы ненадолго.

Я беспокоюсь, потому что не знаю, куда мы едем. Так много времени и сил потрачено на то, чтобы найти дорогу, которая приведет меня к Ингрид, что я больше всего боюсь сбиться с пути.

Через пару часов мы останавливаемся в зоне для пикников и выходим из машины поразмяться и сделать свои дела. Очень кстати, потому что у меня есть время все понюхать и проверить мой внутренний компас. Для этого я должен всеми четырьмя лапами стоять на земле, и еще нужно, чтобы меня несколько секунд не беспокоили.

Я медленно кручусь на месте, ловя все оттенки запахов, которые приносит ветерок. Когда сосредоточиваюсь и думаю об Ингрид, моя морда сама тянется в нужную сторону и в животе теплеет.

Спотти играет с Робом и Эмилио. А мне наконец удается сориентироваться: ура, мы едем в нужном направлении. Я так рад, что спешу поделиться своей радостью с другими. Гоняюсь за ребятами и, догнав Роба, встаю на задние лапы, чтобы лизнуть его в лицо, потом проделываю то

же самое с Эмилио. Разумеется, грязными передними лапами я пачкаю их белые футболки.

Они весело смеются.

До дома, где живут Роб, Эмилио и Спотти, ехать долго. Мы едем весь день, с несколькими короткими остановками и одной долгой в полдень. Иногда, когда открывают окно, я высовываю голову и язык. Как весело на ветру! Как здорово, что мы едем так быстро!

Мой маленький приятель кладет голову на мой бок, так мы и засыпаем. Смежив веки, я вижу силуэт Роба. Он указывает другу на нас и что-то говорит ему, тихо, но весело. У меня в животе что-то напрягается, когда его рука тянется к нам и гладит по голове сначала Спотти, потом меня.

В следующие несколько дней Спотти показывает мне свои владения: большой сад и дом. Все здесь дышит покоем и любовью. Я даже улавливаю запах Эбби, нахожу следы ее старых лап. Ее

игрушки сложены в углу гостиной, словно дожидаются хозяйки. Да, любовь — вещь опасная, ведь это зависимость.

Все тут очень рады моему появлению. Я — дорогой гость, которого позвали, чтобы он утешил Спотти. Уход за нами безукоризненный. Дважды в день нас кормят мясными консервами, а сухой корм всегда в свободном доступе. У меня есть своя собственная постель в гостиной — судя по запаху, тут спала Эбби, — и я в любой момент могу выйти в сад поиграть.

Я просто в раю. Хотя мы вчетвером гуляем каждое утро и каждый вечер, у меня снова намечается живот, который я порастряс за время долгого путешествия. Вечером мы все отдыхаем на широком диване, люди смотрят на этот шумный экран, который они называют «телевизор».

Прошло несколько недель с тех пор, как я здесь. И когда Роб и Эмилио приносят мне первую игрушку, то есть первую игрушку, предназначенную лично мне, я с грустью понимаю, что пора уходить. Я должен найти Ингрид. Она — моя настоящая семья, пусть даже здесь меня готовы

полюбить.

Когда Роб протягивает мне плюшевую игрушку, мне становится так стыдно, что я скулю и закрываю нос лапами, я хотел бы спрятаться. Они растерянно улыбаются — они не совсем понимают, в чем дело.

Плюшевая игрушка — это не единственный сюрприз… Эмилио умеет шить, он вышивает на наволочке моей любимой подушки слово БЕННИ. Это будет самое печальное мое расставание. Я вижу, что они меня полюбили, я знаю, как они скучают по Эбби. Когда я уйду, для них это станет еще одним ударом.

Но я должен быть тверд. Если не уйду сейчас, то не успею добраться домой до первого снега.

47

— Герцог! Тихо! Сидеть! — кричит крупный мужчина немецкой овчарке с красивой блестящей шерстью и горящими черными глазами.

Благородное животное слушается, хотя все тело его напряжено. Ему очень хочется попасть на склад продовольствия. Оттуда умопомрачительно пахнет. Так почти каждый день, и пес уже привык сдерживаться, но сегодня… О небо, сегодня запах слишком прекрасен!

Выходит изящная женщина с длинными темными волосами. Чтобы поцеловать мужа в щеку, ей приходится привстать на цыпочки. Она застегивает молнию на ветровке и треплет Герцога по голове:

— Молодец… Твоя задача — не пускать сюда никого, кто захочет войти. Не отходи от двери, — приказывает она ему. — Мы скоро вернемся.

Герцог поскуливает, но потом смиряется. Да, он готов сторожить склад, благоухающий, словно кухня в раю. Изабелла и Ноа уезжают в маленьком пикапе. Им надо развезти несколько заказов, прежде чем начать собирать большой заказ на

завтрашнее утро.

Четыре года назад они начали свой кейтеринговый бизнес, и дела идут неплохо, хотя могло быть и лучше. Неделю назад они получили предоплату за доставку трехсот пятидесяти отбивных для местного съезда юристов. И вот завтра, после долгих часов тщательной подготовки, они доставят заказчику свой сочный товар.

Из-за двери склада до Герцога доносится аппетитный запах мяса элитных свиней, которых откармливали исключительно желудями. Благодаря первоклассной свинине и секретному рецепту соуса бешамель от Изабеллы отбивные удались на славу.

Закаленный пес смотрит на ручку двери и прикидывает, откроется ли дверь, если сильно нажать на ручку передними лапами.

48

В животе у меня прекрасный завтрак, — правда, сегодня он показался мне горек. Я отправляюсь в путь. Не сразу возвращается желание идти быстро и энергично. Запахи травы и влажной земли пьянят меня. Мне нравится, что можно долго идти в одном направлении. Мои мышцы за это время окрепли и, надеюсь, не подведут. Отдых в обществе Спотти и его хозяев помог мне восстановиться.

Теперь я научился рассчитывать силы, знаю, когда надо сделать небольшую передышку, а когда пролежать остаток дня, чтобы назавтра с новыми силами двинуться дальше.

Всякий раз, как я прохожу мимо человеческого жилья, будь то ранчо в чистом поле или поселок, прежде всего ищу мусорные баки. Конечно, редко найдешь там что-то вкусное, но иногда попадаются сюрпризы.

Я все больше понимаю бездомных собак, которые так громко лаяли, когда мы с Ингрид гуляли. Мне их жаль. У них такая тяжелая жизнь…

На одном из перекрестков я вдруг чувствую

удивительно вкусный запах, у меня даже в носу щекочет. Он быстро рассеивается, но, так как я уже опять голоден, пожалуй, стоит найти его источник.

Прохожу мимо больших зданий. То и дело к ним подъезжают машины, в том числе грузовые. Однако меня интересует вот этот фургончик. По запаху понимаю, что с другой стороны приоткрытой двери агрессивная собака. Возможно, немецкая овчарка. Я знаю, что эти собаки очень опасны, но не могу удержаться и подхожу ближе.

Да, именно из этого фургона так чудесно пахнет, но войти я не рискую. И отвернуться от такой еды я тоже не в силах, поэтому, поджав хвост, отхожу на несколько шагов и, затаившись между двумя грузовиками, жду… Вдруг собака-сторож покинет свой пост, дверь останется открытой, и тогда я смогу прошмыгнуть внутрь и наесться до отвала.

Я долго сижу в засаде. Только охочусь я не на дикого зверя, а на уже приготовленную еду. Через некоторое время я чувствую, что запах сторожа

по ту сторону двери изменился. Это больше не запах свирепого зверя, это тяжелый и приторный запах спящего животного.

Вот и подвернулся случай. Ну что ж, только храбрым улыбается удача. Перехожу улицу, готовлюсь проникнуть в этот рай на колесах. Толкаю носом приоткрытую дверь и очень осторожно вхожу. Все больше чувствую запах сторожа, но не вижу его. Через узенький коридорчик попадаю в помещение, где запах становится просто невыносимо прекрасным. У меня текут слюнки.

Внутри фургона несколько высоких столов. Некоторые из них опрокинуты. И рядом с ними на полу лежат продолговатые такие лепешки и… пахнут! Ура, я нашел еду!

Совершенно забыв о стороже, я хватаю одну из мясных лепешек и заглатываю. Она просто тает во рту! Хрустящая снаружи и нежная внутри, вкуснейшее мясо. Съедаю еще несколько штук и вдруг слышу неподалеку странные звуки. Что-то среднее между сильной отрыжкой и урчанием… И пахнет как-то нехорошо.

Отвлекаюсь от трапезы, чтобы взглянуть, в чем дело. Около опрокинутого стола лежит немецкая овчарка. Я чувствую, что она не опасна для меня, потому что лежит неподвижно, вытянувшись.

Ее раздутое брюхо то и дело сокращается. Вокруг собаки валяется множество мясных лепешек, таких же, какие я только что ел, некоторые из них надкушенные.

Осторожно подхожу и, поскольку пес неподвижен, обнюхиваю его. Его язык вывалился наружу, из пасти идет пена, глаза стеклянные. Он издает слабый стон. Срочно нужна помощь. Если сейчас что-нибудь не предпринять, он умрет. Заглатываю еще пару лепешек, чтобы подкрепить силы, вылетаю на улицу и начинаю громко лаять.

Я поднимаю такой шум, что двое мужчин из ближайшего дома приходят выяснить, в чем дело. Гавкнув последний раз, встаю на задние лапы и всем своим весом наваливаюсь на дверь: это там, там!

49

Некоторое время они едут молча, что им совсем несвойственно. И Спотти тоже ни с кем не общается, он грустно лежит на заднем сиденье. Каким просторным оно ему теперь кажется.

Они уже почти приехали в город, где состоится съезд юристов округа. Эмилио вздыхает и говорит:

— Мне кажется, Бенни ушел от нас, чтобы найти свою семью. Нам не следует об этом печалиться. Нам было хорошо вместе.

Он похлопывает Спотти по спине, тот жалобно поскуливает. Эмилио продолжает разговор с Робом. Тот его внимательно слушает и одновременно следит за дорогой, чтобы не пропустить поворот в центр города, где состоится съезд юристов.

— Когда Спотти привел Бенни, тот был чистый, но очень голодный. Все время, что он провел с нами, я думал, как нам повезло встретить такую воспитанную собаку… У меня просто в голове это не укладывалось.

— Я тоже так считаю… Он совсем не похож на

бродячего. Вероятно, он потерялся и теперь ищет дорогу домой.

— Скорее всего, — грустно улыбается Эмилио. — А иначе… разве он бросил бы нас и Спотти?

Роб качает головой:

— Ты знаешь, я вот сейчас вспомнил, что Бенни очень нервничал, когда мы на машине возвращались домой. Мне кажется, он боялся, что потеряет ориентиры, собьется с пути.

— Возможно, — кивает Эмилио. — Надеюсь, он найдет дорогу… Помню, я читал книгу Руперта Шелдрейка, доктора биохимии, где он объясняет, как собаки, кошки и другие животные определяют, что хозяин подходит к дому. И еще там было несколько историй о том, как лошади и собаки вернулись к хозяевам, хотя их увезли далеко от дома[7].

— А, да, помню, ты рассказывал, еще когда у нас была только Эбби… Как думаешь, может, поищем

---

[7] Примечания: 7

Биохимик *Альфред Руперт Шелдрейк* (р. 1942) — английский исследователь паранормальных явлений; здесь имеется в виду его книга «Собаки, которые знают, когда хозяева возвращаются домой» («Dogs That Know When Their Owners Are Coming Home», 1999), где он рассуждает о телепатической связи между собаками и их хозяевами, которую объясняет в рамках своей теории морфогенетического поля, которое диктует развитие структур в материальном мире и сохраняется в коллективной памяти природных систем. Эта теория *не очень* популярна в научных кругах.

новую компанию для Спотти? А назовем так, чтобы имя оканчивалось на «ни».

— Уж это конечно! — смеется Эмилио и гладит Спотти по голове. — А ты как на это смотришь?

Спотти не отвечает. Еще несколько дней он будет грустить.

— Кстати, мы приехали, — объявляет Роб.

В особняке, арендованном для окружного съезда юристов, царит необычное оживление. Устроительница встречи, уважаемая ученая дама, что-то нервно кричит в телефон. Вокруг нее люди сбиваются в группки. Некоторые смеются.

— Что тут за чертовщина? — спрашивает Роб. — Как же мне надоели эти официальные мероприятия!

— Знаешь, а я… — собирается ответить Эмилио, но тут они перехватывают коллегу, лысеющего молодого человека с бакенбардами и бородкой, и узнают наконец, в чем дело. Сарафанное радио в узком кругу юристов работает прекрасно.

— С Фергюссон истерика, — говорит молодой человек. — Слышите, как орет?

— Да уж… — скучающим голосом замечает

Роб. — А что случилось-то?

— Похоже, нам придется довольствоваться пиццей. Триста отбивных, заказанные для нас, слопала собака.

— Триста? — Эмилио вздрагивает от нехорошего предчувствия. А вдруг это был наш мальчик! — И что с собакой?

— Собака чудом не сдохла, — сообщает Сарафанное Радио. — Ее нашел бездомный пес и поднял ужасный лай. Сбежались люди, пострадавшего отвезли в ветеринарную клинику. Там у пациента вызвали рвоту, и теперь все обойдется.

Роб и Эмилио с облегчением переглядываются. Потом оба смотрят на Спотти. Ему разрешено присутствовать на мероприятии, и, похоже, он внимательно слушал их разговор. Роб, Эмилио и Спотти молчат и думают: «Тот, который поднял тревогу, — точно наш мальчик!»

Чему учит Роши (5)

Примечание к репортажу

Следующая страница путешествия Роши — Пре-

стонберг, штат Кентукки. Он провел несколько недель в доме двух юристов и Спотти, очень дружелюбного песика смешанных кровей.

Роб и Эмилио, тридцати двух и тридцати четырех лет соответственно, не предоставили о себе никакой другой информации, чтобы оградить свою частную жизнь, но сказали, что перед тем, как исчезнуть однажды утром в конце сентября, Бенни (так они назвали Роши) успел их кое-чему научить:

1. **Все в жизни временно** (как, собственно, и сама жизнь). Грусть не может длиться вечно, и радость тоже. Все мы — перелетные птицы.

Это приводит нас к следующему выводу:

2. **Наслаждайся счастьем сейчас** (никакого «потом» может не быть). В книге Роберта Бролта[8], которая стоит на полке в доме Роба и Эмилио, об этом сказано так: «Если ты не можешь отложить на потом свое горе, с какой стати откладывать свое счастье?»

---

[8] Примечания: 8

Роберт Бролт (р. 1938) — американский автор афоризмов, которые уже полвека обильно публикуются в газетах и журналах, цитируются в интернете и издаются книгами.

50

В среду утром Ингрид, к собственному удивлению, отправляется в приют. Кея сегодня нет, но Ингрид знакомится с Долорес. Это женщина средних лет с густыми кудрявыми волосами, крупная и очень энергичная. Она с несколькими помощниками хозяйничает в приюте. Да, они всегда рады волонтерам. Приют работает на полную мощность, и желание людей погулять с собаками очень приветствуется.

Долорес говорит, что Ингрид может погулять с любой собакой и даже с несколькими сразу, если захочет, но Ингрид берет только поводок Роу.

Собаки встречают ее веселым лаем. Некоторые виляют хвостом, другие радостно подпрыгивают в своих вольерах. Но Ингрид смотрит только вниз, на свои видавшие виды выцветшие треккинговые ботинки. На одном даже остались следы от зубов Роши — он покусывал ее ботинки, чтобы поторопить. Маленькие радости их с Роши тихой жизни.

Когда Ингрид заходит в вольер Роу, та, как в прошлую субботу, лежит в углу. Но поднимает го-

лову и поворачивает ее к Ингрид. Узнала. Ингрид ласково называет ее по имени. Некоторое время ничего не происходит, но потом собака слегка шевелит хвостом и садится.

Хорошо зная повадки робких собак, гостья сначала дает Роу понюхать поводок, потом руку. И вот Роу уже тянется к поводку. Прогулка неторопливая и приятная. Роу идет медленно и тщательно обнюхивает каждый куст.

Ингрид ее не торопит. Им некуда спешить, у них полно времени. Мысли Ингрид иногда возвращаются к Роши. Она осознает, что эта собака совсем другая. Ну и что? Ингрид решает на время перестать думать о Роши, чтобы полностью сосредоточиться на Роу. Для этого она сюда и приехала.

«Меняться придется исходя из того состояния, в котором вы сейчас находитесь, — говорила ей тренер по йоге. — Начинайте с основ. Выпрямитесь, подтяните пресс. Вот так. Отлично». Так вот, для начала ей нужно составить себе план.

Пусть это будет очень скромный план. По шажку в день. Вот и Роу идет медленно, неуверенно, но получает удовольствие от прогулки. И медлительность собаки дает Ингрид возможность мысленно составить список того, что она хотела

бы сделать. Уже большое достижение по сравнению с черной дырой, в которой она пребывала последние месяцы! Итак, нужно:

• Позвонить девочкам и возобновить бридж по субботам. Она соскучилась, ей хочется снова посмеяться с ними!

• Возобновить занятия йогой с Рози. Возможно, записаться на ретрит.

• Гулять с Роу по средам и субботам. Она не собирается брать ее к себе, но ей нравится общество Роу, и, кажется, собаке тоже нравится Ингрид.

• Пойти в кино с Мириам. Давно они нигде не были… А телевизор надоел.

• Быть полезной тому, кому она может помочь. Роу — это хорошее начало.

На следующий день Ингрид составляет расписание партий в бридж на остаток месяца. Ее партнеры в клубе просто в восторге. Они ведь почти не видели ее с тех пор, как заболел Джерард. А это большая потеря для клуба, ведь Ингрид была чемпионкой округа.

Еще она заходит в студию йоги к Рози и записывается на курс под названием «посттравма-

тическая практика». Мириам в восторге, что ее подруга не только гуляет два раза в неделю с Роу, но и еще кое-что предпринимает. Она немедленно загорается идеей устроить девичник.

— А что, если нам пойти потанцевать? Мы никогда никуда не ходили вместе, ведь когда мы познакомились, ты была уже с Джерардом… У нас никогда не было настоящего девичника. Теперь самое время! — восклицает Мириам.

Ингрид не может удержаться от смеха:

— Я подумаю… но для начала сходим в кино, ладно?

Теперь, когда Ингрид по утрам смотрится в зеркало, она видит, что взгляд у нее стал другой. Веки будто приподнялись, и губы больше не вытянуты в нитку. Ей вдруг становится небезразлично, как она выглядит. Она чувствует, что переменилась, но не может сказать, как именно. Это ощущение она берет с собой на занятия йогой, и оно становится хорошей темой для медитации. Пока ответа нет. К концу недели у нее больше вопросов, чем ответов, но, может быть, это даже неплохо.

51

Я рад, что Герцога спасли. Я оставался у склада, пока не убедился, что его увезли в ветеринарную клинику. Честно говоря, не только поэтому. Там, внутри, в фургоне, было по-прежнему полно сокровищ… Хозяева Герцога считают меня спасителем их прожорливого пса. В награду они дали мне сухого корма и воды, пока их сторожу оказывали помощь.

Герцог возвращается на вверенный ему склад, пристыженно опустив голову. Его хозяева быстро сажают нас обоих в фургон, и мы трогаемся. Оказавшись у них дома, я сразу чую, что эти люди по-настоящему любят Герцога, несмотря на его выходки. И ко мне хорошо относятся, ведь я же спас их мальчика.

Это деревенский дом, пахнущий деревом. Разве путник может желать лучшего ночлега!

За следующие несколько дней я знакомлюсь с новыми друзьями. Ноа — здоровенный дети-

на, но сердце у него доброе. Он не умеет долго сердиться, так что уже простил свою собаку за испорченный банкет. У его подруги Изы очень большой круглый живот. Мне нравится иногда класть на него морду.

Что до Герцога, то он просто становится моей тенью. Следует за мной неотступно. Должно быть, очень мне благодарен. На меня в этой семье смотрят как на героя, за мной ухаживают. И я позволяю себя любить, но не слишком сильно. Ведь завтра я ухожу. Я восстановил силы, а теперь мои лапы снова просятся в дорогу.

Чему учит Роши (6)

Примечание к репортажу

Слишком занятые своей работой, Иза и Ноа не смогли поделиться с нами своими соображениями о мудрости Роши. Зато эта семейная пара из Кентукки, ожидавшая первенца, подробно рассказала нам о сумасбродном поступке своего пса по кличке Герцог. Тот едва не умер, сожрав триста отбивных.

Чудесное вмешательство Роши спасло Герцогу жизнь. В награду за это Роши получил несколько дней поистине королевской жизни.

Он позволял о себе заботиться, а потом вдруг исчез, словно призрак, но все-таки успел кое-чему научить хозяев:

1. **Не медли с помощью.** Если твой друг в беде, надо успеть оказать помощь как можно раньше. Как гласит старая буддистская поговорка: «Помощь, которая приходит поздно, — это не помощь».

2. **Имей щедрость принять.** Трудно отдать, но для некоторых труднее принять. Иногда самое большое одолжение, которое ты можешь сделать человеку, — это позволить ему одарить тебя или окружить заботой.

52

Главное — выбрать верное направление. После нескольких дней отдыха мой нос работает хорошо, и, когда приходится выбирать тропинку на развилке, меня не мучают сомнения.

Так хочется поскорее увидеть Ингрид, что я не иду, а бегу. Конечно, иногда я останавливаюсь попить или атакую очередной мусорный бак.

Погода меняется. Ночи становятся все холоднее, так что теперь я предпочитаю спать днем, когда тепло, а идти ночью. К тому же ночью удобнее охотиться на грызунов и лягушек.

Через несколько дней в поле мне попадается стадо коров. Я натыкаюсь на них глубоким вечером, приставленная к ним собака бежит ко мне с явным намерением разорвать меня на куски. К счастью, это сука, и, судя по запаху, я ей нравлюсь. Она вся черная, с белым пятном на морде, белым медальоном на груди и белыми носочками.

И мне она нравится. Меня привлекает ее запах,

особенно сзади, но мне так хочется есть, что я не могу думать ни о чем, кроме еды.

Что-то я не вижу поблизости людей. Наверно, этих огромных и медлительных животных охраняет только собака. Когда опускается ночь, я теряю из виду свою новую приятельницу и устраиваюсь на ночлег рядом с жующей жвачку коровой. У нее под боком тепло.

Собака возвращается с большой костью в зубах и кладет ее передо мной. Вот это щедрость! Когда я разделываюсь с костью, она показывает, как лизать коровье вымя и добыть молоко, а молоко я люблю. Потом она обнюхивает меня и, лизнув в нос, уходит спать куда-то в другое место. Ну и хорошо. А меня согревает тепло коровы.

Солнце еще не взошло, а я уже в пути. На этот раз я совершенно уверен: эта дорога ведет к Ингрид. На окраине небольшого городка я привычно опрокидываю мусорные баки, но ничего съестного не нахожу. Кстати, о помойках: надо быть внимательным и ни в коем случае не попадаться на глаза людям, которые тоже иногда кормятся из мусорки.

И все-таки мне не хочется уходить отсюда несолоно хлебавши. Судя по запаху, тут неподалеку имеется рынок. Иду туда и ухитряюсь незаметно стащить из открытой машины увесистый кусок мяса. По крайней мере, мне кажется, что никто не заметил. Бегу со всех ног по лабиринту переулков и наконец забиваюсь в темный двор, чтобы съесть добычу.

Я так взволнован, что не замечаю, как меня окружает кошачья банда. Тощие, грязные и как шипят! Круг сужается, вопли и фырканье становятся все громче. Я успеваю съесть только половину мяса. Кошек слишком много, а я один. Конечно, я бы мог задать хорошую трепку нескольким кошкам, но предпочитаю не рисковать. Мне нужно оставаться целым, чтобы продолжать путь. Чувствую, они вот-вот нападут. Я постепенно отступаю, поджав хвост, а потом опрометью бросаюсь прочь от кошачьей стаи.

53

Всякий раз, когда мне кажется, что я сбился с пути, я останавливаюсь и обнюхиваю все вокруг. Некоторые запахи помогают мне определиться, а некоторые, наоборот, мешают. В конце концов мне на помощь приходят звезды.

Пока на небе собираются светлячки, я вспоминаю Ингрид.

Когда я впервые увидел ее, от нее исходил приятный сливочный запах дома, смешанный с горьковатым запахом грусти. Как только я с ней познакомился, я сразу решил, что останусь с ней навсегда. Мне повезло. Не только я выбрал ее, но и она выбрала меня.

Со временем горький запах исчез.

Мне больно думать, что я ее потерял, и я тихонько подвываю на огни, мерцающие между кронами деревьев.

И снова я бегу, а мое брюхо все настойчивее требует еды. Похолодало, и даже мелкие грызуны попрятались в свои норки.

Когда светит луна, я могу бежать быстрее и дольше. Между тем время идет, и накопленные запасы сил истощаются.

По ночам уже бывают заморозки, а утром у меня болит все тело. Во сне я вижу миски, полные вкусной еды. Иногда мне на пути встречаются другие животные: олени, лесные коты, зайцы, лисы… Иногда охочусь на полевок, а если повезет, то и на зайцев. Но зайцы очень быстрые, их трудно поймать.

Если нахожу заброшенный дом или сарай, забираюсь туда поспать. Обычно там ничего интересного не бывает. Сокровищ, даже отдаленно напоминающих те, что охранял Герцог, мне больше не попадается. С собаками после той первой ночи, когда на меня напала стая, у меня больше проблем нет. Конечно, когда я прохожу мимо чьих-то домов, всегда найдется пес-недоброжелатель, которому очень хочется прогнать меня со своей территории. К счастью, такие собаки почти всегда привязаны или сидят на цепи. Я им сочувствую. И стараюсь держаться от них подальше.

Время от времени я встречаю собак, настроенных дружелюбно. Они помогают мне найти еду и хотят, чтобы я остался с ними, но у меня своя дорога. Они это понимают и не пытаются

меня удерживать. Мы, собаки, умеем радоваться жизни здесь и сейчас.

Когда одолевают усталость и уныние, меня утешают только звезды, которые показывал мне Тобиас, сидя со своей трубкой на стволе поваленного дерева. Моргая, слежу за тремя сверкающими точками и несколькими искорками вблизи них. А еще я скучаю по Тобиасу. Сколько людей может вместить сердце собаки?

Напившись воды из почти пересохшей речки, сажусь и прислушиваюсь к внутреннему компасу. Поворачиваю голову туда, где должен быть запад. Пройду-ка еще немного, пока меня ведут небесные огни.

Утром я чую, что близко поселок или город. Пахнет соломой и еще гнилью из мусорных баков.

Но нет, тут не только помойка.

Самый отвратительный запах исходит от человека, лежащего в канаве. Его одежда смердит, изо рта тоже воняет. Он весь — сплошной смрад.

Ночь морозная, но он пока еще не совсем замерз. Надо что-то делать!

Поднимается ветер и пробирает до костей. Мне

не придумать ничего лучше, чем лечь рядом с человеком и согревать его. Тогда он, может быть, не умрет. Морду я, конечно, отворачиваю — уж больно отвратительно он пахнет.

54

Подушка на кушетке для медитации слишком твердая и высокая. У Ингрид начинают болеть колени, — возможно, они сочувствуют бедной спине. Она не шевелится. Она твердо обещала себе быть примерной ученицей. Поэтому и записалась на ретрит… И вот уже конец недели, а она даже не начинала медитировать!

К счастью, Рози звонит в свой ангельский колокольчик — это означает, что первые пятнадцать минут медитации закончились. Ингрид наконец может вытянуть ноги и повернуться.

Рози, откашлявшись, одаряет собравшихся лучезарной улыбкой в сто ватт и говорит:

— Добро пожаловать! Очень рада вас видеть!

Пару недель назад идея с ретритом казалась Ингрид просто гениальной, но сейчас… Какого черта она здесь торчит? Разве не лучше быть дома на случай, если Роши вдруг вернется?

Со временем она понимает, что она не единственная, кто пережил потерю. У многих присутствующих есть душевные раны, которые они пытаются залечить. Некоторые во время пауз

даже делятся своими проблемами.

Ингрид больше всего нравятся перерывы на обед. После долгих и мучительных сеансов медитации в полной тишине иметь возможность поболтать за столом обо всем и ни о чем — просто счастье. А если не хочется говорить, можно и помолчать. Ей не очень нравятся разговоры о погоде, а слов, чтобы выразить то, что она чувствует, она так и не нашла.

Хорошо то, что здесь никто никому не кажется странным. Или, может быть, здесь все странные. Люди просто живут рядом, не давая друг другу оценок.

Ночи кажутся длинными, потому что кровати здесь очень неудобные. Хотя вряд ли дело именно в кровати. Надо признать, у Ингрид всегда были проблемы со сном. А утром — опять йога.

Ей кажется, что больше она не может терпеть эту неподвижность и боль в коленях, но тут Джинджер, у которой тоже проблемы со спиной и суставами, вдруг передает ей сложенный листок. Не понимая, что это такое и зачем ей это дали, Ингрид выжидает, когда инструктор отвернется, и осторожно разворачивает записку. Удивленно раскрыв глаза, она читает:

Что даст вам ретрит

Боль в желудке	Боль в коленях	Бессонница
Отрыжка	Боль в спине	Сонливость во время медитации
Ночные кошмары	Слезливость	Приступы не-контролируемого смеха
Запор	Мышечные боли	Страсть к сладкому
Страсть к кофе/чаю	Приступы голода	Зябкость
Паническая атаки	Боли в суставах	Приступы голода

Дочитав, она переводит взгляд на Джинджер: та показывает ей два больших пальца. Все-таки юмор — лучшее лекарство от телесной и душевной боли.

По дороге домой, в машине (после прощальных объятий, а чтобы попрощаться со всеми, потребовалось не меньше часа), Ингрид обдумывает свое пребывание на ретрите. Кажется, все прошло хорошо, хотя она не уверена. Она вообще

сомневалась, что сможет это выдержать. Два с половиной дня показались ей вечностью. Но она цела и невредима и даже горда своим подвигом.

В голове приятная легкость. Она выбила из себя пыль, как из старого ковра, она снова живая. Спину покалывает иголочками, и это ощущение поднимается вверх. Как будто поток энергии бежит по позвоночнику.

В какой-то момент Рози застала Ингрид в слезах. Она села рядом и сказала, что это ничего, свободное выражение чувств прекрасно и целительно. И в самом деле, поплакав, Ингрид почувствовала себя гораздо лучше, даже ногам стало легче. Странная вещь — наше тело!

Это волнующие ощущения… Теперь она снова чувствует себя живой. Как лист дерева, легкий, почти невесомый, трепещущий.

Звонит телефон. Номер незнакомый, но она отвечает:

— Алло?

— Ингрид? — говорит теплый приятный голос. — Это Кей, вы меня помните?

— А, да, конечно… — Ингрид очень удивлена. — Я была в приюте на прошлой неделе и на позапрошлой, но вас там не видела.

— Да, я был на другом конце страны, ухаживал

за сестрой, она попала в аварию.

— А как Роу?

— Прекрасно… Ну, насколько прекрасно может чувствовать себя дама такого возраста.

— Кстати, Кей, а сколько ей лет?

— По моим подсчетам, двенадцать.

— Я не возьму ее к себе, — решительно говорит Ингрид, хотя ее никто ни о чем не спрашивал. — Кей, вы что-то хотели? И откуда узнали мой телефон?

Сказав это, она тут же жалеет о своих словах. Получилось слишком резко. Почему она так себя ведет? Кей беззаботно смеется:

— Я нашел телефон в картотеке наших волонтеров. Вы ведь зарегистрировались?

— Да. Вы звоните сказать мне спасибо?

Она и сама не понимает, почему держится так неприветливо, но Кей не обращает на это ни малейшего внимания:

— Нет, но мне действительно есть что вам сказать. Может, встретимся, выпьем кофе?

— Почему бы и нет, — задумчиво отвечает она. — Может, я снова начну разговаривать нормально, а не как престарелая рок-звезда. Я только что вышла из ретрита и очень от него устала…

— Да, понимаю. Об этом тоже можно поболтать.

Пожалуй, вам нужно отдохнуть, войти в обычный ритм. Встретимся в четверг в десять? Я скину координаты кафе эсэмэской.

— Хорошо. Приду.

— Спасибо. До скорого, рок-звезда!

55

Я просыпаюсь оттого, что мужчина резко отпихивает меня. А спал я очень крепко. Зеваю и потягиваюсь. Мужчина встает, дрожа и бормоча что-то невразумительное. Его запах гнилых фруктов немного напоминает мне запах тоски, исходивший от Ингрид, когда мы с ней познакомились.

Интересно, найдется ли у него что-нибудь поесть. Я пританцовываю вокруг него, даже подпрыгиваю, хотя мои усталые лапы не очень-то слушаются. Он останавливается и растерянно смотрит на меня. Кажется, понял. Шарит в кармане своего рюкзака, но ничего там не находит.

Потом он устало бредет куда-то, а я следую за ним, изредка останавливаясь лишь для того, чтобы оставить весточку четвероногим сородичам. Мы идем довольно долго и наконец подходим к маленькому домику. Он открывает дверь, и я вхожу за ним.

Мне хочется побыть в теплом помещении, попить и поесть. Я измучен голодом и холодом. Дом пахнет так же, как его хозяин: гнилью и дымом.

И запах такой сильный, что я чихаю. Тут он наконец замечает меня:

— А ты что тут делаешь? Ты что, шел за мной?

Я сажусь и изображаю примерного пса. Еще немного поскулить и склонить голову набок. Очень надеюсь на понимание.

Он уходит на кухню и возвращается с миской воды. Прежде чем начать пить, я успеваю увидеть его мокрое лицо. От него пахнет чем-то солоноватым. Ясно, он плачет. Он запирает дверь изнутри, и я облегченно вздыхаю. Кажется, меня оставляют.

Эзра — самый одинокий человек из всех, кого я знаю. В первые дни моего пребывания он почти не выходит из дома. Он много курит, меня выпускает погулять и сделать свои дела, но сам со мной не выходит. Спасибо и на том, что впускает меня обратно и дает поесть. Он купил слишком соленый корм, удовольствия никакого, но это все же лучше, чем ничего. Уходить я не спешу. Понимаю, что здесь нужно задержаться.

У нас перемены. По утрам Эзра куда-то уходит и оставляет меня одного. Возвращается к вечеру и

приносит банки с нормальной едой. Его смешат мои радостные прыжки и танцы, а меня радует его смех.

Он начинает разговаривать со мной. Особенно когда лежит на диване с сигаретой и пьет, пьет… Чем больше времени я провожу с ним, тем лучше понимаю, что он болен. Он часто уходит ночью, и, когда возвращается, от него опять пахнет гнилыми фруктами. Я жду его у двери. Не могу успокоиться, пока он не вернется.

Однажды, прогуливаясь по кварталу, я слышу тоненький писк из мусорного бака. У меня большой опыт поисков еды в мусорке. Когда я сую в бак морду, кто-то, вскочив мне на спину, выпрыгивает наружу. Это трехцветная кошка. Похоже, что домашняя. Наверно, из любопытства забралась в мусорный бак, а он захлопнулся. Снова оказавшись на воле, она тщательно вылизывается, не обращая на меня никакого внимания.

Приведя себя в порядок, она трется о меня, подняв хвост. Наверно, хочет соблазнить. Вот еще одна кошка, которая меня ни капли не боится. Она провожает меня до дома, и хвост у нее при этом выгнут вопросительным знаком. Я скребусь в дверь, и тут она исчезает, так что я даже не успеваю познакомить ее со своим несчастным

другом.

56

С того дня я то и дело встречаю эту кошечку. Ее зовут Люси. Соседи ее прекрасно знают и иногда угощают вкусненьким. Люси берет угощение деликатно, но ничуть не сомневаясь, что это ей положено, и, поев, с достоинством удаляется на крыльцо дома с колоннами, откуда удовлетворенно обозревает улицу.

Всегда ухоженная и изящная, Люси — полная противоположность Эзре. Он многому мог бы научиться у этой киски. Мне хотелось бы их познакомить.

Вот уже несколько дней мой бедный друг ужасно нервничает. Вдруг начинает мыть и чистить все в доме, а запах дыма только усиливается. Прячусь от пылесоса, всегда боялся его воя. Гоняюсь за шваброй, и Эзра либо ругает меня, либо смеется.

Не сошел ли он, часом, с ума?

Иногда он прогуливается вместе со мной, и я нарочно останавливаюсь у дома с колоннами, но Эзра не обращает никакого внимания на Люси. Вообще-то, он витает в облаках, но я чувствую,

что он почему-то побаивается этого дома.

Однажды утром мне все-таки удается заманить его туда, куда он до сих пор опасался ходить. Мы стоим около дома с колоннами. Люси на ступеньках нет, но по запаху я чувствую, что она в доме. Эзра идет к крыльцу. Он расчесывает пятерней волосы, одергивает рубашку и подходит к двери. Несколько секунд он колеблется, потом вздыхает и протягивает руку к кнопке звонка. Я по запаху чую, что он вспотел от страха. Но кого он боится?

Дверь распахивается, и на крыльцо выбегает маленький человечек. Он бросается к Эзре и, обхватив его руками, утыкается носом ему в живот.

— Папа, папа, я так по тебе скучал! — кричит мальчик тоненьким голоском.

Я сажусь на холодную каменную ступеньку и вытягиваю шею, пытаясь понять, что там происходит. Перед тем как дверь закрывается за мальчиком и Эзрой, выходит Люси и, как всегда грациозно, направляется ко мне. В качестве приветствия она поворачивается ко мне задом. Потом садится рядом со мной, как будто тоже

чего-то ждет.

Держа мальчика за руку, Эзра появляется на пороге; он несет маленький рюкзачок. Эзра называет мальчика Лиам — значит так его зовут. Их запахи похожи — я сразу понимаю, что они родственники. Ребенок вырывает руку у отца и бросается ко мне. Я дружелюбно виляю хвостом. Он щекочет мне нос и визжит от радости. Я прыгаю вокруг Лиама и Эзры, и оба смеются.

Отец говорит мальчику:

— Вот этого пса… — он сглатывает слюну, — я нашел три недели назад в канаве. Точнее, это он меня там нашел.

В дверях дома стоит женщина с короткой стрижкой, в белом спортивном костюме. Она с натянутой улыбкой наблюдает за этой сценой.

— Неплохо, — мягко говорит она. — Лиам, застегни пальтишко, холодно. Ну, до завтра. Хорошо тебе провести время с папой.

Она уходит в дом. Люси успевает прощально махнуть нам хвостом и проскользнуть перед медленно закрывающейся дверью.

Мой друг и его сын уже идут по улице, и я бегу

за ними. Маленький Лиам в своем застегнутом пальтишке — самый счастливый человечек на свете. Он просто сияет от радости.

Дома мы играем, Эзра гоняется за Лиамом, а тот за мной. Потом с удовольствием отдыхаем на диване перед этим ящиком, который все время мигает и шумит. Они болтают, а я ложусь на ковер немного вздремнуть. Эзра почти не курит, и пахнет от него счастьем. Я никогда еще не видел его таким довольным.

У Лиама так хорошо получается меня гладить, что я позволяю ему почесать мой живот, потом за ушами, потом спину. На следующее утро мы все вместе идем гулять. Это так приятно — гулять вместе. Сегодня утром от Эзры не пахнет гнилыми фруктами.

Мы провожаем Лиама домой, к маме, мальчик хочет, чтобы мы вошли в дом, но женщина против. Люси следует за ними, заботливо мурлыкая. А мы поворачиваемся и уходим. Эзра сутулится и курит одну сигарету за другой. Я иду рядом и пытаюсь легонько покусывать его руку, чтобы сигарета выпала. Но он все равно не выпускает

эту дымящую палочку.

Придя домой, он достает из кухонного шкафчика бутылку и тут же выпивает большую часть. Я слежу за ним с дивана. Наконец он садится рядом со мной. Он пахнет дымом и алкоголем. Треплет меня по холке.

— Я тоже по нему скучаю, — бормочет он. — Еще как скучаю…

Он отпивает еще. Вытирает рукой рот и ставит бутылку на стол. Потом приваливается ко мне всем телом, будто вот-вот заснет. Он такой тяжелый, и пахнет от него ужасно! Ему сейчас очень-очень плохо. Я облизываю его щеку и скулю. Он обнимает меня за шею, утыкается в нее лицом и плачет.

57

Эзре явно нужна помощь. Он все время пьет, плачет и курит. Так проходит несколько дней, а потом он вдруг снова начинает убирать в доме. Еще он моется горячей водой и после мытья пахнет гораздо лучше. Чувствую, скоро мы отправимся за Лиамом.

Люси при встрече исполняет тот же танец. Потом игры и веселье, потом возвращение Лиама к маме, потом отчаяние Эзры. Он так удручен, что проводит целые дни на диване без движения. Мне приходится громко лаять, чтобы он очнулся и накормил меня. Он все больше становится похож на того человека, которого несколько недель назад я нашел в канаве. Я не могу придумать ничего другого, кроме как пойти к дому Люси.

Громко вою под дверью, чтобы дать им понять, что я здесь и что нужна их помощь. Никто не открывает. Тогда я устраиваю настоящий концерт, на мой лай откликаются окрестные собаки. Похоже, дома никого нет. Уже начинает темнеть, когда приходят мама с сыном. Мальчик так рад меня видеть, что бросается мне на шею. Я облизы-

ваю его мордашку, и он хохочет. Женщина гладит меня по голове.

Когда они открывают дверь в дом, я не пробую войти вслед за ними — я скулю, пока женщина с короткой стрижкой не подходит ко мне:

— Что с тобой, дружище? Что случилось?

Я поворачиваю голову в сторону дома Эзры и продолжаю скулить. Потом встаю и решительно направляюсь домой. Женщина глубоко вздыхает. Кажется, она готова пойти со мной. Пойдем же!

— Подожди минутку, — говорит она. — Жди меня дома, Лиам. И не шали, ладно?

Она снова надевает пальто, запирает дверь, и мы идем.

Когда мы подходим к дому Эзры, дверь оказывается закрытой. Она звонит. Ничего. Тогда она достает из кармана ключ и отпирает дверь, что меня очень удивляет.

— Эзра! Эзра! Где ты? — зовет она, войдя в дом.

Все-таки здесь так воняет! Даже неловко перед ней. Ответа нет, и тогда я веду ее к дивану, где все еще спит Эзра. Она вздыхает, садится в кресло рядом с диваном и гладит меня по голове:

— Ты добрый пес. Но знаешь, Эзра должен научиться заботиться о себе сам. Я не могу…

Она замолкает, опустив голову. Ну вот, теперь и от нее пахнет солью и тоской. Я не люблю, когда люди плачут. Они становятся такими беззащитными… Я подхожу и пытаюсь утешить ее. Кладу ей лапу на колени, виляю хвостом и гавкаю. Потом приношу ей в зубах пустую миску. Очень хочется есть. Если уж предстоит присутствовать при драме, то пусть хотя бы на сытый желудок.

Эзра по-прежнему лежит неподвижно, но женщина встает, вытирает слезы, идет на кухню и находит, чем наполнить мою миску. После этого она уходит.

Когда она возвращается, я уже поел и теперь караулю Эзру. Тот по-прежнему спит. Она приводит с собой лысеющего, довольно высокого мужчину.

— А откуда взялся этот пес? — спрашивает мужчина.

— Не знаю. Кажется, он живет у Эзры… — Она пожимает плечами. — Лиам тоже его любит.

— Понятно, — кивает мужчина и протягивает

мне ухоженную руку, чтобы я мог ее обнюхать.

— Иэн, мне надо возвращаться к малышу… Я оставила записку для Эзры на письменном столе. Передай ему, пожалуйста, когда он придет в себя, хорошо?

— Конечно, Элиза. Я останусь тут, пока он не проснется… Я верю, что он сможет это преодолеть. Не сдавайся, ладно?

Она молчит, поджав губы, долго смотрит на Иэна печальными голубыми глазами, потом качает головой и уходит.

— Пока! — говорит лысый.

Иэн очень умело хозяйничает в доме, пока Эзра спит. Со своего наблюдательного поста у дивана я вижу, как он быстро ходит по комнате, собирает пустые бутылки, вытряхивает пепел из тарелок, моет посуду, подметает пол мокрой шваброй, которой я, признаться, побаиваюсь. Когда он заканчивает, за окном уже темно. Гость включает настольную лампу, тут Эзра и просыпается.

Увидев Иэна, он плачет. Ну почему они все плачут? Нет, решительно не понимаю людей! Я подхожу к Эзре и лижу ему руки.

— Брат, тебе нужна помощь, — говорит Иэн, — если ты хочешь и дальше видеться с Лиамом и Элизой. А я знаю, ты хочешь. Я смогу тебе помочь, если ты…

— Я не могу их потерять, — отвечает Эзра слабым голосом.

— Ты выберешься, братишка. Ты ближе к цели, чем тебе кажется. К тому же, старик, у тебя есть четвероногий ангел-хранитель…

Эзра закрывает голову руками. Тут я встаю и начинаю громко лаять, чтобы положить конец этой драме. Эзра сначала недоуменно смотрит на меня, а потом смеется. Его брат, кажется, удивлен. Но смех — это всяко лучше, чем слезы, так что я на всякий случай гавкаю еще несколько раз. Теперь они оба смеются.

— Это потрясающий пес, — говорит Эзра и чешет меня за ухом.

Иэн садится рядом с ним на диван и очень спокойно говорит:

— Послушай, у меня две хорошие новости… Тебя нужно немного подтолкнуть. В клинике, где работает моя жена, нашлось для тебя бесплатное место в программе детоксикации. Ты проведешь там всего десять дней и выйдешь как новенький. Что скажешь?

Эзра встряхивается, как мокрая собака. От него пахнет такой тоской, что я опять вспоминаю Ингрид в начале нашего знакомства. Я умудряюсь лизнуть его в нос.

— Я не могу оставить Ангела. Я только что решил так его назвать.

Иэн улыбается и говорит:

— А вот и вторая хорошая новость. В рамках этой программы разрешается брать с собой домашних животных. Ангел может пойти с тобой, если хочешь, конечно…

Я лаю, соглашаясь неизвестно на что. Знаю только, что это будет хорошо для Эзры. Он снова обхватывает руками голову и бормочет:

— Да, я пойду. — Потом, посмотрев на меня, добавляет: — То есть мы пойдем.

58

Ингрид удивляется первому снегу. Они с Роу прогуливаются неподалеку от приюта. Да, в середине ноября может пойти снег, и все-таки сейчас он застает Ингрид врасплох. Мягкие хлопья падают из серых облаков, и она напевает песенку, которую пела когда-то с бабушкой… Лет пятьдесят назад. Осенью мы особенно тоскуем по людям, чьи образы хранятся в нашей памяти.

Ингрид открывает объятия снегопаду. Снег падает, будто в замедленной съемке. Ингрид закрывает глаза и запрокидывает лицо, ожидая прикосновений холодных крыльев бабочек. Пока она так стоит, в восторге ловя поцелуи снежинок, собака обнюхивает замерзшие листья, похрустывающие под ее лапами.

Роу немного замерзла и уже не против вернуться. Кей рассказывал Ингрид, что зимние боксы для собак специально делаются меньше по размеру, чтобы лучше сохранялось тепло.

На обратном пути в своем стареньком автомобиле Ингрид чувствует себя почти счастливой. Не то чтобы она больше не тосковала по Роши, просто решила потихоньку жить дальше. Она сама удивляется тому, как новая жизнь подталкивает ее вперед, прорастает сквозь воспоминания, боль и горе.

Ингрид пригласила на Рождество Тима, Энни и их сына Ланса с семьей. В последний раз они приезжали десять лет назад, когда Джерард был здоров. Они с радостью согласились. Ингрид отвыкла принимать гостей, но уж очень ей хотелось, чтобы растворился неприятный осадок, оставшийся после лета, когда пропал Роши.

Если ты все время занят, тебе некогда тосковать. Йога, пилатес, прогулки по лесу — все это полезно. И посттравматические практики, и бридж с друзьями, и девичник, устроенный Мириам… И еще один внезапный подарок — привязанность Кея. Благодаря ей Ингрид чувствует себя моложе.

Раз в неделю они ужинают вместе. А иногда и два раза. Не то чтобы они сговаривались, просто Кей все время рядом, и ей начинает казаться, что он испытывает к ней нечто большее, чем дружба. Может быть, ему нужна спутница, та, с кем можно поделиться впечатлениями и мыслями.

Сегодня они договорились вместе пообедать во «Флагстаффе», в ресторане франко-американской кухни. Он расположен на горе, и оттуда открывается чудесный вид.

Вдыхая аромат вина, как заправский сомелье, Кей говорит:

— Недавно прочитал одну статью — там говорится, что от одиночества умирают чаще, чем от никотина. Представляешь?

Ингрид не сразу отзывается. Она задумчиво смотрит на него, не размыкая тонких, изящно очерченных губ. Ее гладкий лоб венчают седые волосы, скрепленные на затылке двумя длинными шпильками, как у японки.

— Может, и так, — говорит она медленно, словно пробуя слова на вкус. — Вообще-то, наше общество не слишком внимательно к тем, кто перешагнул рубеж шестидесяти лет, я уж не говорю о тех, кому за семьдесят… Мир вертится вокруг молодых, идет отчаянная борьба со старостью. Но кто согласится жить вечно?

— О чем пел Фредди Меркьюри, — кивает Кей, рассматривая свой бокал. Вино играет в свете свечи, оно живое, огненное, темно-красное, как рубин. — И чтобы поддерживать хорошие отношения, мы должны иметь смелость вести

трудные, а иногда и неприятные разговоры, да?

— Да, очевидно, — соглашается Ингрид, начиная нервничать.

Она чувствует, что Кей что-то затевает. Он подается вперед, ставит локти на стол. Ингрид терпеливо ждет. Ей очень любопытно, что же будет дальше.

— Ингрид, ты мне очень нравишься, и мне хорошо рядом с тобой, — говорит он наконец. — Да, я знаю, что тебе чуток за семьдесят, а мне исполнится семьдесят в январе… Но я считаю, что ты очень красивая. Можно… взять тебя за руку?

Она в шоке. Такого она не ожидала. Не так скоро. Она опускает глаза и видит собственные руки с тонкими, бледными, словно пергамент, пальцами, видит темные пятнышки, вены…

Ингрид не помнит, чтобы после смерти Джерарда она кому-нибудь нравилась, а может, она просто ни с кем не общалась достаточно близко. Она знает, что Кей потерял жену уже давно. И все-таки это очень странно. Завести роман в семьдесят два года? А собственно говоря, почему бы и нет?

Очень тихо. Волны тишины омывают их столик. Осторожно, медленно, все еще не глядя на Кея, Ингрид протягивает ему руку. Когда ее

ладонь оказывается в его ладони, в ней поднимается теплая волна.

— Ты очень хороший, Кей, — говорит она наконец, осмелившись поднять глаза. — Ты мне тоже очень нравишься.

Подают основное блюдо, и она высвобождает руку.

Кей улыбается и поднимает свой бокал:

— За нас!

Они чокаются, и звон бокалов возвещает о новом этапе жизни, волшебном и таинственном. И в этом новом мире может случиться все, что угодно.

59

Прочитав записку Элизы, Эзра снова плачет. Он повсюду ищет выпивку, но лысый не оставил ни одной бутылки. Мой друг так зол и так ужасно пахнет, что я забиваюсь под стол, чтобы там переждать бурю.

Он в отчаянии садится на пол в кухне около раковины. И снова плачет. Мне кажется, хорошо бы нам сейчас выйти погулять. Или, может, ему будет полезно погладить меня или почесать за ухом… Вылезаю из своего укрытия и буквально подползаю к нему. Но он не видит и не слышит меня. Он прячет голову между колен. Я сажусь рядом и скулю, даже подвываю. Он склоняется ко мне и рыдает, уткнувшись в мою шерсть. Вот такая она — собачья жизнь.

Я зеваю и виляю хвостом, чтобы как-то ослабить напряжение. Лижу ему руку, хотя пахнет она ужасно. Наконец он собирается с силами, чтобы заговорить со мной:

— Элиза написала, что я больше не увижу ни ее, ни Лиама, пока не покончу с выпивкой. А это значит, что я должен лечь в эту ужасную клини-

ку… Ты ведь не оставишь меня, дружище?

Я не понимаю ни слова из того, что он сказал, но дружески бодаю его головой в бок. Я даю ему понять: мы вместе против твоей беды. Эзра смотрит мне в глаза и говорит:

— У тебя такие красивые янтарные глаза. Ты такой славный пес… Почему ты сочувствуешь горькому пьянице?

Потом он с трудом плетется к дивану. Я следую за ним.

Он еще что-то говорит, потом засыпает, и я охраняю его сон.

На следующее утро я бужу его, чтобы идти на прогулку. Еще темно. Я хватаю зубами рукав его свитера и тяну на себя. Он не реагирует, и тогда я переключаюсь на брюки. Вцепляюсь зубами в штанину и, рыча, тяну. Эзра просыпается и смотрит на меня испуганно. Я продолжаю тянуть. Я хочу, чтобы он подышал свежим воздухом, а дом проветрился.

Он так удивлен, что уступает мне. Высвобождая из моей пасти штанину, он ласково треплет меня по голове. Потом встает, натягивает кроссовки и

берет куртку. Небо еще темное, фонари мерцают в тумане. Это наша первая утренняя прогулка. Их будет еще много.

Кажется, уже зима, потому что мои лапы ощущают холод асфальта, а из наших носов идет пар. И однажды после прогулки мы с Эзрой не возвращаемся домой. У него в руке большая сумка. Мы садимся в машину. За рулем Иэн. Едем за город, довольно далеко. Я еще не знаю, когда нам предстоит вернуться.

Мы долго живем в большом здании, где полно людей в белых халатах. Они постоянно ходят туда-сюда по коридорам, вверх и вниз по лестницам. У нас с Эзрой небольшая комнатка, но тут все чисто, и Эзра тоже чистый и хорошо пахнет. А мне дают еду и воду три раза в день.

Еще тут есть обледенелый сад, куда можно выйти погулять. От нечего делать мы ходим гулять несколько раз в день. Эзра охотно составляет мне компанию, мне не приходится его заставлять. Пару раз нас навещает Иэн. Вид у него очень довольный. Приходят и Элиза с Лиамом, и это очень воодушевляет Эзру. Он внимательно слушает все, что говорит ему эта женщина.

— Постарайся использовать эту возможность, Эзра, — внушает она, пока мальчик бегает по са-

ду. — Мне бы очень хотелось, чтобы это помогло, и Лиаму тоже. Мы просто не можем видеть, как ты разрушаешь себя.

— Я знаю… — отвечает он пристыженно, не глядя на Элизу.

Я негромко гавкаю, чтобы немного оживить беседу. Она улыбается и чешет меня под подбородком. Удивительно приятное ощущение.

— Держись, Эзра, — говорит она перед уходом.

Когда мы наконец возвращаемся домой, Эзра уже совсем другой человек. Он бодро встает по утрам, содержит в чистоте себя и дом, делает зарядку, подолгу гуляет со мной, готовит вкусную еду и пьет много воды, как велели врачи. От него хорошо пахнет, и он гораздо реже плачет. Иногда он что-то напевает, и голос его с каждым днем звучит все увереннее.

Думаю, он уже почти готов покинуть этот дом и вернуться к жене и сыну, и все же я пока не могу уйти. Земля еще очень холодная, хотя весна уже скоро.

— Люблю я тебя, Ангел, — часто говорит мне Эзра.

Я гавкаю в ответ и нервно переминаюсь с лапы на лапу, ведь я так скучаю по Ингрид и точно знаю, что скоро мне придется уйти.

60

Против ожидания Ингрид получает большое удовольствие от приезда брата и его семьи. С женой Ланса Софи хорошо поговорить о книгах, а их дочь Ева — очень ласковый ребенок. Ингрид знакомит ее с Роу, и они несколько раз гуляют вместе по заснеженным тропинкам у подножия скал.

Маленькая Ева помнит Роши и часто спрашивает, где он. Наконец родители рассказывают ей, что прошлым летом собака потерялась. Девочка очень расстраивается, мать садится с ней рядом и утешает, убеждая, что Роши наверняка нашел себе новую семью.

— Этого не может быть! — возмущается девочка. — Неужели он не понимает, что тетя Ингрид его ждет?

— Не знаю, милая. У меня никогда не было собак, поэтому я не знаю, что они понимают, а что нет.

— Тетя Ингрид ждет его. Он должен это понимать… Он должен вернуться! — Ева морщит лобик и хмурит брови.

Софи улыбается: ее дочь всегда делает такое

лицо, когда упрямится и хочет настоять на своем. «Она с характером, — с гордостью думает мама. — Уж если что решила, добьется своего».

Ингрид с облегчением узнает, что Тиму стало гораздо лучше, он уже не так кашляет, и вообще, там не было ничего опасного. Его жена Энни рассказывает, что у нее умерла мать и что, слава богу, она была рядом с ней до последней минуты.

— Она умерла у меня на руках, — говорит Энни со слезами на глазах.

Ингрид обнимает ее. Впервые в жизни она чувствует близость к этой женщине. Им понадобилось полжизни, чтобы обрести взаимопонимание. Она не может избавиться от мысли, что, если бы Роши не потерялся, она вряд ли пригласила бы родственников на Рождество. Раньше она просто не пыталась по-настоящему узнать жену своего брата и всю его семью.

Ингрид идет на кухню, собирается приготовить для всех чай, а для Евы горячий шоколад. На самом деле она уходит, чтобы никто не видел ее слез. Только сейчас она понимает, насколько закрытой была, даже когда Роши был с ней. Прежде

ей не удавалось сказать о своих переживаниях, она не могла смириться с потерей Джерарда.

Сейчас она чувствует, что возвращается к жизни. Где бы сейчас ни был Роши, кажется, четвероногий друг помогает ей даже на расстоянии.

Сочельник и последующие дни проходят весело. Кей куда-то уехал, но прислал Ингрид подарок с курьером. Ингрид, краснея, открывает плоскую коробочку. Там сертификат на уик-энд в спа-отеле в Скалистых горах. Она понимает, что рано или поздно ей придется рассказать всем, что она встретила важного для нее человека.

Дни летят быстро, близится Новый год, родственники уезжают. У Ингрид почти не остается времени передохнуть перед встречей Нового года. Уже давно она ни к чему так тщательно не готовилась. Она надевает серебристое, сверкающее вечернее платье, накидывает яркий фиолетовый палантин. Молодость не вернуть, но все же она в хорошей форме. Примирившись со своим отражением в зеркале, Ингрид с трепетом ждет вердикта Кея.

— Ты прекрасна, дорогая! — восклицает он.

Ингрид принимает комплимент с волнением девочки-подростка и смущенно хихикает.

Он сжимает ее в объятиях, потом смотрит в глаза и целует. Как ему идет смокинг! И галстук-бабочка! Когда она спрашивает, в честь чего он так разоделся, он отвечает:

— В честь того, что мы празднуем. В этот Новый год мы войдем стильными и элегантными.

— А что мы празднуем? — спрашивает она, когда он подает ей пальто.

— То, что мы вместе. Разве этого мало?

Ресторан, куда он ведет ее, такой же изысканный, как все рестораны, куда он когда-либо ее приглашал. Ужин великолепен, и они так оживленно разговаривают, что едва не пропускают полночь. Немного потанцевав, они поднимают бокалы, желая друг другу счастливого Нового года, а в час ночи решают подняться в номер, выдержанный в восточном стиле, и отдохнуть.

Ингрид нервничает, когда они ложатся в постель. Вряд ли ее тело сможет функционировать, как раньше. Столько времени никто до нее не дотрагивался… Но теплые руки Кея не спешат, и это успокаивает ее. Так чудесно чувствовать тепло его кожи и прикосновения рук, неторопливо изучающих ландшафт ее тела, его холмы и долины.

Они засыпают, обнявшись; им обоим кажется, что после долгого путешествия они наконец обрели страну, которая принадлежит только им двоим.

61

Мы с Эзрой по-прежнему совершаем ранние прогулки. А в полдень выходим еще раз. Я радуюсь, когда обнаруживаю, что даже самой темной ночью видны светлячки на небе, которые когда-то показал мне Тобиас. Сейчас они стали ярче. Мне уже не терпится отправиться в путь.

Когда мы выходим рано утром в заснеженное поле, я выбираю место, где лед уже растаял, сажусь и смотрю на звезды. Я все чаще чую запахи лесных зверей: оленей, кабанов, лис, скунсов… Проходит еще пара недель. Просыпаются запахи, которые так долго спали под снегом. Наступает весна, и меня переполняют силы. Щебечут птицы, свежие зеленые побеги рвутся наружу. Я готов отправиться в дорогу.

Лиам теперь часто приходит к отцу. Наш домик чистый и ухоженный. Иногда с мальчиком приходит и женщина, они втроем болтают и смеются. Наверняка Эзра скоро опять переберется к ним, в дом с колоннами.

Лиам — самый счастливый малыш на свете, а с приходом весны и от его мамы исходит за-

пах покоя и радости, и с Эзрой она ведет себя все нежнее. Люси я вижу теперь гораздо реже, она держится от меня на расстоянии. Наверно, боится, что я тоже поселюсь у них в доме и она перестанет быть главной. Если бы я знал кошачий, я бы объяснил ей, что бояться нечего, потому что я скоро ухожу.

62

Кошка знает, когда именно я намерен уйти. Мы, животные, чувствуем такие вещи. Трое людей сейчас в доме с колоннами, а я прощаюсь с Люси, которая по обыкновению сидит на крыльце и обозревает улицу.

Она подходит и начинает петлять между моими лапами и тереться о меня. Дескать, ты мне симпатичен и я желаю тебе доброго пути. Я тоже привязался к ней, как и к людям, которые живут в этом доме. Особенно к Эзре. Мы пережили с ним нелегкую зиму.

Люси провожает меня до окраины городка. Мы с ней трусим по улицам, я веду ее к своему любимому месту на опушке леса. У нее встает дыбом шерсть, — видно, ее тоже волнуют лесные запахи. Прощаясь, она трется носиком о мою морду и шею. Я ей позволяю и тихонько скулю, благодарю за компанию и поддержку. Я тоже буду по ней скучать.

Мы соприкасаемся носами, это прощальный поцелуй. А потом я устремляюсь вперед. Я знаю, куда иду, только не знаю, когда туда доберусь.

Прежде чем свернуть на глухую лесную тропку, я оглядываюсь на Люси и лаю, мол, присматривай там за ними теперь, когда меня нет рядом. Кошка нежно мяукает в ответ и возвращается в город с поднятым хвостом.

Чему учит Роши (7)

Примечание к репортажу

С Эзрой Милтоном Роши провел больше времени, чем со всеми, кого встречал в пути. Он прожил с Эзрой с конца осени до весны. Программист Эзра Милтон излечился от алкогольной зависимости, воссоединился с женой и сыном, хотя около года жил отдельно, вернулся к работе, снова стал хозяином своей жизни и утверждает, что Ангел (так он назвал Роши) все это время был рядом.

Эзра многому научился у Роши, но он не слишком разговорчивый человек, поэтому назвал мне лишь два главных усвоенных урока:

1. **Лучшее лекарство — доброта.** Чтобы вылечить страдающую душу, допустите к себе тех, кто чист сердцем (можно и четвероногих). Позвольте

им быть с вами — и они помогут вам пережить болезнь.

И следующий урок, непосредственно вытекающий из предыдущего:

2. **Слушай тех, кто тебя любит.** Они не всегда говорят то, что вам хочется слышать, но они — ваши лучшие союзники. Приструните свою гордость и обратите внимание на их слова: этим людям часто видно то, что от вас ускользает. Позвольте им помочь вам.

63

Мириам и Ингрид пьют коктейль «Кир-рояль», мягкий джаз петляет по залу, огибая столики. Теплое освещение придает ресторанчику, где они часами сидят и болтают, особый уют. Ингрид окидывает взглядом зал, мебель темного дерева, бархатные шторы насыщенного красного цвета, люстры…

На подиуме у дальней стены по выходным играют музыканты. Пожилой официант издали кивает подругам. Ингрид рада, что ресторан по-прежнему работает. Она пришла сюда впервые тридцать лет назад, и «Красный шатер» по-прежнему поддерживает тот же уровень обслуживания и сохраняет уютную атмосферу.

Она тут знает всех, от повара до хозяина заведения. И даже с внуками хозяина знакома.

— Я еще не была здесь с Кеем, — озабоченно говорит Ингрид. — Ну, ты же понимаешь… Это было наше с Джерардом место. И я не знаю…

Подают ужин, и Ингрид замолкает, пока официант их обслуживает. Ей столько надо рассказать подруге, что, кажется, вечера не хватит. Так что,

приступив к закускам, она начинает:

— Я так скучаю по Роши, я хотела бы поделиться с ним своим счастьем, как он делился со мной, когда я была подавлена. Мне кажется, я виновата перед ним тем, что так счастлива. Представляешь?

Соло контрабаса, усиленное динамиками, резко контрастирует тишине, повисшей после слов Ингрид. Мириам молчит, просто пьет свой коктейль. Ингрид продолжает:

— Я была так несчастна, что даже не знала, что несчастна.

— Я понимаю, дорогая, что ты хочешь сказать, но самое главное… Как ты себя чувствуешь сейчас?

Ингрид допивает свой «Кир-рояль», потом выпивает еще полстакана воды и отвечает:

— Мне кажется, я влюблена. А это значит, что я больше не убита горем. Или можно быть одновременно влюбленной и убитой горем?

У ее подруги слезы на глазах. Ее трогает счастье Ингрид.

— Не задавай столько вопросов, — отвечает она. — Если любовь стучится в твою дверь, остается только одно: впустить ее!

Ингрид уже дома, и в ней прямо-таки бурлят жизненные силы. Как ей повезло с подругой! Ее сердце полно благодарности жизни, которая дает ей так много. Раздеваясь в полутьме спальни, куда проникает только слабый свет из ванной, она ощущает, что ее кожа стала мягче и нежнее. Может быть, это любовь, как чудодейственный бальзам, разгладила кожу?

Она прекрасно провела время с Мириам, а теперь скучает по Кею. Скоро они отправятся на курорт в Скалистых горах. Она не сразу надевает пижаму. Как прекрасно чувствовать себя живой! Уже в постели, свернувшись калачиком под теплым одеялом, она понимает, что больше не одинока.

Ингрид спрашивает себя, что думает о ней Джерард, если он существует в каком-нибудь измерении и видит ее. Сердится? Разочарован в ней? В глубине души она знает, что нет, потому что он всегда желал ей добра. И вряд ли он изменился. Ингрид и сама желала бы ему новой любви, если бы ей суждено было уйти первой.

С этой мыслью она засыпает.

Они едут на горный курорт в машине Кея и очень счастливы. Сейчас самый конец лыжного сезона, скоро весна растопит последний снег.

Ингрид признается, что уже лет пятнадцать не вставала на лыжи.

Кей отвечает, что им вовсе не обязательно кататься на лыжах, в их распоряжении множество горных троп. А еще он забронировал им особенный номер.

Она спрашивает, чем он особенный, но Кей отказывается говорить, хочет сделать ей сюрприз.

Они едут по горным дорогам, где все еще хозяйничает зима.

Вот и отель. Отсюда открываются захватывающие дух виды. Тишина. Дикая красота природы.

Ингрид восхищена просторным номером. А сюрприз в том, что, лежа в ванне, можно смотреть сквозь большое окно на гору. На такой высоте только орлы смогли бы увидеть их обнаженные тела.

За ужином при свечах Кей заговаривает о том,

что обдумывает вот уже несколько месяцев. Он не знает, как Ингрид это воспримет, но все-таки решается рискнуть:

— Может быть, для этого еще слишком рано, но я уже давно хотел кое о чем с тобой поговорить.

— Говори, Кей…

— Мне кажется, нам надо бы устроить прощание с Роши — ну, такой ритуал, чтобы воздать ему должное. Это было бы… не подберу нужного слова, — он мнется, — нечто вроде заочных похорон.

Ингрид закрывает глаза. Ее руки чувствуют тепло рук Кея, но сердце начинает биться часто и больно. Она еще не думала об этом. В уголке глаза зреет слеза. Может быть, ей все еще нужно верить, что Роши существует, что однажды они встретятся вновь.

— Не знаю, — шепчет она. — Мне хотелось бы верить, что надежда еще есть. И все же я отчасти уже смирилась с потерей. Прошло столько времени… Целых девять месяцев! Если перевести в масштаб человеческой жизни, получается лет шесть. Ты бы стал питать надежду, что вновь увидишься с другом, если бы тот пропал шесть лет назад?

Кей не знает, что ответить. Он ждет, когда Ин-

грид немного успокоится. Она тяжело дышит, ее грудь часто вздымается. Потом он объясняет, что скромный ритуал помогает признать потерю, замкнуть цикл, чтобы начать наконец жить настоящим.

— Согласна… — кивает Ингрид и вытирает слезы. — Может, стоит устроить такую церемонию через месяц, когда весна будет в самом разгаре? Роши так нравилось нюхать цветы у нас в саду.

Кей соглашается. За ужином они обговаривают детали. Ночью Ингрид видит во сне Роши — он весело играет с ней. Она просыпается с грустью. Наверно, такой сон — знак того, что Роши хорошо в мире ином. Да, нужно попрощаться.

64

Я просто стелюсь по земле. Мчусь во весь опор, не оглядываясь назад. Дорога как будто сама едет под моими лапами. Ступив на лесную тропу, заходя все дальше вглубь леса, я окончательно просыпаюсь. Птицы, большие и маленькие, согретые солнцем, приветствуют меня щебетом, как будто радуются моему возвращению к Ингрид.

От волнения я прыгаю и пританцовываю. Подбадриваю себя громким лаем. Приятно снова чувствовать, что твои мышцы работают на полную мощность. А внутренняя дрожь свидетельствует о том, что я, вероятно, совсем недалеко от дома, хоть и не узнаю окрестности.

Пейзаж, кстати, быстро меняется. Леса сменяются полями, на которых уже прорастает трава. Иногда мне попадается ручей, и я утоляю жажду. Снова начинаю охотиться, и мне удается поймать несколько полевок и даже белку.

На отдых стараюсь устроиться неподалеку от

жилищ людей, чтобы иметь доступ к их мусорным бакам.

В сумерки и по ночам я передвигаюсь особенно быстро. Скоро поля сменяются промзонами, где вполне могли бы быть склады, полные съедобных сокровищ, вроде тех, что охранял Герцог. Но я так хочу поскорее воссоединиться с Ингрид, что нигде не задерживаюсь.

Дни становятся длиннее и длиннее. Шерсть у меня опять грязная и спутанная. Ко мне цепляются репьи, я весь чешусь и яростно стараюсь вырвать их зубами. Купаться в озерцах и речках пока что холодно. Я с удовольствием нюхаю траву — она растет просто не по дням, а по часам, — а иногда ем ее, чтобы очистить желудок от противной и вонючей пищи из помоек.

Довольно долго местность была гористой, а теперь становится больше возделанной земли. Мне все труднее укрываться от дождя, а дожди теперь идут довольно часто.

Прохожу мимо выставленных на воздухе деревянных столов. И тут мне улыбается удача. Двое молодых людей, сидящих за столиком, знаком

подзывают меня. Явно хотят что-то предложить, а уж я не откажусь. Они угощают меня изрядной порцией сочных сосисок и еще какими-то остатками своей еды. Перекусив и лаем выразив благодарность, я с новыми силами продолжаю свой путь.

Днем я почти не отдыхаю, а под вечер начинаю искать место для ночлега. Когда появляется луна, я поднимаю голову и вою. Вот бы луна предупредила Ингрид, что я уже иду, что я близко.

На красивом лугу, усеянном цветами, в тени низких густых кустов я позволяю себе сделать перерыв на пару дней. Валяюсь на спине, задрав лапы, чтобы дать им отдохнуть. Я ведь не знаю, где нахожусь и сколько еще предстоит идти.

На другом конце луга стоит маленький домик. Он внушает мне доверие, и я решаюсь навестить хозяина. Это добрый старик. Я угощаю его концертом из скулежа и лая, намекающим на то, что неплохо бы мне поесть. Он приносит еду и, улыбаясь, смотрит, как я ем. По глазам видно, что он-то понимает, какой трудной бывает жизнь.

Я провожу ночь в обществе доброго старика и

с завтраком в животе продолжаю путь. Все-таки я очень устал. Может быть, стоит просто остаться у этого старика, отказаться от надежды найти Ингрид? Иногда кажется, что у этого путешествия не будет конца.

Советуюсь со звездами. Они с каждым днем загораются в небе все позже и позже. «Иди дальше, потерпи еще немного!» — советуют небесные светлячки.

65

Восход в Скалистых горах великолепен. После завтрака Ингрид и Кей выходят на прогулку. Они идут по одной из самых красивых и крутых троп. Очень скользко, и хотя они хорошо экипированы и взяли с собой походные палки, ступать надо очень осторожно. Они идут в хорошем ритме, весело переговариваются, иногда останавливаются, чтобы сфотографировать головокружительные пропасти, над которыми парят большие птицы.

На изгибе тропы Ингрид неловко наступает на камень и подворачивает ногу. Она начинает сползать вниз, но Кей вовремя подхватывает ее, иначе все могло бы кончиться скверно. Ингрид очень больно, и Кей осторожно снимает с ее ноги ботинок, чтобы посмотреть, что с лодыжкой. Она распухла и покраснела. Кей так же осторожно надевает ботинок Ингрид на ногу. Придется спускаться очень медленно.

Когда Ингрид с помощью Кея встает, становится ясно, что ступить на ногу она не может. Кей складывает свою куртку и усаживает Ингрид. После чего немедленно отправляется в отель за

помощью. Кей исчезает за поворотом. Поднимается легкий ветерок. Ингрид со стоном снимает ботинок. Нога ужасно болит. Она прикладывает снег к лодыжке — так вроде немного легче.

Доставить Ингрид в отель оказывается довольно сложной задачей. Кей и местный врач с двух сторон поддерживают Ингрид, которая не может опираться на левую ногу. Идут они долго и часто останавливаются.

— Как вы, миссис Вайсман? — время от времени спрашивает доктор.

— Бывали у меня прогулки и приятнее, — шутит Ингрид. — Это просто рука судьбы, что Кей меня удержал. Лежала бы сейчас на дне пропасти…

— Значит, у вас впереди еще много приключений, миссис Вайсман.

В отеле Ингрид сразу ведут в кабинет врача, где есть рентгеновский аппарат.

— Это гораздо удобнее, чем срочно вызывать вертолет и целую спасательную команду, — объясняет врач. — У нас тут нередки травмы — люди катаются на лыжах, могут поскользнуться во время прогулок. Мелкие проблемы мы решаем

сами, а помощи просим, только когда дело действительно серьезное.

— Пожалуй, я поднимусь в номер и отдохну, — говорит Ингрид после рентгена. — Я совершенно измучена. Можно, я потом спрошу вас о результате?

— Конечно, без проблем… — отвечает доктор, и Кей провожает Ингрид к лифту.

В номере Ингрид ложится на кровать, вытягивается и вызывает у себя дрожь, как учил тренер. Это техника высвобождения травмы.

Кей садится на край кровати и берет ее за руку.

— Все хорошо, — успокаивает она его. — Эта дрожь полезна для организма. Она освобождает его от гормонов стресса.

— Доктор говорит, что перелома нет и даже связки не порваны, — отвечает Кей на ее молчаливый вопрос. — Но на снимке видны следы прежних травм. Сейчас главное — покой.

Несмотря на пережитое потрясение, вечер проходит мирно. Кей делает Ингрид компрессы со льдом, им приносят ужин — суп, рис, рыбу и овощи, приготовленные на пару. Пахнет волшебно, и оба даже на некоторое время забывают, что из-за этого несчастного случая испорчены их маленькие каникулы.

На следующий день отек не спадает, но ходить уже не так больно. Они немного гуляют, потом сидят на террасе, смотрят, как утреннее солнце постепенно растапливает снег. После обеда собираются в обратный путь. Хотя местный врач наложил повязку, Ингрид лучше показаться своему доктору и вообще быть поближе к цивилизации, мало ли что.

Кей привозит Ингрид домой и спрашивает, не стоит ли ему побыть с ней. Она просит его остаться. Ей тяжело одной в ее состоянии, а компания галантного седовласого джентльмена сильно скрашивает жизнь. Вот лишнее доказательство тому, что нет худа без добра. Выздоравливая после несчастного случая, она понимает, что они с Кеем могли бы прожить вместе остаток жизни. Вот так открытие!

Несколько недель спустя Ингрид почти полностью восстанавливается. Она может ходить с тростью и каждый день отправляется на физиотерапию. Теперь Кей мог бы спокойно вернуться

к себе, но он что-то не спешит.

— Что такое? — спрашивает Ингрид. — Ты не хочешь домой?

— Дорогая, я считаю, что мой дом там, где ты. Так что, если ты не против, я побуду еще несколько дней оккупантом. По крайней мере, пока ты не сможешь отложить эту трость.

— Конечно, как хочешь, — радостно отвечает она.

— Но разумеется, если тебе лучше побыть одной, я прекрасно пойму. Тогда я уйду к себе, но все время буду на телефоне, вдруг понадоблюсь.

— Оставайся сколько захочешь, — говорит она. — Хоть на всю жизнь!

Эти слова вырвались у нее сами, она произнесла их, не задумываясь, от сердца.

Кей, воодушевленный таким ответом, округляет глаза:

— Ты солнце, согревающее бедного старика.

— Ну, солнце тоже не очень-то юное.

Оба смеются, и он наклоняется ее поцеловать.

— Скоро все зацветет… — говорит она. Они вместе сидят на диване и смотрят в окно. — Через пару недель, самое позднее, сад будет весь в цвету. Ты не оставил мысли устроить церемонию прощания с моим дорогим Роши?

66

Дни мелькают у меня перед глазами. Какие яркие краски, какие свежие и сильные весенние запахи! А я пытаюсь охотиться или ищу что-то съедобное среди отходов. От голода и усталости мое обоняние слабеет, и тогда я начинаю сомневаться, правильно ли иду.

Время от времени на моем пути встречается водопой для скота. Вода пахнет неважно, но жажду утолить можно. Теперь-то я знаю, что надо пить не только когда хочется, но всякий раз, когда есть такая возможность.

Однажды вечером ветер приносит мне запах сухой травы, цветков красного кедра и еще каких-то пахучих растений. Перед глазами встает образ маленького старичка, который жил в доме, где был такой запах. Наконец-то знакомый дом! Я должен добраться туда во что бы то ни стало.

Я иду на запах и пытаюсь вспомнить дорогу. Да, мы с Ингрид приезжали туда. Старик дал ей тогда

какие-то листья. Да, это здесь. Этот тот самый знакомый Ингрид, теперь я уверен. Я то и дело принюхиваюсь, стараюсь поточнее определить, откуда ветер доносит запах знакомого мне мира.

Уже на закате дня я вижу домишко, в котором мы с Ингрид бывали, и не однажды. И я бегу к нему, собрав последние силы. Я кружу около дома и наверняка топчу растения в саду. Да, мы были здесь!

Я подаю голос, чтобы предупредить хозяина, что это я, знакомая собака, собака его доброй знакомой. Но ничего не происходит. Я подхожу совсем близко к дому. Окно освещено, и я слышу какие-то звуки изнутри. Уверен, что это тот самый дом.

Я царапаю дверь. По-прежнему никакого ответа. Выжидаю немного, снова скребусь в дверь, лаю.

Ничего.

Тогда я ложусь на пороге, свернувшись калачиком. Я отсюда никуда не уйду.

Просыпаюсь от холода перед рассветом. В доме тихо. Останусь тут, подожду, когда кто-нибудь

выйдет. Проходит еще два-три часа. Солнце уже светит вовсю. В доме раздается какой-то шорох. Тогда я начинаю лаять изо всех сил и царапать дверь. Слышу шаги. Кто-то идет к двери. Наконец она открывается. Да, за ней тот самый старик-травник! На его добром морщинистом лице удивление. Его маленькая холодная рука тянется к моей голове.

— Боже мой! Откуда ты взялся? — спрашивает он, с трудом присаживаясь на корточки, чтобы получше меня разглядеть.

Я нюхаю и облизываю его сухонькую руку. Скулю и, собрав последние силы, пытаюсь положить лапы ему на плечи. «Узнай же меня! Ты должен меня узнать!» Я даже ложусь на спину и подставляю ему живот. «Ты же должен знать, кому ты чешешь пузо!»

— Но как же ты тут оказался? Роши! Ты ведь Роши, правда? — спрашивает старик, привалившись спиной к двери. — Парень, ты не представляешь, как будет рада твоя мамочка! Она тебя так искала! А ты вот он, у двери моего дома…

Он все чешет мой живот, и я ему позволяю. Потом встаю на ноги и облизываю ему руки и лицо. Он узнал меня! Он назвал мое имя! Он знакомый Ингрид. Теперь он чешет меня за ухом и гладит

по спине.

Мы входим в дом, он закрывает за нами дверь. Покрутившись, я понимаю, что Ингрид здесь нет. Ни ее, ни ее запаха. Значит, она давно здесь не была… Я иду за хозяином на кухню и сажусь.

— Хороший мальчик, — говорит старик и ставит передо мной миску с водой.

Я немного пью, но мое внимание больше привлекает свежая ветчина, которую старик достает для меня из холодильника. Я прямо-таки выхватываю кусок у него из рук и съедаю за секунду. О! Это слишком чудесно, мне прямо не верится!

Старик с улыбкой смотрит, как я облизываюсь.

— Ну ладно, пора что-то предпринять, — говорит он. — Тебе надо домой.

67

Сегодня церемония прощания. В саду все цветет. Хлопковое дерево обсыпает всех дождем желтых лепестков. Рядом розы и другие цветы, белые, красные, голубые!

— Теперь понимаю, почему Роши так нравилось в саду. Это же просто вакханалия цветов и ароматов! — Кей обнимает Ингрид и целует ее в лоб. — Ты готова, милая?

— Я никогда не буду готова, ты же знаешь, но момент настал. Невозможно навсегда расстаться с тем, кого так любишь. Но да… Можно сказать, что я готова. У меня есть кое-что для этой церемонии. Сейчас принесу.

Ингрид выходит на минуту и возвращается с маленькой фигуркой собаки кремового цвета.

— Я нашла ее в антикварном магазине. Тебе нравится?

Кей вертит статуэтку в руках, улыбается.

— Она чудесная, — говорит он, возвращая ее Ингрид. — Пойду в гостиную, посмотрю, все ли готово. Скоро придут друзья.

— Ты поставил экран, чтобы показывать фо-

тографии?

— Да, я проверил, все работает.

— Прекрасно, тогда я принесу еду… Пожалуйста, поставь собачку рядом с экраном.

— Да, милая, конечно.

— А еще я купила саженец персиковой ивы, — говорит Ингрид. — Я хочу, чтобы мы вместе посадили его, и там же закопаем эту фигурку. Это будет как бы его могила. Дерево символизирует жизнь… И память о Роши будет жить с нами всегда.

Кей выходит и уносит фигурку, оставив Ингрид наедине с ее мыслями.

В полдень, к приходу первых приглашенных, гостиная украшена цветами, которые Кей заказал у флориста. Когда Ингрид входит и видит букеты — белые розы окружают побег бамбука, — она молча подходит к Кею и обнимает его. Первый гость стучится в дверь, Кей берет Ингрид за руки и говорит:

— У меня есть еще один сюрприз, но он будет после ухода гостей.

— Ну что ж, хорошо! — кокетливо отвечает Ингрид и идет открывать дверь.

Гости приходят с цветами. Ингрид крепко обнимает каждого и невольно вспоминает прощание

с Джерардом на его похоронах… Но сейчас ей легче, сейчас она счастливее, как будто, отдав эту последнюю дань любви Роши, она прощается с прежней жизнью, со своим прежним «я». Она готова жить заново, оставив в прошлом потери.

Когда все рассаживаются в гостиной с бокалами в руках, Ингрид выносит небольшую коробочку и ставит ее на середину стола. Потом накидывает на плечи зеленую шаль и начинает показывать на экране фотографии Роши. Глаза ее наполняются слезами, когда она рассказывает о том, как Роши помог ей выбраться из депрессии после смерти Джерарда. И о том, как прекрасно было его растить, дрессировать, играть с ним, любить его… Собаки такие умные и красивые животные; даже когда их нет рядом, они многому учат тех, кто их любит.

Все слушают ее молча. Потом Ингрид открывает коробку, достает оттуда пачку фотографий и просит каждого из присутствующих выбрать одну. Фотографии напечатаны на экологичной бумаге, так что их можно будет закопать вместе с фигуркой. Каждый гость выбирает фото и пишет на обороте несколько прощальных слов для Роши. Потом Ингрид кладет фотографии и фигурку собаки в коробку. Для саженца уже выкопана

ямка в саду. Скоро тут посадят иву, и она начнет расти.

Ингрид приседает, все остальные собираются вокруг нее полукругом и садятся на стулья, заранее расставленные Кеем. Ингрид вздыхает, смахивает слезу и открывает коробку:

— Вот тут — память о Роши…

Она показывает собравшимся коробку с надписанными фотографиями, фарфоровой собачкой и любимой игрушкой Роши, плюшевым зайцем.

— Ты пропал десять месяцев назад, дорогой Роши, и сегодня я хороню здесь счастливые моменты твоей жизни, твою любимую игрушку и фигурку, которая так на тебя похожа. — Она умолкает, достает носовой платок. — Мячики и другие твои игрушки я подарю Роу, собаке, с которой гуляю в приюте, где я познакомилась с Кеем.

Она поднимает глаза на Кея, и тот отвечает ей ободряющим взглядом.

— Оставшиеся банки с кормом, щетки, твою подушку — все это я отнесу в приют. Там они пригодятся.

Она снова вынуждена сделать паузу, чтобы перевести дух. Она плачет, не скрывая слез. Но все-таки берет себя в руки и продолжает:

— Спасибо, Кей, что поддержал меня и пред-

ложил отдать Роши последний долг… Дорогие мои друзья, спасибо и вам, что снова пришли на похороны… Этот уголок сада всегда будет воплощением моей любви к тебе, Роши. А эта ива, которую я сегодня здесь посажу, — символ памяти и жизни, которую ты в меня когда-то вдохнул. Я люблю тебя и очень по тебе скучаю, мой дорогой Роши… Надеюсь, тебе хорошо там, где ты сейчас, что ангелы дадут тебе крылья и примут тебя в свое братство. Прошу тебя, навещай меня иногда во сне!

Ингрид плачет. Кей обнимает ее и просит каждого из собравшихся прочитать то, что он написал на обороте выбранной фотографии.

Мириам вызывается читать первой:

— Милый, милый Роши! Для моей лучшей подруги ты был светом в окне, ты исцелил ее сердце, разбитое смертью Джерарда. Спасибо, что ты был рядом с ней эти несколько лет.

Потом встают Рози и Ричард:

— Спасибо, дорогой друг, за твою мудрость и просто за то, что ты был, — говорит Рози. — Мира и покоя тебе там, где ты сейчас.

Прочитав прощальные слова, каждый кладет фотографию обратно в коробку. Сейчас очередь Евы, партнерши Ингрид по бриджу. Она

дрожащим голосом начинает читать… и вдруг замолкает. Она смотрит на ограду. Остальные тоже оборачиваются. По дорожке несется золотой вихрь. Он ловко лавирует между стульями и обрушивается на Ингрид, едва не уронив ее вместе со стулом. И еще он безостановочно скулит.

— О боже мой! — изумленная Ингрид со слезами на глазах обнимает ликующее лохматое чудо. — Роши!!!

Эпилог

Уже две недели пес, который шел по звездам, дома. Ингрид счастлива, как никогда, но счастливее всех, наверно, все-таки Роши. Он быстро налаживает дружеские отношения с Кеем, хотя иногда они спорят, кто будет спать рядом с Ингрид. Приходится приобрести новую кровать, чтобы было больше места в ногах. Там теперь и спит Роши.

Через несколько дней после возвращения Роши государственный телеканал делает репортаж о его удивительном путешествии, берет интервью у Ингрид и Кея… На следующий день, в другой программе, ведущий показывает фотографии Роши и предлагает людям, которые встречали Роши за эти десять месяцев, отозваться.

Весь мир удивляется тому, как собака, потерявшаяся в Уильямсберге, преодолела 1700 миль, ведомая лишь инстинктом. Откуда этот пес знал, где его дом? Как он ориентировался? Ведущий телепрограммы называет его чудо-собакой.

Постоянно приходят вести от тех, кто видел Роши. Выясняется, что последние 280 миль он

проехал в автомобиле старого знакомого Ингрид, в чьем доме Ингрид со своим золотистым ретривером была пару раз.

Через неделю после выхода в свет программы о «чудо-собаке» начинают приходить письма от людей, которых не знают ни Ингрид, ни Кей. Из Вирджинии, из Кентукки, даже из Канзаса и Миссури! Сидя у кухонного стола, Ингрид вскрывает конверты и с волнением читает. Роши лежит у камина. Услышав голос хозяйки, он поднимает голову и вопросительно смотрит на нее своими янтарными глазами.

— Иди сюда, дорогой! Ты не поверишь, откуда эти письма!

Кей кладет закладку в книгу и приходит на кухню.

— Это от женщины по имени… — Ингрид поправляет очки, — в общем, она подписывается «Ребекка». Кажется, она познакомилась с нашим мальчиком в сентябре и провела с ним несколько дней в лагере кочевников. Она пишет, что он пришел с ее знакомым по имени Тобиас. Это было в Вирджинии. Недалеко от Ричмонда.

— Вот это да! Непостижимо! — восклицает Кей.

Роши громко лает, подтверждая, что и он того же мнения.

К концу вечера они уже имеют представление о том, где успел побывать Роши и каков был его маршрут. Пришли письма от всех добрых людей, которые встретили собаку и приютили ее. И все они не жалеют похвал для Роши. Когда письма заканчиваются, Кей берет Ингрид за руку и просит ее сесть с ним рядом у камина. Ночью все еще прохладно, так что они с удовольствием топят камин.

Явно нервничая, Кей что-то ищет в кармане. Роши поглядывает на него краем глаза. Кей находит то, что искал, и смущенно сжимает это в кулаке. Он краснеет и тихо говорит:

— Я ношу это с собой со дня похорон… вот этого парня, который живее всех живых. Я все не находил подходящего момента для обещанного сюрприза. Ты помнишь, что я тогда сказал?

— Да, дорогой. Ты сказал, что у тебя есть для меня сюрприз и что ты предъявишь его, когда

разойдутся гости. Но появление Роши все изменило…

— Не все… — улыбается он.

Он разжимает кулак: у него на ладони лежит что-то круглое и блестящее.

— Ингрид Вайсман, ты выйдешь за меня замуж?

Чему учит Роши

1. Помоги другому — и поможешь себе.
2. Жизнь — это игра.
3. Приятно заботиться о ком-нибудь.
4. Хочешь идти быстро — иди один; хочешь идти далеко — иди не один.
5. Настоящим друзьям не нужны слова, чтобы понимать друг друга.
6. Уметь прощать — уже половина счастья. А вторая половина — уметь забывать.
7. Ты не один.
8. Любовь не проходит, она просто принимает другие формы.
9. Помоги любому, кто придет к твоему дому.
10. Иногда наивысшая доблесть — попросить о помощи.
11. Все в жизни временно.
12. Наслаждайся счастьем сейчас.
13. Не медли с помощью.
14. Имей щедрость принять.
15. Лучшее лекарство — доброта.
16. Слушай тех, кто тебя любит.

А также:

17. Гав! (Жизнь прекрасна.)
Роши

Благодарности

Спасибо доктору Руперту Шелдрейку за его исследования морфогенетического резонанса и книгу о собаках, которые чувствуют, что их хозяин приближается к дому.

Спасибо Никку (Никкендольфу), немецкой овчарке, которая жила у нас, когда я была подростком. Этот пес научил меня играть, доверять, а еще понимать собачий язык. Позже я уже не могла быть с ним рядом, потому что уехала. Но я принесла в наш дом котенка Билли и надеюсь, что этим хоть отчасти искупила свою вину.

Спасибо всем собакам, которые сопровождают нас в жизни, за то, что учат нас любить, играть, прощать, излечиваться с их помощью.

Мой дорогой Франсеск Мираллес, спасибо за твои советы и за редактирование книги.

Спасибо моему итальянскому издателю *Giunti* за поддержку и терпение. Рождение книги требует своего ритма и немалого времени.

Спасибо Сандре и Берте Бруна, моим литературным агентам, за доверие и моральную поддержку. Вы лучшие!

Спасибо издателям *VR* в Америке и в Испании. Я буду рада и дальше сотрудничать с вами. Спасибо моему редактору Соледад Калле за внимательное и аккуратное обращение с моим романом.

И конечно, спасибо тебе, дорогой читатель, за то, что ты вместе со мной сопровождал Роши в его путешествии. Надеюсь, тебя оно так же вдохновило и взволновало, как меня.

Спасибо морю, горам, кошкам и собакам. Я вас всех очень люблю. Спасибо за то, что мы с вами тоже дети этой прекрасной природы. Надеюсь, когда-нибудь мы научимся лучше о ней заботиться.